

Вера Чиркова

Сестры Тишины. Глупышка

© Чиркова В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес ()

Глава 1

– Садись, Эста.

Невзрачная девушка в свободной блузе и серой юбке со множеством оборок незаметно скользнула взглядом по комнате, проверяя, нет ли подвоха в словах сидевшей за письменным столом женщины, и аккуратно опустилась на край стула.

– В этом году мы решили немного отступить от правил, – откровенно, но достаточно сухо сообщила хозяйка кабинета, – так как полностью обучение завершили трое, а контрактов предложено четыре. И тебе, как лучшей и освоившей сразу два ремесла, предоставлено право выбирать первой. Вот папка с предложениями, можешь думать до вечера. Если ничего не решишь, выберу, как обычно, я сама.

– Понятно, матушка. – Девушка осторожно приняла кожаную папку с бумагами, незаметно заглянула на ее тыльную сторону и тенью выскользнула из кабинета, поймав в отражении одного из камней дешевого на вид браслета удовлетворенную ухмылку настоятельницы. В своей комнате Эста сначала бросила на столик салфетку, затем, положив на нее папку, достала из кошель перчатки и маленькую лупу в изящном футляре, замаскированном под пудреницу. Эта папка могла оказаться последней проверкой, и пренебрегать мерами предосторожности не стоило.

Однако в папке и в самом деле оказалось четыре запечатанных конверта. Все разные по величине, цвету и качеству бумаги и украшавшим их вензелям и печатям. И открыть можно было только тот, который выберешь.

Эста достала из папки последний предмет, небольшой листок, на котором рукой настоятельницы были небрежно написаны четыре имени и против каждого пометка: кокетка, тихоня, глупышка и болтушка, – прочла и на миг задумалась.

Безусловно, ей больше нравилось быть «тихоней», но напротив имени нанимателя, которое привлекло Эсту с первого взгляда, заставив лишь мельком осмотреть остальные, стояло – «глупышка», что было ее второй профессией, полученной в стенах этого необычного монастыря. Значит, придется побыть некоторое время «глупышкой», без сожаления вздохнула девушка, привычно сложила все бумаги в папку в том же порядке, в каком они там находились ранее, и направилась в кабинет настоятельницы. Неважно, что та отпустила ей на раздумье оставшиеся до вечера несколько часов, на самом деле матушка не любит тугодумов и не стоит понапрасну испытывать ее терпение.

– Выбрала? – остро взглянула хозяйка кабинета на вошедшую.

– Да, третий. – В монастыре Святой Тишины существовало незыблемое правило – не называть без особой надобности ни имен, ни титулов.

– Хорошо. – Лицо настоятельницы на миг исказила досада, но только на миг. – Держи. Можешь взять в гардеробе пять платьев, а в кладовой полный набор... и помни, первый экземпляр контракта остается здесь, а все остальное ты должна сжечь. Сопровождающие придут завтра утром. Иди и пошли сюда Розы.

Эста сунула в один из потайных карманов конверт, выданный матушкой, еле заметно кивнула и выскользнула из кабинета.

– Глупышка, – проводив ее взглядом, пробормотала настоятельница и позволила себе вздохнуть, – а жаль.

Сопровождающих было трое, кучер небольшой дорожной кареты и двое вооруженных всадников.

– Прошу, – тот из мужчин, которого Эста определила как командира маленького отряда, вежливо подал девушке руку, помог забраться в карету и решительно захлопнул дверцу.

«Властный, уверенный в себе... немного даже чересчур уверенный, ловкий и сильный... что же еще? – думала Эста, глядя на пробегающие мимо ели и сосны. – Пожалуй,

подозрительный и, несомненно, умный. А вот к женщинам наверняка относится с пренебрежением, заметно было по тому, как он резко хлопнул дверцей, нисколько не заботясь о покое спутницы. Или не ко всем женщинам, а только к тем, кого нанимают по контракту? Ну, к вечеру это будет понятно.

Внешность у него довольно броская. Бронзовый ястреб, по классификации матушки. Резко очерченные скулы, гордый нос, насмешливо надломленные брови, твердые губы... Определенно, не одна дурочка заливала слезами подушку после близкого знакомства с ним.

А вот его подчиненный попроще. Обычный воин из тех, кто умеет выжить в стычке и не даст себя обмануть в торговых рядах, верный, как пес, и осторожный, как лис. Да, скорее всего, одинокий пес, и хотя ничего плохого от него можно не ждать, но и на помощь, если придется столкнуться с командиром, рассчитывать не стоит. Ну а кучера рассмотреть не удалось, только край плаща, и эту загадку придется оставить до привала».

Эста достала из дорожной корзины большой кошель для рукоделья, вынула из него спицы, клубок шелковых ниток, и начала вязать кружевной шарфик, это занятие, как ни одно другое, помогает тренировать ловкость пальцев и способствует размышлениям. А подумать девушке было о чем, и не все ее мысли были такими благодушными, как можно было решить, глядя на ее спокойное личико.

До обеда карета остановилась всего один раз, возле придорожного трактира. Провожатый молча распахнул дверцу, помог спутнице выйти и указал на поджидавшую служанку.

- Она проводит умыться.

Эста так же молча кивнула и направилась к смуглолицей полукровке, чувствуя спиной пристальный взгляд сопровождающего. Но даже не подумала оборачиваться, проверяя правильность своих ощущений. Незачем. Пусть себе смотрит, пусть строит планы, как привлечь ее на свою сторону или сделать послушной куклой. Все глупышки и тихони через это проходят. И в обители давно придумали не один десяток способов, как избежать нежелательных покровителей и тайных манипуляторов.

«Какая-то она... слишком серенькая для глупышки», - думал Дагорд аш Феррез, наблюдая за монашкой, обошедшейся его господину столь же дорого, как четверка племенных жеребцов. Но на жеребцах можно ездить, и их можно при нужде продать, а вот будет ли толк от этой серой мышки, никто не может поручиться. Хотя в трактире, где он ожидал решения настоятельницы, околачивалось по меньшей мере с десяток подозрительных личностей, а в каретном сарае он заметил, кроме своей, три кареты без гербов и каких-либо примет. Глупышек и тихонь принято было увозить тайно.

Вышедшая из трактира девушка спокойно и размеренно подошла к карете и, не глядя на Дагорда, остановилась, поджидая, пока для нее откроют дверцу. Обычное поведение благовоспитанной девицы, задвижки бывают слишком тугими для девичьих ручек. Аш Феррез небрежно открыл для подопечной дверцу и с досадой поджал губы, похоже, все-таки лжет молва, что толку от хорошей глупышки больше, чем от ловкого сыщика.

«Пожалуй, он скорее из тех самоуверенных господ, которые привыкли доверять только личному опыту общения с людьми и не допускают возможности собственной ошибки. Как и возможность оказаться обманутыми», - доставая фляжку с отваром и еле заметно улыбнувшись, подумала Эста, когда карета тронулась.

Открутила пробку и прямо из горлышка сделала быстрый глоток. Теперь можно и отдохнуть. Как видно по скорости движения и редким остановкам, ее сопровождающий не намерен тратить много времени на привалы и ночлеги. Значит, спешит... Очень жаль. Так как по его изучающему взгляду трудно было не понять: он непременно попытается выяснить, что представляет собой его подопечная и на какие поступки она способна. А как показывает опыт ушедших по контрактам сестер Тишины, собранный в виде отчетов

в особой папке, хранящейся в тайнике настоятельницы, способов для проверки у мужчин не так-то много. Но и в этом кратком списке большинство с упорством тупиц выбирают один, по их мнению, самый надежный.

Значит, нужно быть готовой... и до вечера не волноваться, такие самоуверенные мужчины не любят ни тесноты колясок, ни мокрых куч опавшей листвы.

Но зато она сумела рассмотреть кучера и убедилась, это почти копия второго сопровождавшего, только лет на десять моложе и немного хитрее. Слишком мягкие и удобные у него сапоги и длинный плащ, привык не слезать без надобности с кучерского места.

До обеда Эста немного подремала, а заслышав, как копыта лошадей застучали о мостовую, поспешила оглядеть свое лицо в зеркало. Ну, так и есть, на скулах после сна появился румянец, с губ стерлась синеватая помада, придающая лицу нездоровый вид.

Несколько уверенных мазков кисточкой, легкое движение мизинчиком, и на лицо вернулась тусклая бледность, а губы стали незаметными и узкими. Девушка придирчиво проверила результат своей работы, спрятала кошель с косметикой и откинулась на спинку сиденья. Многого от обеда она не ждала, но как минимум познакомиться им с провожатым пора. Карета уже свернула с дороги на оживленный королевский тракт и влилась в поток таких же экипажей, торопившихся отвезти своих хозяев в столицу. Зимой знатные господа и просто богатые землевладельцы предпочитают проводить в Датроне.

– Обедаем ровно час, – тоном человека, привыкшего к беспрекословному повиновению, сообщил сопровождающий, и Эста снова не ответила ни слова.

Незачем ему отвечать, он ведь только и ждет возможности начать допрос или, хуже того, попытаться выдать инструкции и рекомендации. Так же молча девушка сходила умыться, а выйдя в обеденный зал, спокойно направилась к занятому спутником столу.

– Суп с курицей, суп овощной, телятина в бульоне... – перечислял подавальщик, но Эста пропускала эти названия мимо ушей. Кушать в трактирах супы – большая неосторожность.

– Целый помидор, вареное яйцо, картофелина в кожуре, чай и хлеб, – спокойно произнесла девушка, дослушав оглашение списка блюд.

– Но у нас... вряд ли найдется такая еда, – едва ли не с возмущением уставился на нее подавальщик.

– Ну, так приготовьте. Картофель варится десять минут, яйцо две. – Девушка говорила тихо и вежливо, глядя в глаза прислуги с легкой укоризной, словно застала его за кражей мяса из тарелок посетителей. – А пока принеси помидор и хлеб.

– А мне мясо в бульоне, жареную курицу, хлеб и бокал столового вина, – властно приказал сопровождающий и, дождавшись, пока подавальщик исчезнет, насмешливо уставился на монашку. – А вы осторожны, госпожа...

– Госпожа Эсталис, – вежливо подсказала Эста, скучающе рассматривая стоящий на столе чахлый букетик осенних ромашек.

– Очень приятно. – В голосе спутника не прозвучало даже малейшего намека на какую-либо приятность. – А я Змей.

– Взаимно, – не выказав ни удивления, ни интереса, так же бесцветно произнесла Эста, заливаясь в душе ироническим смехом.

Он даже не подозревает, что, назвав ложное имя, одно из трех, под какими появлялся вместе с господином в разных городах и участвовал в похождениях, тем самым открыл глупышке свое инкогнито. Дагорд аш Феррез, тридцать два года, граф, но ни поместья, ни замка не имеет, все пропало во время попытки переворота. Состоит при герцоге уже одиннадцать лет и все эти годы неустанно доказывает свою преданность и смелость. И – Эста таки правильно угадала – считается кумиром многих придворных дам и никогда не возвращается к надоевшим любовницам.

Единственная плата за помощь, кроме суммы первого гонорара, которую не отказывается взять настоятельница, – это сведения обо всех знатных или выдающихся господах, которых кокетки и болтушки встречают во время выполнения контрактов. И никто из сестер Тишины не отлынивает от нетрудной обязанности раз или два в неделю отправить свиток со своими записями по знакомому адресу.

Тарелку, на которой лежал ломоть хлеба, крупный помидор и несколько добавленных от щедрот повара листиков зелени, Эсте принесли на одном подносе с заказанными Змеем блюдами. Видимо, хотели с помощью румяной курочки и глубокой миски с наваристым бульоном, присыпанным мелко резанным зеленым лучком, вызвать у странной клиентки чувство зависти, если не аппетита. Но она даже не взглянула в сторону взявшегося за ложку Дагорда, спокойно нарезала хлеб и помидор тонкими ломтиками, чуть присолила и начала кушать с естественностью, присущей только истинным аристократам и людям с чистой совестью. Несколько минутами позже подавальщик с кислым видом принес еще тарелочку, на которой катались яйцо и картофелина в кожуре. Они были очищены и порезаны Эстой с невозмутимостью глубоко уверенного в своих действиях человека, и следивший издали подавальщик отправился доложить повару, что дамочка, по-видимому, страдает какой-то болезнью или диетой и потому вряд ли станет заказывать другие блюда.

И он угадал. Доев и вытерев салфеткой пальчики, Эста невозмутимо сообщила Змеем о своем намерении подождать его на улице и покинула трактир.

Дагорд, продолжавший с прежним аппетитом обглаживать куриные косточки, едва заметно кивнул в ответ. Однако едва девушка скрылась за дверью, заторопился, с досадой поминая серенькую глупышку недобрыми словами. Небось, не стала бы так капризничать, если бы проехала миль десять на лошади. Ну, ничего, вечером они прибудут в Турис, и там он преподаст этой гордычке урок послушания. Не такая у нее должность, чтобы строить из себя знатную даму.

– Змей, – встретил его на крыльце обедавший с кучером в нижнем зале Мирош, – госпожа уже вышла. Я послал Юлиса за ней присматривать.

– Хорошо, – сунул ему в руки сверток граф, – вот кусок курицы, съедите пополам. Сейчас твоя очередь сидеть на козлах.

– Не хочу, здесь дорога ровная, я на козлах усну, – отказался Мирош, и Змей не стал настаивать.

Молча кивнул и направился к карете, неподалеку от которой гуляла глупышка, похожая на служанку в своем сером дорожном плаще и такой же серой шляпке с маленькими полями и скрывающей половину лица вуалью.

Через пять минут маленький отряд вывернул с дороги, ведущей к трактиру, на королевский тракт и помчался дальше с прежней скоростью.

Эста неторопливо вязала шарфик и вспоминала замеченный во дворе роскошный дормез, из которого выпрыгнула одетая в нарядный жакет и розовую шляпку Роза. Следовательно, она получила контракт к принцу Лоурдену, именно против его имени стояло обозначение – кокетка. Эста тоже могла бы в случае крайней необходимости отработать кокеткой, но уставала от этой профессии невероятно и потому изучила только самые азы. Но если Роза получила это место, продолжала выстраивать простенькую логическую цепочку глупышка, стало быть, Кайя, третья девушка, закончившая обучение в этом году, поехала к барону Бьюрингу, ему нужна была именно болтушка. И выходит, контракт на тихоню остался свободным. Плохо, он был от герцога Эфройского, а тот слывет человеком жестким и самолюбивым и вряд ли смирится с отказом. Интересно, кого матушка отзовет с места закрыть этот контракт? Ссориться с советником принца она вряд ли решится.

До Туриса Эсте удалось вздремнуть еще часок, и по приезде она чувствовала себя очень бодро, но никто бы об этом не догадался, когда девушка выходила из кареты.

Первый же взгляд на здание, куда вел ее Змей, сказал глупышке, куда ее привезли. Это

была вовсе не гостиница, а меблированные комнаты, и, стало быть, ее спутники останавливались тут, когда направлялись в монастырь. Вот теперь понятно, почему они едут налегке и почему граф так уверенно ведет ее к боковому крыльцу.

Девушке хотелось бы думать, что Змей будет вести себя с ней так же холодно и вежливо, как и весь день, но она прекрасно понимала: вся его холодная вежливость была лишь игрой. Отлично заметила и сжатые кулаки графа, и презрение в его взгляде, и затаенную усмешку. Поэтому намеревалась подготовиться к выходке сопровождающего заранее. И даже метод, каким собиралась проучить сердцееда, уже выбрала. Самый жесткий, хотя и самый дорогой.

– Вот твоя спальня, – проведя девушку в гостиную, служившую и столовой, кивнул Змей на одну из дверей и скрылся в комнате напротив.

Эста молча прошла в предложенную ей комнату, внимательно осмотрелась и только теперь позволила себе вздохнуть. Все-таки она угадала. Граф намеренно уступил ей комнату с широкой супружеской кроватью, рассчитывая запугать девушку заранее, но даже и не подозревая, что тем самым развеял ее последние сомнения.

Глупышка насмешливо заперла хлипкий крючок, совершенно символическую защиту от вторжения, прихватила свой саквояж и решительно направилась в умывальню. Вряд ли Змей придет до ужина, судя по тому, как он уплетал за столом курицу, граф привык все делать не торопясь и основательно, и, значит, можно особенно не торопиться.

Однако она ошиблась и убедилась в этом, едва открыв дверь в спальню. В комнате пахло дорогим мужским мылом, а на краю кровати полулежал Дагорд, в тонких штанах и расстегнутой почти до пояса рубашке. В вырезе виднелась загорелая шея и мускулистая грудь, и Эста отметила, насколько ровно загорела его кожа. Следовательно, граф имеет обыкновение тренироваться без рубашки. И в таком случае не показывает ей сейчас ни одного из своих совершенств сверх тех, на какие могут каждый день любоваться все служанки его господина.

Девушка поджала губы, старательно скрывая досаду от осознания своей грубой ошибки. Хотя подобный вариант она тоже рассматривала, но как почти невероятный. Выходит, Змей еще и мстителен, раз решил оставить ее без ужина, сделала монашка невеселый вывод, прежде чем задала самым бесцветным голоском законный вопрос:

– Что вы тут делаете?

– Неужели тебе нужно объяснять?! – насмешливо скривил он губы. – Жду тебя.

– Зачем? – Она еще пыталась дать ему последний шанс перевести все в шутку, очень уж не хотелось терять целый день и надолго превращать графа во врага.

– Хочу получить немного ласки, – откровенно заявил Дагорд и улыбнулся своей самой неотразимой улыбкой, – поставь свой саквояж и иди сюда.

– Глупышки не оказывают таких услуг, – сообщила она так же бесцветно, – ты читал тринадцатый пункт контракта?

– А это будет не услуга... – улыбнулся он провокационно, – а начало дружеских отношений.

– Глупышки ни с кем не завязывают дружеских отношений, – кротко напомнила Эста, уже понимая, что граф все равно этому не поверит. Просто не представляет, как девушка может не желать ни его любви, ни дружбы, оттого намеренно и нагло лжет ей сейчас.

– Ты хочешь, чтобы я встал и сам принес тебя на руках? – с притворной заботой поинтересовался Змей, внимательно наблюдая за сосредоточенно о чем-то размышлявшей девушкой.

Действительно, глупышка! Да если он захочет, то не станет ни ждать, ни разговаривать! Сейчас Змею нужно лишь приучить ее к простой мысли: гораздо выгоднее и безопаснее повиноваться ему, чем сопротивляться и спорить!

- Нет, не хочу, - честно и печально ответила Эста, - я желаю сугубо деловых отношений. Но ты ведь не согласишься уйти по-хорошему? Значит, придется уйти мне.

- Куда? - Граф еще улыбался, но уже заподозрил неладное и осторожно сел на постели.

- Читай пункт тринадцатый, - посоветовала девушка и исчезла в молниеносной вспышке портала.

Глава 2

Дагорд успел осознать, что глупышка задумала какую-то каверзу, и коршуном прыгнул к ней в самый последний момент, но схватил крепкими и ловкими руками только воздух, пахнувший почему-то зимними яблоками.

И в первый момент не поверил собственным ощущениям, настороженно огляделся, истово надеясь на чудо. Если поблизости нет башни или зарядной пирамидки, перенос не удастся, и девушка обнаружится на кровати или у окна. Однако комната была пуста.

Гнев, разочарование и жгучая, как крапива, досада на собственную оплошность были столь сильны, что советник и телохранитель герцога Адерского взвыл разъяренным тигром и ударил кулаками по стене, возле которой глупышка стояла еще несколько минут назад. Стояла и напоминала ему о каком-то тринадцатом пункте. Теперь Змей со всей очевидностью понимал: печаль в ее глазах была вовсе не мольбой испуганной монашки, а предупреждением уверенной в своих действиях сестры Тишины.

Все остальное тоже стало ему совершенно ясно в этот момент и захотелось со всей силы врезать по роже одному самоуверенному болвану, вовремя не сообразившему, что вовсе не она будет через несколько минут плакать и умолять о пощаде.

Это именно он теперь должен вместо долгожданного отдыха наскоро перекусить и мчаться в ночь искать беглянку. И даже если повезет ее найти, именно ему придется сполна испить чашу унижения, не единожды умоляя о прощении и заверяя в своей благонадежности. Но хуже всего, если, так и не найдя глупышку, графу придется докладывать о своей промашке Герту. И заранее тошно и стыдно представлять, как он будет объяснять собственную самонадеянность и глупость, из-за которых потерял профессионалку, оплаченную кучей золота. Отнюдь не лишнего в тощей казне его господина и друга.

Но обиднее всего, что Змей вовсе не намеревался исполнять свои угрозы, давно прошли те времена, когда он пускал к себе в постель случайных женщин.

А монашка должна была всего лишь осознать во всей полноте необходимость беспрекословно подчиняться ему да остаться разок без ужина. Граф был уверен, что ни одна благоразумная девушка не осмелится после полученного урока встречаться с ним за вечерней трапезой.

С минуту Змей скрипел зубами и яростно пинал ногами ни в чем не повинную кровать, на которой так славно выспался два дня назад, отлично зная, как глупо выглядит в этот момент. Затем, немного успокоившись, принялся за дело. Сначала заглянул в шкаф, проверил карманы одиноко висевшего там серого плаща и не нашел в них даже крошек от печенья. Затем помчался в свою комнату, которой, как уже точно знал, ему не суждено будет в эту ночь воспользоваться.

Там Дагорд первым делом достал из кармана куртки свою копию контракта и торопливо отыскал проклятый тринадцатый пункт.

«Если же будет нарушен один из вышеперечисленных пунктов, сестра Тишины имеет право вернуться в монастырь».

Вот теперь он вспомнил этот пункт и даже вспомнил, как усмехался, его читая. В тот момент ему представлялось, что возвращаться глупышке придется пешком, ведь ни кареты, ни денег на наемный экипаж ей никто не даст. А такой щедрости в настоятельнице, выдавшей воспитаннице дорогой портал, он не мог даже заподозрить.

Дагорду вспомнился многозначительный намек хозяина трактира, что кому-то придется в этом году возвращаться с пустой каретой, мол, желающих заполучить профессионалок больше, чем девушек, и с чувством обозвал себя кретином и тупицей. А потом ринулся назад в спальню глупышки, забрать ее ботиночки и плащ со шляпкой. Змей был твердо намерен отныне не позволить себе совершить ни единой ошибки.

И глаз не спустить с проклятой монашки, если удастся заполучить ее во второй раз.

На верхней площадке башни гулял холодный ветерок, сразу выстудивший босые ноги и еще не просохшие после умывания на лбу и висках волосы девушки. И этот холод лишний раз напомнил ей о близости Геркойского хребта, откуда уже наступала зима. Задерживаться Эста не стала, подобрала юбки, торопливо распахнула дверь, ведущую к каменным ступенькам, и смело шагнула вперед, совершенно уверенная, что матушка уже в курсе ее появления. И ждет внизу, в уютной гостиной, расположенной над ее кабинетом, коротая, как обычно, вечер за горячим чаем и чтением исторических описаний.

– Рановато ты, – с едва заметной усмешкой констатировала настоятельница, когда девушка, торопливо сбежав по узкой винтовой лестнице, открыла незаметную с лестничной площадки дверцу, – значит, не ужинала. Накрывай на стол, еда вон на подносе, где посуда, ты знаешь.

– Ждать никого не будем? – с удовольствием ощутив под ступнями теплый и мягкий ковер, непринужденно осведомилась беглянка.

С той минуты, как Эста подписала контракт и покинула монастырь, она больше не была простой монахиней и возвращалась сюда полноправной сестрой Тишины.

– Перекусим, там видно будет. Чем ты обедала?

– Круглым и целым, – долбленные за несколько лет правила за один день куда не исчезли.

– Тогда наливай себе супа, – предложила матушка, и девушка не стала отказываться. Поставила у стены саквояж, который пока так и не выпустила из руки, и прошла к столу.

Некоторое время они ели спокойно, незачем спешить, когда в запасе вся ночь.

– Кто был спутником? – дождавшись, пока Эста справится с грибной похлебкой, небрежно осведомилась мать-настоятельница.

– Верный друг. – Эста не сомневалась, матушка проследила за теми, кто поджидал ее у ворот, и отлично их опознала. И потому не собиралась нарушать правил.

– Представился?

Девушка с усмешкой сделала «виляющий» жест гибкой рукой, изображая ползущее пресмыкающееся, и в глазах матушки заискрился смех.

– Не понимаю, зачем ему нарушать уговор?! – осуждающе поджала она губы, искоса поглядывая на сестру, подкладывающую себе жареную рыбу.

– Не нарушать. Только припугнуть, – спокойно поправила Эста.

– Ты не захотела рисковать?

– Бесполезно.

– И приобрела врага.

– Скорее, шпиона, – снова уточнила девушка и некоторое время спокойно ужинала, затем, вспомнив встречу возле трактира, осторожно отчиталась: – Я встретила очень интересную шляпку, думаю, не купить ли себе?

– Тебе не пойдет, – качнула головой матушка и налила себе сливовый компот. – Какие планы?

– Если нужно еще прокатиться, то я готова. – Эста откровенно вздохнула.

– Не стоит себя мучить, – подумав несколько минут, постановила настоятельница. – И последний вопрос... остался еще контракт. Имеешь право передумать.

– И наживу новых врагов. – Сестра Тишины назвала только одну причину, но думала совершенно о другой. И снова не сомневалась, что матушке известны все ее мысли.

– Возможно. Хорошо, тогда иди сейчас. Вот портал. Немного погоди, я предупрежу, тебя встретят. – Настоятельница написала бисерным почерком крохотную записку и отправила в неизвестность магическим вестником. – Захвати сундук, он стоит наверху, в нише возле выхода с лестницы. Цвет знаешь?

– Да. Плащ купить на месте?

– Возьми вон в том шкафу, и ботинки тоже.

Этот плащ был намного более дорогим и изысканным, чем прежний, однако совершенно немодного серо-зеленого цвета, и с еще более старомодным капюшоном.

– Я задержу его. – Матушка повторила жест Эсты. – Отдохни утром подольше. Иди, и мирной тебе Тишины.

– Мирной, – откликнулась Эста, взяла свой саквояж и вышла через ту же дверку, что вошла.

Поднявшись по лесенке, выбрала в неярком свете масляной лампы среди стоявших в глубокой нише сундуков зеленый и потащила его на верхнюю площадку. По заведенному правилу глупышки и тихони уезжали из монастыря налегке, сундуки им позже доставляли маги из почтовой гильдии. Дорого, разумеется, но терять уникальные наряды под мечами господ, разъяренных исчезновением девушек, значительно накладнее.

Крошечная капсула, открывавшая путь в заданную точку, разломилась бесшумно, и через несколько секунд девушка опять стояла на башне. Здесь было намного теплее, ярко светили магические фонари, а маг в голубой накидке с вышитыми звездами присматривал за порядком.

– В четвертом секторе госпожа с сундуком!

Проворный служитель почтовой гильдии подхватил сундук и потащил к широкому проходу, ведущему в зал ожидания.

– Авросия, дорогая, наконец-то! – Женщина лет сорока подскочила к Эсте, стиснула в объятиях и сунула служителю монетку. – Спасибо. Дальше мы сами, я с кучером.

Кучер оказался возницей наемной коляски с закрытым полотняным верхом. Он довез их до небольшого переулочка, где встречавшая, без умолку тараторившая новости про здоровье мнимых общих родственников, попросила остановиться возле массивных, крепко запертых ворот. Однако этот дом вовсе не был окончательной целью их путешествия. Едва коляска скрылась за поворотом, встречающая перестала копаться в объемистом кошелье в поисках несуществующих ключей и махнула рукой. Из переулочка немедленно выехала темная карета без гербов и остановилась рядом. Соскочивший с козел мужчина в одно мгновение подхватил сундук и поставил в карету, открыв правую дверцу, а женщины тем временем легко и бесшумно вползнули в левую.

И вскоре экипаж уверенно катил по еще оживленным улицам столицы, направляясь к небольшому особняку герцога Адерского, расположенному в западной, зажиточной части Датрона.

– Может, переночуешь у меня? – только и спросила сразу ставшая очень молчаливой женщина.

– И утром приехать при всех?

Больше они не произнесли ни слова, обе устали за день, да и зачем слова тем, кто видит больше других.

Возница остановил карету, предусмотрительно проехав дальше будки привратника на пять шагов, и пока Эста тащила свой сундук до калитки, стук копыт стих за ближайшим поворотом. Впрочем, она особенно и не торопилась.

– Любезный, – учтиво попросила девушка сонного усатого привратника, озадаченно изучающего возникшую словно ниоткуда незнакомку, – доложите, пожалуйста, вашему

господину, что прибыла новая чтица. Он меня ждет.

– На чем прибыла? – не поверил старый слуга.

– С оказией, – несчастно пролепетала незнакомка, – и поторопитесь, а то я так устала! Просто упаду сейчас прямо тут. Боюсь, Дагорд аш Феррез, который меня нанимал, этому не обрадуется.

– Сразу бы так и сказали, – засуетился привратник и загремел ключами, – сейчас я вам открою калитку, а пока прибежит лакей за сундуком, посидите на лавочке.

Эста еле заметно усмехнулась и устало прошла в распахнувшуюся створку, не спуская тем не менее глаз со своего сундука.

Старик, разглядев стройную фигурку в старомодном плаще, признал в гостье провинциалку и, сжалившись, сам занес в ограду нехитрый багаж. А к тому времени, как калитка была заперта и девушка успела рассказать, что она сирота из знатного, но бедного семейства и очень рада полученному тут месту, привратник был совершенно уверен: это хитрый Змей нашел новую наивную игрушку для своего господина. Однако вмешиваться и давать советы даже не подумал, она все равно не послушает, а ему попадет. Да и некуда ей больше идти.

Лакей прибежал довольно скоро, а еще через полчаса Эста уже разместилась в довольно миленькой комнатке на втором этаже. Оказывается, Дагорд, уезжая по делам, не забыл приказать приготовить ее для нанятой им чтицы. Традиционно глупышек и болтушек представляли обществу компаньонками немолодых дам или чтицами для господ. Реже – секретарями или камеристками. Тихони служили у дам дальними родственницами или воспитанницами, а у господ – секретарями или официальными спутницами. А вот кокетки чаще всего играли роль фавориток или кузин.

И потому комнаты им выделяли неподалеку от господских покоев, да и звонок провести не забывали, чтобы долго не ждать, если понадобится вдруг хозяйке общество компаньонки, или господин, страдая от бессонницы, пожелает послушать новый исторический труд либо пикантный роман.

Самого Геверта, или Герта Адерского, в этот вечер в особняке не оказалось, он уехал на званый ужин и вполне мог и не приехать ночевать. И это обстоятельство вполне устраивало Эсту, сегодня она хотела только отдохнуть. А вот завтра желала бы предстать перед господином хотя бы на полчаса раньше, чем примчится Змей. Хотя матушка и обещала его задержать, в ярости граф был вполне способен разориться на портал. В ближайшем от монастыря городке имелась башня почтовой гильдии.

Эста наверняка удивилась бы, узнав, что Дагорд аш Феррез в этот момент уже сладко спал. Вместе с Мирошем, устроившись с воином вальетом на наваленных в карете перинах.

И только расстроенный внезапной сменой планов Юлис неустанно погонял свежих лошадей, взятых ими на постоялом дворе. Мироша ему велели разбудить не раньше чем в два часа ночи, а очередь графа править наступала в шесть утра. К рассвету Змей собирался оказаться у ворот монастыря.

Глава 3

– Госпожа настоятельница не беседует с мужчинами. – Немолодая женщина, похожая твердостью характера и загорелым лицом на сержанта женского легиона, а не на монашку монастыря Святой Тишины, повторяла это назойливому посетителю уже десятый раз.

– Но у меня очень важное дело. – Он упрямо держался крепкой рукой за раму приоткрытого маленького оконца, не давая его захлопнуть. – Очень. Попросите ее сделать исключение, я готов на все условия.

За оконцем раздались удаляющиеся шаги, хлопнула внутренняя дверца, и Дагорд яростно выругался про себя. Если бы он вчера утром догадывался, через какие унижения придется пройти, даже близко не подошел бы к проклятой глупышке. Приказал бы Мирошу представить себя командиром, а сам сел на козлы. Вот теперь у него даже сомнений не осталось в статусе этой девицы. Никакая она не глупышка, а прожженная стерва с манерами воспитанницы пансиона для благородных сироток. Впрочем, с тех эти манеры и благородство сползают быстрее, чем платья под напором слаженного воздействия нежных взглядов и звона монет.

– Что вы хотели? – Голос, раздавшийся за оконцем, был невероятно похож своей бесцветностью и безразличием на голос вчерашней спутницы, и Змей ни на минуту не усомнился, кого наконец-то видит, вернее, слышит.

– Попросить прощения за бестактное поведение, – начал он, но собеседница резко перебила:

– Я такого не припоминаю.

– Вчера мы сопровождали сестру Тишины, получившую контракт. – За утро Дагорд едва ли не до дыр зачитал проклятый документ и теперь помнил его наизусть. – И я осмелился пошутить... насчет своего желания нарушить пункт седьмой. Теперь я глубоко раскаиваюсь и приношу свои извинения. И прошу позволения лично объясниться с госпожой...

– Не нужно имен, – снова перебила настоятельница.

– Как скажете. Но она должна знать, что я глубоко сожалею о содеянном и готов дать обещание больше никогда не подходить к ней ближе чем на три шага.

– Напишите все свои извинения и обещания на бумаге, – безучастно посоветовала собеседница, содрогаясь от внутреннего хохота: такого Змея вряд ли видел до нее кто-нибудь из женщин. – Я попытаюсь вам посодействовать.

Теперь даже двух истраченных порталных капсул не жаль, зрелище того стоит. Впрочем, и будущий покой глупышки – тоже.

– Вот, – свернутый в трубочку лист просунулся через решетку через полчаса, но настоятельница его не стала читать.

Не стоит раздражать и так доведенного до отчаяния Змея и ссориться с его господином, это может плохо отразиться на Эсте.

На глазах у изумленного графа свернула бумагу потуже, засунула в почтовый пенальчик и размашисто написала адрес.

– Особа, которую вы оскорбили, получит ваши извинения не позже, чем через пять минут, – дождавшись мимолетной порталной вспышки, холодно сообщила настоятельница Дагорду, отворачиваясь от него с явным намерением уйти.

– Как получит? А разве она не в монастыре? – Только теперь он понял, как глубоко ошибся в очередной раз, сочтя, что босой и полуодетой девушке больше некуда идти.

– Нет. Она отбыла к месту службы сразу же, как вернулась и получила новые ботинки, – строго сообщила настоятельница и теперь уже ушла по-настоящему, веселясь, как

нашедшая верный способ улизнуть от занятий ученица.

Граф отпустил оконце, и оно немедленно захлопнулось и звякнуло массивным засовом. А Змей стиснул зубы и побрел прочь, ошеломленный этим сообщением, не в силах представить, как будет объяснять другу данное происшествие.

Герт вернулся домой за полночь в самом скверном расположении духа. И вроде ничего особо плохого не произошло, но юный герцог просто кожей чувствовал, как вокруг него сгущаются неприятности. И подтверждения, хотя и мелкие, тому были. Почему-то цедил слова сквозь зубы герцог Эфройский, небрежно поздоровался принц, целый вечер строила глазки маркизу Твигерну его последняя любовница, и хотя с маркизом не уехала, но и Герта к себе не пригласила, как обычно. И Змей где-то застрял, ни писем нет, ни самого. Хотелось бы верить, что ездит он не зря и вернется не один.

А еще сильнее Герт надеялся на особые умения сестры Тишины. Вот приедет эта загадочная профессионалка и наконец-то сумеет понять то, в чем не могут разобраться они с Дагордом. Выяснит причины странных событий, время от времени происходящих в его замке, и найдет виновного в череде несчастий, стремительно подрывающих благополучие некогда сильного герцогства.

- От Дагорда ничего нет? - мельком оглядев прикроватный столик в надежде на письмо, поинтересовался герцог у камердинера, прибежавшего помочь ему раздеться.

- Нет, ничего. Но девушка, которую он нанял, вечером прибыла с оказией.

- Хорошо, - кивнул Герт, решив, что друг снова нанял хорошенькую белошвейку или горничную, но очередные слова слуги заставили его застыть на месте.

- С вечера-то она очень уставшая была, даже кушать отказалась, сразу спать легла, потому мы звонок не стали привязывать. Да и не знали, какие книги нужно принести из библиотеки. Господин граф указаний не оставил.

- Подожди, Патис, я не понял, при чем тут книги?

- Так чтица же прибыла, я вам докладывал.

- Как, чтица?! - Герцог пытался лихорадочно сообразить, какие неприятности могли случиться с другом, раз монашка прибыла одна? Ведь Змей намеревался привезти ценную наемницу лично?

Ноги сами понесли его в сторону двери, немедленно разбудить, допросить... но взгляд упал на массивные напольные часы, показывающие самое глухое ночное время. Да и слова про уставшую девушку вспомнились, и пришлось поворачивать назад, к кровати. И только присев на пышную постель, Герт обнаружил, что едва не предстал перед наемницей без камзола и в одном сапоге.

- Демоны, - выругался он вполголоса, - и куда запропастился Дагорд? Патис!

- Слушаю, ваша светлость, - отозвался слуга, вешавший в гардероб нарядный камзол.

- Утром разбуди меня сразу, как только проснется эта... чтица.

- Госпожа Эсталис, она из благородных.

«Ну да, все сестры Святой Тишины из таких, - мрачно усмехнулся герцог, - только ни одна не может предъявить ни родственников, ни надежных документов».

Но ему наплевать на ее происхождение, лишь бы оправдала затраченное на контракт золото.

Он снял с себя и сложил в подставленную слугой шкатулку браслеты, обереги и амулеты и устало откинулся на подушку, хочешь не хочешь, придется ждать утра.

- Разбудите его пораньше, как же, - саркастически фыркнул себе под нос камердинер, шлепая по коридору мягкими туфлями в направлении своей спальни, - хотел бы я

посмотреть, кто из слуг на это отважится. А Змея дома нет.

Конечно, Эста могла бы поспать еще, но воспоминание о зло прищурившихся глазах графа, прыгнувшего к ней, едва он что-то заподозрил, разбудило на рассвете, и девушка решительно встала с постели. Нужно было успеть очень многое. И для начала она отправилась в женскую мыльню, расположенную в конце коридора. Личная в этом доме была только у герцога.

А вернувшись, отперла сундук и достала первое платье. Оно было из традиционного серо-зеленого кашемира, слегка поношенное и с немодными оборками. И только посвященные знали, сколько тщательно продуманных секретов в этом платье. К нему прилагалась широкая закладка для волос, украшенная шелковым бантом того же цвета, и тоже, разумеется, непростая.

Сегодня Эсте не нужно было изображать изможденную монашку, но и свежий утренний румянец тоже всем показывать не стоило. Девушка провела у зеркала добрую четверть часа, добываясь, чтобы ее кожа выглядела благородно-бледной, однако не болезненной, а глаза блестящими и живыми, как у глупого щенка. Нужно бы поскорее выяснить, нет ли в особняке котенка, думала Эста, заканчивая одеваться, это самый лучший вариант для глупышек – все время тискать какую-нибудь зверюшку.

В коридоре было все так же тихо и пустынно, когда Эста вышла туда во второй раз и неторопливо, откровенно рассматривая все вокруг, побрела к лестнице, ведущей на первый этаж. Именно там она встретила вчера вечером кругленького и недовольного дворецкого, принявшего ее без особой учтивости.

Стражник, полулежавший возле двери на деревянной скамье, при виде женской фигурки слегка оживился, но вставать и не подумал, и Эста постаралась проскользнуть мимо него с самым смущенным видом. В коридоре, ведущем на кухню, навстречу девушке двигался сонный мужчина лет сорока, в мягких туфлях и с подносом в руках. На подносе стоял довольно обильный завтрак, прикрытый льняной салфеткой.

– Доброе утро, госпожа Эсталис, – поздоровался он, и Эста внутренне напряглась.

Ее имя прозвучало вчера всего пару раз, и она сомневалась, что кто-то его запомнит, да еще и станет называть ее госпожой.

– Доброе утро, – улыбнулась она приветливо и растерянно, – а я вчера никого не запомнила... такая жалость.

– Я Патис, камердинер герцога, и меня с вами не знакомили, – пояснил он, ловко открывая ногой дверь в небольшую столовую для слуг, – и у меня есть приказание господина разбудить его светлость, как только вы проснетесь.

– А могу я сначала позавтракать? – с надеждой в голосе осведомилась девушка, хотя на самом деле желала обратного. Вначале поговорить с нанимателем.

– Конечно, – указал Патис взглядом на кухню, – Фирита уже готовит. А завтракать можно тут, если не хотите ждать, пока принесут в комнату.

– Благодарю, – делано обрадовалась Эста и пошла дальше, ломая голову над странным поведением камердинера. По всем правилам он должен был немедленно оставить свой поднос и отвести ее к герцогу.

Похоже, с его светлостью не все в порядке.

На кухне хозяйничала крепенькая женщина в белоснежном чепце, завязанном по деревенской привычке на затылке, и Эста затратила несколько минут на разговор с ней, первое знакомство самое важное. Сделаешь не так всего один шаг или скажешь не то слово, и придется потом долго исправлять эту оплошность, пока человек поверит в собственную ошибку в оценке нового знакомого.

Характер Фириты вполне соответствовал первому впечатлению и был боевым и открытым. Да и кухарка вскоре признала новенькую за свою. И, жалостливо поглядывая на слишком худые, по ее мнению, ручки чтицы, попыталась поставить ей на поднос столько же еды, сколько было у Патиса.

Пришлось девушке срочно придумывать байку про привычки, не позволявшие принять этот щедрый дар, а затем ретироваться в столовую и присоединиться к камердинеру.

Она постаралась так точно подгадать время завтрака, чтобы подняться из-за стола почти одновременно с камердинером.

- Где мне подождать, - вежливо обратилась Эста к шлепающему в сторону лестницы Патису, - пока его светлость изволят одеться?

- Чего подождать? - оглянулся он. - Ах, вы о его приказе! Так пока сам не проснется, а это будет к полудню, не ранее! Утром разбудить его светлость и не пострадать может только граф, а сейчас он в отъезде.

- Я не поняла... - насторожилась девушка, - как это, пострадать?

- Не любит наш господин, когда его будят, вот и швыряет все, до чего дотянется. - Похоже, слуга вовсе не относился к господину с благоговейным почтением, как и подавляющее число людей его профессии, но в отличие от многих не считал нужным это скрывать.

- Да, - сочувственно подтвердила Эста, - многие мужчины не любят. Вот и мой покойный батюшка... хотя он утверждал, что его просто недостаточно мягко будят. Наш лакей нашел в последние годы способ, но... - Она печально вздохнула и смолкла.

- И сложный способ? - заинтересовался камердинер, попавшись на эту простую наживку.

- Нет, все очень просто, если знаешь любимое блюдо господина. Нужно принести его еще горячим и поставить так, чтоб он не мог дотянуться руками, но ощущал запах. Еще лучше помогает, если кто-то сядет неподалеку и станет с аппетитом жевать.

- Ну, допустим, я могу попросить Фириту пожарить кусочек ветчины, но жевать все же не решусь, - с сомнением сообщил Патис, однако приостановился, вселив в собеседницу надежду на возможность сговора.

- Хотите, я попытаюсь вам помочь? - с наивным энтузиазмом предложила Эста. - Вдруг у него ко мне важные вопросы? И если мы его не разбудим, господин рассердится. Но для этого мне еще нужна будет любая книга.

- Хорошо, - обдумав ее предложение, согласился камердинер, и Эста снова отметила отсутствие почтения, но не осторожности, - только сядете вы возле шкафа, в него можно спрятаться.

Надо же, какие интересные подробности, усмехнулась про себя девушка, а вслух выразила восхищение предусмотрительностью собеседника.

Глава 4

И уже через четверть часа заговорщики стояли у дверей в спальню его светлости. Первым на разведку отправился Патис, проверить, не сбросил ли господин во сне одеяло, и поставить на столик блюдо с жареной ветчиной, по совету чтицы присыпанной для усиления запаха мелко рубленной зеленью.

Сама Эста, держа в одной руке обернутую салфеткой маленькую тарелочку с тонко нарезанными кусочками хорошо прожаренного мяса и столь же тонкими и прожаренными сухариками, а в другой – толстый исторический роман, ждала сигнала у порога. Тихо посмеиваясь про себя при воспоминании об озадаченном взгляде наблюдавшего за их перемещениями стражника. Можно не сомневаться, Змей узнает про ее энтузиазм сразу по возвращении, но ничего ему это не даст, потому что тайна, известная всем, не стоит и медной монетки.

– Входите, – негромко сказал камердинер, – дверь я закрывать не буду. Если начнет буянить, попробую отвлечь.

– Спасибо, – проникновенно шепнула Эста и вошла в комнату.

Сделав несколько шагов, остановилась, рассматривая спальню изучающим взглядом, обнаружила неподалеку от кровати столик и на нем благоухающее ароматами блюдо и прошла к поставленному Патисом креслу. Усевшись, с минуту устраивала на коленях столик из книги и салфетки, затем наколола на вилку первый ломтик, добавила сухарик и начала с хрустом жевать, жадно рассматривая лицо спящего напротив молодого мужчины.

Его волосы выгорели до почти золотого цвета, брови по сравнению с ними казались темными, загорелое лицо чуть раздурманилось во сне. Густые ресницы были сомкнуты, но Эста отлично знала, какого цвета у герцога Адерского глаза. Ярко-голубого.

Он пошевелился, улыбнулся чему-то во сне, сразу став намного моложе своих двадцати семи лет, и перевернулся на бок.

Эста наколола на вилочку второй кусочек ветчины и снова захрустела сухариком, не переставая пристально наблюдать за его светлостью. Вот он чуть нахмурился, припухшие губы обиженно чмокнули, а рука шевельнулась, словно ловя что-то во сне. Девушке пришлось взять еще кусочек мяса и жевать немного громче, не позволяя его пробуждающемуся сознанию вернуться в глубины сна.

– Хар, фу! – сердито пробормотали сквозь сон губы Герта, а в следующее мгновение он распахнул ресницы и сонно огляделся.

В тот же миг девушка перестала жевать и накрыла тарелочку краем салфетки.

Но его светлость снова закрыл глаза и притих, заставив Эсту нарочито громко и несчастно вздохнуть. Возможно, кто-то другой и поверил бы в то, что герцог снова уснул, но Эста не обманулась ни на миг.

Голубые глаза Герта снова распахнулись, цепко оглядели сидящую в кресле незнакомку, и его рука скользнула под подушку.

– Я – чтица, – мягко сказала девушка, откинула салфетку, задумчиво осмотрела последний ломтик мяса и сунула в рот.

Вид мирно жующего человека обычно успокаивающе действует на всех подозрительных особ.

– И что ты тут делаешь? – приподнимаясь на локте, желчно осведомился его светлость, но настороженности в его голосе больше не было.

– Пришла по вашему приказу, – кротко объяснила глупышка, – вот и книжку принесла. Жизнеописание подвигов и деяний великого короля Карива Третьего.

– А что жуешь?

– Ветчину, – честно хлопнула она наивными глазами, – вам тоже принесли, вон на столике стоит.

– Придвинь его мне, – немного подумав, небрежно скомандовал герцог и с изумлением получил в ответ откровенно насмешливую улыбку.

– Патис, – приторно вежливо позвала Эста в следующее мгновение, – его светлость проснулся и желает позавтракать.

Камердинер, стоявший за стеночкой и ждавший только этих слов, мгновенно появился в дверном проеме с самой невозмутимой физиономией.

– Ваша светлость не желает вначале умыться и переодеться?

– Желает. – Герцог потянул с себя одеяло, испытующе поглядывая на спокойно сидевшую в кресле чтицу.

Но она смотрела настолько наивно-заинтересованно, что его решимость мгновенно поколебалась. Если бы здесь был Змей, он бы обязательно смерил девушку таким взглядом, от которого она сама немедленно сбежала бы, но друга не было, и его светлости пришлось кивнуть ей на дверь.

– Подождите в соседней комнате, госпожа...

– Эсталис, – представилась она с чувством собственного достоинства и, неприметно улыбаясь, вышла из спальни, оставив на кресле толстую книгу.

Слава святой Тишине, не успел граф сделать из господина свое подобие... хотя наверняка старался. Но некоторые качества из людей невозможно вытравить ничем, особенно если они впитались с молоком матери.

Надо же, торопливо проходя мимо кресла в умывальню, усмехнулся Герт, и в самом деле жизнеописание короля. Нужно будет сказать, чтобы припрятала эту книжку на самый последний случай, когда в библиотеке не останется непрочитанным даже трактат о пользе здоровой пищи.

– Входите, госпожа Эсталис, – добродушно кивнул глупышке камердинер через несколько минут, выходя из спальни, – его светлость желает с вами поговорить.

Эста кротко улыбнулась в ответ, но, войдя в комнату, словно невзначай прикрыла за собой дверь как можно плотнее.

– Вы меня звали?

– Каким способом вы добрались до моего дома? Я посылал за вами сопровождающего, – пока Герт умывался и одевался, в его мыслях наступила почти полная ясность, и он вспомнил, зачем так неотложно желал ночью поговорить с чтицей.

– Порталом, – отойдя предварительно к окну, очень тихо произнесла Эста, строго нахмутив брови.

Похоже, он не до конца понимает, зачем выдал ей контракт и как теперь должен себя вести.

– А где сопровождающие? – невольно понизив голос, подозрительно осведомился герцог. – Я послал за вами своих людей.

– Боюсь, я не смогу вам сказать точно, где именно они находятся, – холодно сообщила девушка, совершенно не желавшая ничего рассказывать про Змея и тем не менее ясно понимавшая: утаить произошедшее не получится.

Ведь невозможно предугадать, как поступит Змей, когда узнает, что Эста его не выдала. Станет ли благодарно молчать или перевернет правду так, чтоб унижить ее и предстать

перед другом в самом выигрышном виде? Ее, разумеется, это не обидит, но будет во вред делу.

– А вы их видели? – искренне разволновался Герт, и Эста не могла не улыбнуться в душе.

– Да, вчера вечером. И они были в полном порядке.

Не назовешь же беспорядком распахнутую, как у матроса, рубаху и разъяренный взгляд?

– Можно узнать... – Герцог начал понимать, что неспроста наемница говорит такими короткими, сухими фразами, еще недавно, нахально устроившись в его спальне, она была намного приветливее, и резко сменил тему: – Не хотите ли присесть? А позавтракать со мной?

Он очень удачно произнес эти слова, дверь отворилась, и вошел Патис с подносом, накрытым салфеткой, под которой можно было угадать очертания кофейника.

– Ваша светлость, позвольте накрыть на стол тут или перейдете в кабинет?

– В кабинет, – взглянув на молчаливую чтицу, решил Герт и первым направился к двери.

– Я захвачу, – дружелюбно улыбнулась камердинеру Эста, подхватывая слегка полегчавшее блюдо с ветчиной, – показывайте дорогу.

«А он молодец», – оказавшись в просторном кабинете, мысленно похвалила девушка хозяина, сообразил, что здесь намного удобнее разговаривать без опасения быть подслушанными, нежели в спальне, где большую часть комнаты занимала кровать с высоким балдахином.

– Ну, так что случилось? Отчего вы расстались? – устроившись за столом и предложив чтице место напротив, тихо осведомился Герт после того, как камердинер вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Вы пьете кофе с сахаром или без? – вдруг рассеянно улыбнулась глупышка и быстро придвинула к себе сахарницу. – А я только с сахаром. Не могу понять, и чего некоторые люди находят в этой горечи... вам насыпать? Нет? Как хотите, а я добавлю себе ложечку. – И она весело загремела ложкой о стенки тонкой чашки, насмешливо переводя взгляд с герцога на дверь.

– Эсталис... – Губы герцога страдальчески поджались. – Но ведь...

– Жаль, вы не любите исторические романы, я могла бы почитать вам просто потрясающие истории. Например, про короля Освальда, прекрасный был человек, мне так нравится описание его нежной любви к маркизе Тюрон! Правда, конец там печальный, да. Она его отравила. Но можно не читать все подряд, только самые интересные моменты, вы ведь позволите мне самой покопаться в ваших книгах? Еще есть описание династии Дартигов, семь братьев, и каждый по-своему талантлив... просто дух замирает.

Герт сморщился и тихо скрипнул зубами, последний пример был слишком красноречив. Не понять, на какие события намекает монашка, было невозможно. Братья убивали и травили друг друга, по очереди занимая отцовский трон.

– Госпожа Эсталис, давайте мы поговорим о книгах позже... скажем, за обедом? А сейчас о чем-нибудь другом...

– Конечно, например, о вкусах, – легко согласилась она, добавила еще сахара и снова зазвенела ложечкой. – Конкретнее, про сладости? Вы любите сладкое? Вы знаете, одно время я не ела конфет совсем, ну нисколько, боялась растолстеть. А потом оказалось, мне это не грозит, ну вот абсолютно! Я могу хоть целый день грызть засахаренные орешки или есть шоколад и зефир. Все подружки просто позеленели от зависти.

Герцог едва сдержался, чтобы не съязвить, что позеленели они наверняка от чего-то другого, даже рот раскрыл и остоленел, увидев, как она укоризненно качает головой.

Сначала он вспыхнул от досады, неужели допустил какую-то промашку?! И тут же начал

бледнеть от возмущения, сообразив, что едва не начал оправдываться перед какой-то глупышкой. Да как она смеет указывать ему в его собственном доме, эта старомодно одетая монашка?!

С какой стати он должен не доверять слугам, прослужившим у него почти с переворота? Пусть сначала предоставит доказательства измены, а не морочит ему голову своими загадками!

Наверное, прав был Змей, когда предлагал нанять на эти деньги хорошего сыщика и пару шпииков в придачу.

– Но если вы совсем не любите исторические книги, ваша светлость, – печально сказала вдруг пристально наблюдавшая за ним сестра Тишины, – то, может быть, вам не нужно было нанимать чтицу? Так сразу и скажите, я девушка хоть и благородная, но не гордая, возьму свой сундук и перееду в другое место. И гонорар верну сполна, не сомневайтесь. Господин, который вчера предложил мне работу, с удовольствием заплатит.

Эста смолкла и покорно сложила руки на груди, ожидая его решения. Точно зная, услышь такой откровенный намек, настоятельница поджала бы губы и послала ученице неодобрительный взгляд. И была бы совершенно права. До Эсты так никто не делал, не раскрывал раньше времени перед клиентами свои намерения и сомнения. Да и сама она раньше сто раз подумала бы, прежде чем высказать такое королевское предложение. Но сейчас не смогла просто промолчать и выкрутиться одним из десятка известных ей способов, и теперь поздно каяться. Остается надеяться на сообразительность герцога и безвыходность ситуации, в которую загнали его странные события. И возможно, природная интуиция поможет ему избежать грубой ошибки.

Как это, переедет? Глядя на смирно сидевшую девушку, начал остывать Геверт, они ведь ее так ждали. Змей даже лично отправился встречать, несмотря на занятость и проблемы. Да и неспроста знатные и богатые дома расхватывали этих глупышек, каждый, кто мог заплатить немалую сумму, старался заполучить себе сестру Тишины. Хотя никто не признавался в открытую. Как сказал граф Тейретти, у которого они тайно спрашивали совета, не нужно думать, что все остальные вокруг дураки и готовы отдавать бешеные деньги за красивую сказку.

– Подождите, госпожа Эсталис, – наконец заговорил герцог, – вы меня не так поняли. Я, конечно же, обожаю исторические книги... и сладости тоже иногда ем, особенно пирожные, просто не всегда в этом признаюсь.

Эста перевела дух, слава тебе, милосердная Тишина, начал понимать! И ободряюще кивнула герцогу, чтобы не сомневался в своих действиях.

– Патис! – громко позвал Герт, и дверь моментально распахнулась. – Сходи на кухню, узнай, нет ли там пирожных... ну ты знаешь, какие я люблю. И прихвати побольше сладостей, я намерен послушать исторический роман.

– Иду, ваша светлость, – сказал камердинер и притворил дверь.

– Так вы мне поясните, куда делся Змей? Ох, простите, ваш провожатый? – едва хлопнула выходная дверь гостиной, напрямик спросил Геверт, сообразив, что теперь может говорить в открытую.

– Мы немного разошлись с ним в понимании пунктов контракта. Он... желал добавить мне обязанностей свыше оговоренных в пункте первом.

– А у вас есть с собой этот документ? – Герцог в последнее время все сильнее убеждался в силе простых бумажек.

– Нет. Но у вашего друга с собой копия. – Глупышка открыто смотрела на его светлость, и он решил выяснить, каким способом она попытается решать его проблемы.

– А вы не можете мне объяснить, как именно вы намерены выполнять этот первый пункт?

– Нет, – резко отказала Эста, и пояснила: – Как я могу рассказать то, чего еще даже не видела и не знаю? Вот вы должны будете рассказать мне все, до мельчайших

подробностей, и от этого будет зависеть, какой конец будет в вашем историческом романе. Но не здесь... и не сейчас. Когда вернется ваш друг, вы пригласите меня на прогулку... – Чуткий слух девушки расслышал шлепанье мягких туфель, и она мгновенно сменила тему: – Нужно обязательно заехать в книжный магазин господина Хирстена! Там лучший выбор книг во всей столице, от старинных гримуаров до походов комедиантов!

– Я принес сладости и пирожные. – Дверь, наконец, открылась, и вошел камердинер с подносом.

– Можете отнести в свою комнату все лакомства, которые вам нравятся, – предложил Геверт чтице, чувствуя необходимость побыть в одиночестве и спокойно все обдумать.

– Ах, вы так добры, ваша светлость. – Она улыбалась и радовалась так наивно, что еще час назад его светлость пренебрежительно бы фыркнул, ну совершенная глупышка!

Но теперь не рискнул бы сказать такое со всей уверенностью.

Глава 5

Граф Дагорд аш Феррез вернулся в особняк утром следующего дня.

Бросил у крыльца коня, ни на миг не сомневаясь в расторопности слуг, обязанных тотчас принять измученное животное в свои заботливые руки, и быстрым шагом прошел в услужливо распахнутую перед ним дверь. Привратник по тайному уговору со странниками звонил им особым способом, предупреждая, когда ворота проезжал Змей.

– Доброе утро, – процедил граф сквозь зубы, заметив спешащего с подносом камердинера, – вели приготовить кофе покрепче, я пойду будить его светлость.

– А он уже не спит, его разбудила госпожа Эсталис, – добродушно улыбнулся Патис, начиная обожать старомодную провинциалку, читающую исторические романы.

Такое выражение лица у Змея он мечтал увидеть не один год.

– Да? И чем она занимается в его спальне? – придя в себя, представил Змей эту картину и начал понемногу сатанеть.

Вот же проклятая стерва, да у нее, как видно, не пункты контракта в голове сидели, а расцветал план, как побыстрее подобраться к Герту! Наверняка успела пронюхать через своих сестер, что он один из десятка самых завидных женихов королевства! Ну, если не кривить душой, то за последнее время переместился в этой компании на последнее место, но все равно пока еще довольно лакомый кусочек для целой толпы знатных девиц.

– Читает исторический роман о жизни короля Карива, – важно сообщил камердинер, посмотрел вслед ринувшемуся вверх по лестнице графу и, дождавшись, пока тот не скроется за поворотом, ехидно уточнил: – И не в спальне, а в кабинете!

Дагорд ворвался в спальню друга, и не думая стучать, за столько лет дружбы Герт тысячу раз повторял: тайн от Змея у него нет и никогда не будет. И пусть ему будет стыдно, если он позволил этой ловкой серой мышке себя одурачить.

Однако в спальне никого не оказалось, да и кровать уже была застелена, совершенно невероятное зрелище для такого часа. И неважно, что на рыночных площадях и бульваре уже всюду распахнуты витрины магазинов и двери лавчонок, а королевская стража опустила центральный мост. Герцог Геверт Адерский никогда не относился к людям, желающим поглазеть на церемонию открытия главных ворот королевского замка.

Змей решительно вышел из спальни, несколько секунд размышлял, где могут находиться Герт и монашка, и придумывал наказание совершенно распустившемуся Патису, затем, поверив интуиции, решительно пересек маленькую гостиную и распахнул дверь в кабинет.

Эста расслышала шорох открывшейся в гостиную двери, скрип паркета под решительными и быстрыми шагами, затем явно от бесцеремонного рывка открылась еще одна дверь.

Некоторое время ничего не происходило, но девушка не обольщалась, она сразу догадалась, кто мог так ворваться в спальню герцога, и была внутренне готова к встрече. И даже к тому, насколько будет разъярен Дагорд. После того как Эста получила послание настоятельницы с извинениями Змея, девушке не нужно было особо напрягать воображение, представляя, как происходила встреча матушки и графа.

Но все это сполна окупилось полученными от Герта сведениями, какие глупышка ловко выудила, пользуясь отсутствием Змея. Сначала девушка выяснила у кухарки все подробности о странностях камердинера. Оказалось, Патис имел обыкновение после обеда улизнуть в чуланчик или другой укромный уголок и поспать там часа два, потому и бродил потом по дому вечерами и с раннего утра. Пользуясь этой информацией, Эста именно в послеобеденное время притащила в кабинет стопку книг и принялась выяснять, какая нравится господину больше всех.

Сначала герцог, желая поскорее отвязаться от этой скучной миссии, был немногословен

и чаще говорил да и нет, чем нечто более пространное. Однако вскоре чтице удалось его разговорить, а к тому времени, как принесли чай, рассказывал уже он один, изредка поощряемый в самых трагических местах восхищенным или пораженным восклицанием.

И теперь Эста точно знала: огромный гонорар, легший за ее контракт в сундуки монастыря, вовсе не плата за паранойю знатных неженок. Да и не был Герт неженкой, вот в этом графа, бывшего наставником своего господина, упрекнуть невозможно. Сестра Тишины добрых полчаса лично наблюдала, как после вчерашнего знаменательного завтрака герцог, одетый лишь в накиннутую поверх тонкой рубахи легкую холщовую безрукавку, доблестно рубил во внутреннем двореке ни в чем не повинное соломенное чучело.

Стремительные шаги вырвались из спальни, пронеслись в направлении выхода и вдруг, ненадолго приостановившись, ринулись в сторону кабинета.

– Все понятно, – заявила Эста и с кажущейся небрежностью захлопнула толстый фолиант, в котором прятала нарисованный вчера вместе с Гертом план его замка в Адере.

А в следующий момент дверь распахнулась.

Эста специально сидела вполоборота к двери и задумчиво крутила в пальцах браслет, вызывающий во взгляде герцога на эту дешевую безделушку тоскливую снисходительность. Но не объяснять же ему, сколько на самом деле отдано за эту вещь, какой при беглом взгляде побрезгует любой грабитель?! Едва ли не больше, чем за кольцо с сапфиром на его безымянном пальце.

И уж тем более не стоит говорить про отражение застывшего на пороге Змея, которое глупышка отлично видит в безукоризненно отполированных камнях.

Оказавшись в комнате, Дагорд с одного взгляда рассмотрел более чем неожиданную картину: необычно бодрого с утра Геверта, склонившегося над стопкой лежащих перед ним на рабочем столе книг, остатки завтрака на маленьком столике у горящего очага и, главное, женщину, сидящую напротив его светлости. Совершенно не похожую на ту, какую он вел от монастырских ворот к карете два дня назад.

Хотя лица пока видно не было, но Змей был уверен в своей способности узнать любую девушку по осанке и спине. Но вот этой, затянутой в синее платье стройной спинки, на которую падал перехваченный васильковым шарфом хвост чуть вьющихся пшеничных волос, прежде он никогда не видел.

Понимание этого мгновенно насторожило графа, разбудило в его душе врожденную бдительность и недоверчивость, весьма усиленную событиями последних двух лет.

Он промедлил всего несколько секунд, лихорадочно пытаясь сообразить, как поступить, и за эти мгновенья Геверт успел поднять голову, узнать друга и ринуться ему навстречу.

– Змей! Ну, наконец-то ты приехал... что случилось?

– Доброе утро, ваша светлость. – Вида голубых встревоженных глаз и озаренного облегчением лица друга Дагорду хватило, чтоб понять: его господин цел, здоров и даже в своем уме.

И это помогло ему мгновенно собраться, взять себя в руки и начать действовать осмотрительно, как в бою.

– Извини, Дагорд, – сразу понял вежливый упрек герцог, – я просто слишком волновался за тебя.

– Не стоило, я же приехал на полдня раньше, чем намечал. – Эста расслышала невольную скользнувшую в голосе Змея едкую усмешку, но даже не пошевелилась, начиная подозревать, что бури, вероятнее всего, не будет.

И хотя пока не ясно, какой способ отомстить выберет Змей, но понятно со всей отчетливостью: прощать бывшей подопечной своего унижения он не намерен.

– А ты не представишь мне свою гостью? – тем же тоном продолжил Дагорд и снова встревожился, рассмотрев, как округлились в недоумении глаза герцога.

– Мы знакомы с вами, Змей, – вставая и поворачиваясь к графу лицом, учтиво произнесла незнакомка. – И я получила ваше послание с извинениями. Разумеется, я вас прощаю. Разрешите мне уйти, ваша светлость? Я возьму эту книгу, выберу самые интересные главы для чтения.

Вот теперь он ее узнал, хотя и не поверил сначала собственным глазам. Изменилось почти все. Даже голос, он стал звонче и женственнее, не говоря об остальном. Монашку словно промыли струями бешеного летнего ливня, как пыльные придорожные кусты, и в ней появились незаметные прежде краски. Голубизна глаз, легкий румянец скул и губ, темный шелк словно вышитых бровей.

И вот эти красноречивые перемены заставили Змея насторожиться еще сильнее и заподозрить, насколько более сложна игра, которую ведет эта монашка, чем он мог предположить ранее. И потому он не мог смолчать и дать ей уйти вот так просто, с гордо поднятой, как у победительницы, головой.

– Надеюсь, мне простится эта ошибка, госпожа Эсталис, – ядовито заметил Змей, опускаясь в кресло у очага. – С того момента, как мы виделись в последний раз, вы очень сильно изменились, прямо-таки расцвели. Похоже, вам на пользу столичный климат.

– Ох, большое спасибо за комплимент, – с почти незаметной иронией легкомысленно улыбнулась глупышка, – просто я прекрасно выспалась и отдохнула от трудностей дороги. И готовят тут замечательно.

Она улыбнулась еще раз открытой простодушной улыбкой и вышла, плотно прикрыв дверь.

Змей невольно стиснул зубы и нахмурился, она умудрилась одной фразой напомнить ему про совместное путешествие и его оплошность.

– Так что у вас произошло в дороге, Даг? – Настойчивость, прозвучавшая в голосе его светлости, свидетельствовала о внимании Герта, сумевшего заметить двусмысленность в коротких и ничего не значащих на первый взгляд фразах. – Кстати... я хочу видеть контракт.

– Вот он. – Граф достал из кармана узкую шкатулку с секретом, покопался с полминуты, нажимая и откручивая украшавшие ее завитки и камушки, и достал довольно потертый лист бумаги. – Меня предупредили, что на третий день он исчезнет.

– Лишь бы чтица не исчезла, – начиная читать, небрежно обронил герцог, и Змей ехидно ухмыльнулся.

– А вот этого никто не обещал, как гласит тринадцатый пункт.

– Какой? – Герт быстро взглянул в конец списка довольно простых пунктов, прочел и пожал плечами. – Но это же обычная мера предосторожности, они всегда есть в подобных договорах.

– Только никто не предполагает наличия у наемниц порталных капсул, – мрачно признался граф. Лучше все сказать самому, чем ждать, пока его начнет шантажировать эта вовсе не глупышка.

– А мне она сказала, будто вы не сошлись во мнениях по поводу одного из пунктов, – припомнил герцог. – Какой это был пункт, Змей?

– Седьмой, – еще мрачнее процедил тот, – но ты же меня знаешь... я просто хотел испытать ее.

– Да? – Герт торопливо нашел седьмой пункт, прочел, изумленно приподнял бровь, прочел еще раз, представил себе это испытание, и его губы начали кривиться в ухмылке. – И до какого момента ты дошел в своих... хм, испытаниях?

– Ни до какого! – оскорбился граф. – Ты просто не видел ее в тот момент... чахлая

поганка.

– И эта поганка ушла порталом. Стало быть, сыграл ты очень живенько, – весело фыркнул его светлость. – Ну, а теперь ты убедился в ее скромности?

– Скорее в лицемерии. – Граф обнаружил под крышкой одного блюда несколько ломтиков жареной ветчины и, бесцеремонно подвинув его ближе, налил себе остывший кофе. – Я все более убеждаюсь, как был прав, когда выступал против этой затеи.

– А я, наоборот, убеждаюсь в своей правоте. Эсталис очень сообразительна. Мне кажется, она сумеет найти разгадку тех... происшествий.

– Ну, разумеется, ведь она уже сумела сделать дело, какое не под силу ни одному из мужчин этого дома, – разбудить тебя в такую рань. И сразу принялась строить тебе глазки.

Змей вовсе не хотел этого говорить, и если бы не скакал, почти не слезая с лошади, перед этим больше суток, останавливаясь лишь в трактирах сменить коня да наскоро перекусить, вряд ли бросил в лицо господину такой упрек.

Дураком он не был и отлично знал грань между дружескими отношениями и фамильярностью. И теперь сразу понял по поджатым губам его светлости, что, позволив себе бестактность, перешел эту грань.

– Дагорд, я тебя прощаю... отлично вижу, как ты устал, – суховато произнес Геверт, – но прошу больше не спорить со мной по этому поводу. Все равно это бесполезно. А подробнее мы поговорим, когда ты хорошенько отдохнешь от этого путешествия. Кстати, Мирош вернулся вместе с тобой?

– Нет. Они будут позже, – с показной покорностью отчитался Дагорд, незаметно отодвигая чашечку. – Я могу идти? Мне и в самом деле нужно отдохнуть.

Поднялся с места и направился к двери, с трудом сдерживая ярость, закипавшую в груди при одном лишь воспоминании о притворяющейся глупышкой интриганке. Обидно, но похоже, права поговорка, утверждающая: цена мужской дружбы – всего одна женщина.

Глава 6

Герта не стал останавливать друга, успел уже рассмотреть и брызги наскоро стертой грязи на сапогах, и чуть осунувшееся лицо, и необычную раздражительность. Пусть идет, отоспится, возможность спокойно поговорить у них еще будет. Но усидеть после его ухода в кабинете не смог, пусть и нельзя назвать их разговор ссорой или размолвкой, было в нем нечто такое, что тянуло душу герцога неправильностью и досадой. Он отодвинул книги и решительно пошел вниз, в оружейную, где хранил в шкафу одежду для тренировок.

И уже через десять минут яростно посыпал утоптанную тренировочную площадку свежей соломой из приговоренного чучела.

Даже не предполагая, с каким пристальным вниманием следят за ним из окон второго этажа две пары задумчивых глаз. И если обладатель темно-серых через некоторое время, рассерженно хмыкнув, отошел от своего окна и решительно направился к постели, то хозяйка голубых еще некоторое время наблюдала за буйно махавшим мечом герцогом и все сильнее мрачнела.

Хотя ее лицо продолжало хранить внешнюю невозмутимость, отточенную годами упорных занятий, однако губы невольно все сильнее сжимались, а нежная кожа скул едва заметно натянулась.

Эсте не нужно было ни долгих наблюдений, ни каких-либо объяснений, чтобы понять состояние души герцога. Различие между вчерашней и нынешней тренировкой Герта просто кричало: его светлость чем-то расстроен. И причиной для его раздражения мог быть только недавно приехавший граф, других событий или известий за это время не случилось. Стало быть, друзья все же поссорились, и невозможно не понять, из-за кого.

И это плохо, очень плохо. Сразу по нескольким причинам. Слишком давно они дружат и слишком привыкли доверять друг другу и надеяться на помощь, поддержку и взаимопонимание. И очень скоро, буквально через несколько часов, начнут искать способы примирения. А помирившись, примутся искать причину ссоры и, разумеется, найдут еще быстрее. И это сразу все осложнит и запутает... или вообще сделает невозможным продолжение контракта глупышки. А Эсте теперь просто необходимо самой во всем разобраться, слишком уж скверные вещи просматриваются опытным взором за вроде бы случайными странностями.

Да и совершенно не желает она этой размолвки. В такой опасной ситуации Змей необходим Герту как никогда ранее. И, стало быть, ей нужно стать не виновницей ссоры, а источником примирения.

Нелегкая задача... но не невыполнимая. Говоря о своем благородном происхождении, сестра Тишины не солгала камердинеру. Она и в самом деле из знатного рода, но ради дела готова забыть про гордость и не обращать внимания ни на какие условности.

Эста решительно достала из шкафа свой плащ и ботиночки и через минуту торопливо спускалась по лестнице, пытаясь угадать, где тут выход, через который его светлость попадает на задний двор.

Дверь нашлась довольно быстро, и вскоре девушка уже неторопливо брела, рассматривая редкие желтые листья, чудом оставшиеся на кустах, и приготовленные к зимовке кусты роз, усиленно делая вид, что вышла на прогулку. А на самом деле все ближе подбираясь к добывающему чучело герцогу.

– У вас хорошая скорость, – задумчиво сообщила она, проходя мимо площадки к клумбе, где еще осталось несколько кустиков поздних фиолетовых хризантем, – но вот боковой удар слишком затянут. У врага будет удобный момент для атаки.

– Откуда вы это знаете? – усмехнулся он, останавливаясь и стирая рукавом пот со лба.

– Мои родственники тоже каждое утро тренировались, – сказала Эста чистую правду и печально вздохнула, – а я наблюдала и слушала пояснения. А почему вы тренируетесь в одиночку? Разве граф пошел отдыхать?

- Да, - нахмурился Герт, - он ехал без остановок.

- Я чувствую себя чуточку виноватой, - грустно призналась сестра Тишины, - можно было попытаться объяснить ему все еще раз. А я не сумела... и иначе поступить не могла, вы же понимаете? А вас хочу попросить: постарайтесь поскорее с ним помириться. Надежный друг - это большая редкость, и его нужно беречь. Особенно в вашем нынешнем положении. Но не ссылайтесь на меня... я для графа не лучший авторитет.

- Вот это точно, - усмехнулся Герт, - и боюсь, вам придется терпеть... его характер.

- Я готова, - смиренно заверила девушка и побрела к кустам, - а вы не стойте на ветру после тренировки. Ветер холодный.

«Ну вот, - довольно усмехнулась глупышка, срывая три цветочка для своей комнаты, - слава Тишине, вовремя успела. Герцог по-прежнему будет искать пути налаживания прежних отношений с другом, но теперь он станет думать, будто действует по ее просьбе».

Значительно труднее заставить Змея изменить мнение о ней, однако придется сделать все, на что она способна, если Эста желает помочь Геверту.

Дагорд проснулся минут за пятнадцать до обеда. Он обладал способностью просыпаться в тот момент времени, который задумал, укладываясь спать, и часто ею пользовался, вставая с постели в самый глухой час и проверяя охрану.

Он потянулся, чувствуя себя если не совсем отдохнувшим, то достаточно бодрым и голодным, чтобы не опаздывать к столу, обычно накрывавшемуся в три часа пополудни. С минуту, нахмурившись, вспоминал встречу с другом и никак не мог понять: зачем вообще начал разговаривать с проклятой монашкой? Нужно было просто не замечать ее, как он не замечал не интересующих его женщин, и все было бы прекрасно. Но еще больше он не понимал, для чего начал говорить с Гертом таким тоном. Знает ведь, как самолюбив его друг и насколько остро задевают его открыто высказанные упреки и обвинения. Теперь придется искать пути примирения и снова унижаться... и терпеть эту нахапку. Пока отношения с Гертом не вернуться в прежнее русло, ее лучше обходить за сто шагов, герцог любое слово воспримет как выпад в свою сторону, будь оно хоть трижды справедливым.

Возможности, что неправ или несправедлив в отношении к женщинам может быть он сам, граф не допускал. Все они хищницы и все стремятся только к одному: заполучить себе в единоличное пользование самого лучшего из имеющихся в поле зрения мужчин, а потом день и ночь высказывать ему свои претензии и капризы.

Когда Эста пришла перед обедом в гостиную, освежив свое платье широким кружевным воротником и прихватив одну из толстых старых книг, оказалось, что у герцога гости.

Точнее, одна гостья, жгучая брюнетка в шелковом платье персикового цвета. Хотя для Эсты даже на миг не остался тайной подлинный цвет волос довольно смазливой приятельницы его светлости. По белой коже, светло-голубым глазкам и слишком светлым и редким для брюнетки бровям глупышка сразу поняла: перед ней - блондинка, выкрасившая волосы в неимоверно насыщенный иссиня-черный цвет.

- Это Эсталис, моя новая чтица, - представил вошедшую герцог, - я увлекся историческими романами. А это баронесса Ритола ле Сонди.

- Очень приятно, - первой отозвалась Эсталис, разглядывая гостью с откровенным любопытством, - ах, какое миленькое у вас платье! И фасон самый модный. Вы вообще такая яркая, как бабочка, и этот цвет вам так идет! А вы любите исторические романы? Не правда ли, они очень поучительны! Но иногда хочется почитать чего-то... милого. Вы еще не читали новый роман Тефли? Ну, тот, где на обложке красавица в зеленом... а рядом вампир? Такой красавчик... просто мороз по коже!

- Взаимно, - чуть растерянно пролепетала Ритола. - Я сейчас читаю «Роковую встречу». Там такие описания... природы.

– Да, – охотно подхватила Эста, опускаясь в стоящее напротив гостьи кресло, – особенно ночной водопад! Все сверкает и переливается в лунном свете, а маркиза тоскует в беседке, и тут... ах, какая сцена!

– Я плакала, – с воодушевлением подтвердила гостья и, достав батистовый платочек, промокнула несуществующие слезы, стараясь не задеть густо накрашенные ресницы, – вы так рассказываете... просто сердце замирает. Если мне удастся уговорить герцога уступить вас, поедете ко мне во дворец?

– Не удастся, – категорично отрезал спохватившийся Герт, – как я выяснил, мне просто необходимо обновить свои знания истории, а читать сам я не люблю. Просите чего-нибудь другого, дорогая, госпожа Эсталис останется в этом доме.

Вошедший в гостиную Змей только на краткий миг досадливо поморщился: мало тут было монашки, еще и эта интриганка заявила. И как точно подгадала, за полчаса до обеда. Значит, теперь останется в доме часа на два с половиной, не меньше. А он надеялся вызвать монашку на серьезный разговор, пусть объясняет, какие намерена предпринять действия за те деньги, которые затрачены на ее контракт. Обычные чтицы стоят в сотни раз дешевле и не помнят о тринадцатых пунктах.

Однако мгновенно скрыл свое неудовольствие за учтивой, хотя и несколько прохладной улыбкой:

– Госпожа Ритола, рад вас видеть! Вы прекрасно выглядите! Как поживает ваш дядюшка? А какие новости при дворе? Просветите меня, темного, я пять дней глотал пыль провинциальных дорог и совершенно отстал от жизни.

– Обед подан, – возвестил дворецкий и распахнул дверь в столовую.

– Вы же не откажетесь с нами пообедать, дорогая? – «вспомнил» правила гостеприимства Геверт, еще обиженный на любовницу за позавчерашнее пренебрежение, но она, словно не заметив этой оплошности, заверила, что с удовольствием останется на обед.

– Мне хочется узнать мнение госпожи Эсталис о скандальном романе Лервена Хинти, надеюсь, наши мнения совпадут, – прошептала Ритола, подавая герцогу руку.

Едва не скрипнувшему зубами Змею пришлось подать руку монашке, нарушая тем самым собственные обеты не приближаться к ней ни в коем случае.

К концу обеда граф начал подозревать: эту трапезу он запомнит надолго. Змей не менее дюжины раз успел проклясть свое намерение пообедать в столовой, чтобы лично проследить за маневрами глупышки, замыслившей очаровать его друга.

Через час он уже не мог бы с чистой совестью сказать, кто тут более глупышка, чтица или баронесса. Не успевала иссякнуть одна тема, как дамы с воодушевлением принимались обсуждать новую и при этом не забывали жарко нахваливать друг друга. И если монашка успела очень тонко похвалить «редкий» цвет волос гостьи и ее изумительный вкус, то баронесса с достойным награды упорством продолжала нахваливать собеседницу и свой собственный дворец, не забывая делать очень понятные намеки на то, как было бы прекрасно, если бы Эста служила у нее.

И если первый намек Змей встретил саркастической ухмылкой и едва не подтвердил вслух, что он мечтает о том же самом, то через час уже лишь молча наблюдал за этим соблазнением, начиная ясно понимать: кто-то твердо вознамерился заполучить так трудно доставшуюся ему глупышку. И не мог не заметить, как ловко отбивает эти настойчивые попытки мнимая чтица.

Как и не задуматься над двумя важными вопросами. Для чего или для кого так старается Ритола?! И почему Эсталис так цепляется за место у Геверта, если баронесса в открытую обещает ей и лучшую оплату, платья от самых дорогих модисток и покои для важных гостей с личной прислугой?

Змей перебрал несколько наиболее правдоподобных вариантов, но все они казались недостаточно серьезными. Или откровенно смешными. Даже если бы баронесса заподозрила глупышку в намерении влезть в постель к Герту, вряд ли она решила из

ревности переманить ее в свой дворец. Попытка убрать возможную соперницу подальше от любовника была бы очень хорошим ходом, если бы герцог был дорог Ритоле всерьез. Однако она никого не любила, кроме себя и интриг, и если собственную особу баронесса обожала бесплатно, то из интриг обязательно извлекала какую-то выгоду. Или более щедрого покровителя, или дружбу с влиятельными особами, или нечто, еще не понятное никому до тех пор, пока не становилось явным для всех. Ритола и место в постели Герта получила благодаря ловкой интриге, сама познакомила его бывшую пассию с одним из придворных волокит и сама же первая примчалась утешать рогатого герцога.

Дагорд втихомолку вздохнул, вспомнив почившую Нирессу, при ней Геверт был более спокойным и покладистым, хотя сам он тогда считал, что в браке, заключенном по уговору, не могло быть ничего хорошего.

– Так я заеду завтра за вами, дорогая, – щебетала тем временем баронесса, прощаясь с Эсталис, – и мы вместе съездим в магазин. Я хочу купить все книги, какие вы посоветуете. Герцог, я с вами не прощаюсь, вы же будете вечером у госпожи Шордон?! А вас, Дагорд, больше не интересует ее коллекция ванзийского фарфора? Тогда до завтра.

– Если ты не хочешь ехать к Шордон, я тоже могу остаться дома или давай поедem к Кадерту? – вернувшись, обратился Герт к другу так запросто, словно еще недавно не витала над ними тень размолвки.

– Езжай к Шордон, у меня есть дела, – небрежно ответил Змей, искоса поглядывая на монашку, не произнесшую после ухода баронессы ни слова.

Она даже десерт отодвинула, сидела, задумчиво катая в бледных пальчиках вишенку, и по ее спокойно-безучастному личику совершенно невозможно было понять, какие мысли одолевают только недавно так оживленно болтавшую глупышку.

Эста решала в этот момент очень важный вопрос, сколько можно сказать Герту и его другу, дабы они осознали всю серьезность происходящего. У нее не было ни малейшего сомнения в том, кто именно прислал сюда лживую баронессу, но свой выбор девушка сделала еще в монастыре и отступать от него не собиралась. Ни одна из сестер Тишины не пойдет на подобную подлость даже за двойной гонорар или королевские апартаменты. Значит, придется проявить определенную твердость, хотя можно не сомневаться, Змей мгновенно поднимет все иглы, как обозленный дикобраз.

– Боюсь, – мягко сообщила глупышка, глядя прямо в глаза герцога, – ваша светлость забыли о своем намерении сразу после обеда выехать в свой замок.

Змей едва не подавился чаем, услышав это заявление, а Герт распахнул свои голубые глаза так широко, что графу стало предельно ясно, герцог тоже первый раз слышит о «своем» намерении.

– Каким ты стал забывчивым за последние дни, друг мой. – Змей давно получил от его светлости право обращаться на «ты» и решил после примирения воспользоваться им, чтобы произнести эти слова снисходительно-укоризненным тоном. – Собрался уехать и никому об этом не сказал, кроме госпожи Эсталис!

– Вы тоже собирались ехать с его светлостью, граф, – также тихо уточнила Эста и тоже добавила в свой голос укоризны. – Я иду собирать сундук, помнится, в вашей конюшне еще остались лошади. Мне хватит на сборы полчаса.

– Да что, демон побери, происходит?! – Рассмотрев лицо нахмурившегося, но невозражающего Геверта, Змей повернулся к монашке и начал приподниматься с места с самым угрожающим видом.

И тут обнаружил, что она смотрит прямо на него тем самым печальным и расстроенным взглядом, который жег графа всю дорогу от Туриса до монастыря, заставляя ворочаться в мягких перинах и незаслуженно проклиная кочки и рессоры. И одновременно в памяти всплыла и досада на себя самого. За невнимательность, излишнюю самоуверенность и поспешность.

Змей стиснул зубы и сел на место, продолжая сверлить ее недоверчивым, изучающим взглядом и не находя на лице глупышки ни тени сомнения или раскаяния.

- Слуги могут приехать и позже, а историю короля Карива обсудим в карете, – вставая, еле слышно уронила Эста и направилась к выходу.

Звук шаркающих шагов камердинера девушка узнала еще в тот момент, когда он подошел к двери.

- А Харик? – чуть растерянно произнес Герт, который никак не мог прийти в себя. – Он не привык... оставаться без меня.

- Но в карете ведь для него хватит места, – немедленно отозвался Змей, пряча ехидную усмешку.

Почему-то все дамы, услышав эту кличку, обычно представляли себе маленькую собачку или кота.

- Безусловно, – кивнула монашка и вышла из столовой.

Глава 7

– Какой костюм приготовить вашей светлости на вечер? – поинтересовался едва не столкнувшийся с девушкой слуга и озадаченно насупился, услышав в ответ:

– Дорожный. А пару простых костюмов немедленно упакуй в сундук. Мы уезжаем, – вспомнив предостережения Эсты, герцог на миг запнулся и уверенно добавил: – На несколько дней в провинцию, в имение моего учителя, он приболел. Поторопись и прикажи запрячь карету. Хар едет со мной, побеждает на воле.

– Герт? – осторожно спросил Змей, едва вышел потрясенный услышанным камердинер. – А ты хорошо подумал?

– Конечно, – кивнул герцог, вовсе не настолько уверенный в своих словах, как хотелось бы ему самому, – иди, собирайся. Ты же не откажешься поехать с нами?

– Да уж не откажусь. – Против воли графа в его голосе проскользнула угроза. – Только из чистого любопытства.

Он хотел сказать, что еще и из желания вывести на чистую воду все замыслы этой интриганки, но вовремя прикусил язык. Не стоит снова злить друга, так безоговорочно подчиняющегося своей чтице. Да он даже Нирессу никогда так не слушал, всегда отстаивал право на собственное мнение.

Дагорд встал, пожалуй, чуть более резко, чем положено согласному с решением господина советнику, именно так официально называлась его должность, и поспешил уйти, пока не прорвалось копившееся в душе все последние дни раздражение.

Геверт проводил друга огорченным взглядом и тоже отправился собираться. Хотя ему в отличие от спутников и не нужно складывать в сундук камзолы и рубашки, было несколько вещей, которые герцог не доверял никому и всюду возил с собой. Как и Хара, вытасченного два года назад из горной расщелины крохотным беспомощным комочком.

Эста торопливо дописала последнюю строчку, подумала, незаметно вздохнула и добавила несколько слов. За ошибки и намеренное отступление от строгих правил матушка, конечно, может и поругать, но за попытки утаить информацию просто перестанет помогать. А это было самым страшным наказанием для взявшей контракт сестры Тишины.

Отправив послание, девушка торопливо переоделась в дорожное платье и сложила сундук, потратив на это меньше времени, чем самая ловкая горничная. Оглядела комнату, в которой прожила так недолго, и достала из саквояжа один из пузырьков со снадобьями, подписанный – «средство от болотной лихорадки». Совершенно бесполезное с точки зрения любого здравомыслящего человека, решившего заглянуть в вещи глупышки. В этих местах о случаях болотной лихорадки не слышали даже лекари.

Капнув на ладонь крохотную капельку густоватого зелья, девушка сначала плотно заткнула флакончик притертой пробкой, а затем кончиком пальчика, обмакнутого в душистую капельку, осторожно коснулась щек, лба, подбородка и тыльной стороны кистей рук. Остальное она растерла между ладоней, провела по лицу и волосам, огладила руками платье и плащ от шеи до края подола.

Видела она вчера вечером этого «Харика», когда герцог выгуливал его во дворе. И хотя прекрасно рассмотрела, как послушен и ласков с Гертом его питомец, не менее хорошо была осведомлена, что обычно такая любовь у представителей его рода на посторонних людей не распространяется.

В дверь постучали, и вошел слуга, держа в руках тугой сверток.

– Граф Феррез велел вам передать.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась девушка, – подождите минутку, нужно будет отнести вниз мой сундук.

В свертке предсказуемо оказались ее вещи, и Эста немедленно добавила их в сундук, заперла его на ключ и позволила лакею унести багаж. Прихватила саквояж, не забыв спрятать зелье, и, накинув на голову капюшон, поспешила следом, ей лучше оказаться возле кареты первой.

Дорожная карета с герцогскими гербами по сравнению с модными, изящными каретами столичной знати казалась на вид старинной и неуклюжей, но Эста точно знала, что это не так. На самом деле путешествовать в ней намного надежнее, да и диваны шире и удобнее. Слуги уже устанавливали в багажное отделение сундуки и корзины с провизией, кучер проверял упряжь, а трое охранников приторачивали к седлам свои дорожные мешки.

Эста остановилась на нижних ступеньках крыльца, раздумывая, очень сильно она шокирует слуг, если попросит открыть ей дверку, или все же стоит подождать, пока появится Герт? И как поступить, если он приведет своего питомца? Девушки, не пугающиеся таких зверей, – большая редкость, а все необычное быстро запоминается окружающими и долго потом пересказывается, становясь едва ли не легендами. А ей такого удовольствия и за деньги не надо. Главная задача глупышки, как и тихони, быть обычной и незаметной, и вот именно это Эсте пока удавалось довольно плохо.

– Никогда не предполагал, что есть женщина, умеющая собираться быстрее меня, – раздался за спиной девушки ехидный голос графа, явно постаравшегося подойти незаметно, но глупышка даже не вздрогнула и не повернула головы.

– У меня не был распакован багаж, – учтиво солгала девушка, радуясь своевременному появлению Змея. – Вы не будете так любезны открыть мне дверцу? Меня немного знобит... наверное, простыла в дороге.

– С удовольствием, – желчно бросил граф, распахивая дверцу, но его выпад остался без внимания.

Монашка птичкой впорхнула в карету, устроилась в уголке переднего сиденья, сунула под подушечку свой саквояж и облокотилась на него с намерением немного обдумать предстоящий разговор. Ей уже было предельно ясно, несмотря на все извинения и просьбы о прощении, Змей не оставил намерений постоянно контролировать ее действия. Значит, придется убеждать графа в неверности такого решения, нужно лишь выбрать способ, каким это проделать. Разумеется, можно было бы просто предъявить ультиматум, но в таком случае он уже больше никогда не станет ей союзником. Да и Герт будет переживать. Видно, снова придется действовать на грани заученных инструкций и импровизации.

– Мне сказали, Эсталис, вы уже устроились? – распахивая дверцу, осведомился герцог. – А я хотел познакомить вас с Харом.

– Познакомимся в дороге, – мягко улыбнулась Эста, – я тут уже пригрелась.

– Тогда садимся, – скомандовал Геверт и влез в карету, – давай поводок, Дагорд.

Однако подать поводок граф не успел. Сообразив, что они едут кататься, питомец герцога одним прыжком вскочил внутрь и вспрыгнул на сиденье рядом с Эстой.

– Какой красавец, – восхищенно сообщила глупышка, когда граф торопливо влез вслед за зверем и дверца захлопнулась, – думаю, можно снять с него намордник.

– Вы так считаете? – обрадовался Геверт. – Иди сюда, Хар! Он очень ласковый и никого еще не тронул. Но все дамы обычно падают в обморок... или начинают визжать.

– Я не дама, – сказала Эста тихо и твердо, рассматривая серого, как гроздовая туча, ирбиса, – а он действительно очень хорош.

Освобожденный от намордника зверь в порыве нежности потерся лбом о колени хозяина, грациозно развернулся и уставился на Эсту внимательным зеленовато-желтых глаз. Она чуть заметно усмехнулась и достала из кармана салфетку, в которую был завернут прихваченный на кухне кусок холодной телятины.

- Можно я сделаю ему подношение в знак дружбы? - подняла девушка глаза на Геверта. - Или вы сами его угостите?

Дагорд разочарованно поджал губы: ничего не скажешь, хитра монашка. И определенно заранее вынала у слуг, чем кормят Хара. Впрочем, никто этого и не скрывал, за два года пристрастия ирбиса успели изучить все слуги и даже гости дома.

- Конечно, - кивнул Герт, - можете угостить.

- А потом напомните нам, когда это мы захотели отправиться в замок, - хмуро добавил Змей, глядя, как мясо исчезает в пасти Хара, - пока мы не отъехали слишком далеко и еще можем вернуться.

- Вы никогда такого не решали, - стараясь не злиться на графа за это упрямство, кротко произнесла Эста, - это я так решила. Вспомните пункт третий. Если по вине клиента сестре Тишины грозит разоблачение или ее пытаются переманить, она имеет право порекомендовать клиенту оптимальный вариант действий.

- Третий? - с сомнением произнес герцог и полез в карман искать контракт, но друг его остановил:

- Не ищи, я выучил контракт наизусть. Там и в самом деле так сказано. Вот только, по моему, рекомендация была больше похожа на приказ.

- Мне не оставалось ничего другого, - с сожалением взглянула на него Эста. - Под дверью уже стоял Патис.

- Неужели бедняга Патис кажется вам похожим на шпиона или лазутчика? - презрительно скривился Змей. - Ну уж вот это совершенная глупость.

- А вы глупышку и нанимали, - спокойно парировала Эста, - но только, чтобы вас успокоить, могу сказать, я вообще никогда ничего не предполагаю, и мне ничего не кажется. Я говорю только то, что знаю совершенно точно. Камердинер Патис каждый раз останавливается, подойдя к двери, и прислушивается к разговору находящихся в комнате людей. Еще он никогда не стучит, встает раньше всех остальных слуг, кроме кухарки, ложится вообще позже всех, дружит с привратником и спит после обеда в чулане. Еще любит первым узнавать все новости, имеет свое мнение обо всем, происходящем в доме, и очень не любит вас, Змей.

- Демонская сила, - изумленно уставился на нее Герт, - совершенно верно. Кто вам все это рассказал?

- Никто, ваша светлость, - покосившись на задумавшегося Змея, кротко пояснила монашка. - Сестры Тишины не верят беспрекословно ничьим рассказам.

- Ну, допустим, некоторые из этих фактов действительно выглядят подозрительно, - заявил, нахмурившись, граф, - но он давно работает в доме герцога и неплохо получает. Зачем бы ему это было нужно?

- Что именно? - вежливо осведомилась Эста и осторожно почесала лоб Хара, привалившего к ее коленям крупную голову.

Ирбис довольно мурлыкнул.

- Шпионить, - сквозь зубы уточнил граф.

- Когда я такое утверждала? - так же вежливо удивилась глупышка. - Я лишь перечислила достоверные факты.

- Но тогда почему нельзя разговаривать, когда к комнате подходит камердинер? - Герт, никогда не интересовавшемуся шпионами и интригами, казалось, будто в этом разговоре они загнали чтицу в угол.

- Потому что пока мне ничего не известно о том, с кем, кроме привратника и дворецкого, любит беседовать Патис. Однако понятно другое: камердинер любопытен, бесхитроу и неравнодушен к лести. Мне объяснять дальше?

- Не нужно, - нахмурившись, отказался Змей, - значит, мы теперь будем жить, как шпионы, чтобы выяснить, почему Ритоле вздумалось заполучить вас в свой дворец?

- Нет. - Монашка печально посмотрела на графа: придется сделать выпад, который может навсегда убить надежду найти с ним общий язык. - Вы специально делаете вид, будто не знаете этого?

- С чего вы взяли? - насторожился он. - Откуда я могу знать причины ее настойчивости?

- Но ведь мы целый день ехали с вами вместе, Змей. Вы же сами знаете, не так уж много ездит по дорогам королевства мужчин с такой броской внешностью, как ваша.

- Спасибо за комплимент, - съязвил он.

- В вашем случае это далеко не комплимент. Вы довольно известная личность и ехали, не прикрывая лица. Да и в харчевню вошли открыто.

- Ну, неужели вы считаете, будто подавальщик в харчевне меня тоже узнал? - начал злиться Змей, отлично понимая: монашка в чем-то права.

- Я вам уже два раза говорила, сестры Тишины не строят догадок и ничего не предполагают? А говорят только то, о чем знают точно? Так вот, я знаю точно, в этом году заявок на девушек, владеющих необычными ремеслами, было больше, чем уходящих из монастыря сестер Тишины. А поскольку все господа, приехавшие к воротам монастыря в надежде заключить контракт, ночевали в одной харчевне с вами, Змей, можно не сомневаться: вас они и заметили, и узнали. А позже некоторые из них обедали в одном трактире с нами и не могли не понять, что вы везете глупышку. Вот кто из них работает на господина, которому контракта с монастырем не досталось, я знать не могу, но это уже и не важно. Если бы госпожа Ритола не явилась сегодня на обед, я могла бы надеяться, что пославший ее оставил надежду и успокоился. Но вы сами могли убедиться в обратном.

- Вы его знаете? - уставился на Эсту герцог.

- Нет. Не знаю. А предположений никогда не высказываю.

Глава 8

Некоторое время они ехали молча, и тишину в карете нарушало только довольное урчание дремлющего Хара, которому монашка задумчиво почесывала лоб.

– Значит, это действительно я своими действиями выдал тайну людям неизвестного нам господина, – мрачно изрек через полчаса Змей, никогда не отказывавшийся от признания своих оплошностей, как бы тяжелы и неприятны они ни были. – И как нам теперь поступить?

Эста удовлетворенно усмехнулась про себя, вот это уже была победа. И то, что граф, наконец, хотя и под нажимом обстоятельств, решился признать себя пусть пока и не соратником глупышки, но зато не врагом. И особенно важно его признание ее права на предложение способов решения проблем. Однако вслух она этого говорить никогда бы не стала: никого так сильно не желают придушить мужчины, как торжествующе празднующих свою правоту женщин.

– А мы уже делаем, – мягко отозвалась девушка, – едем в замок. Мне известно о том, что Адер – неприступная крепость и в ней хорошо обученная, хотя и немногочисленная охрана. А с нашим приездом она станет на семь человек больше. Или даже на восемь.

– Надеюсь, – не выдержал угрюмый граф, – это вы не себя считаете за двоих сразу?!

– Себя я считаю только за одного, – также приветливо сообщила девушка, – хотя и не умею махать мечом. Да и тяжелый арбалет мне не по руке, но кое-что все же могу. Нет, восьмым я считаю Хара, эти звери издавна воспитывались в северных крепостях Анхары как сторожевые. Никто не сравнится с ним в чуткости... и преданности, нужно лишь немного его натренировать.

И она снова почесала лоб счастливо мурлыкнувшего ирбиса.

– Но ведь он совершенно миролюбивый. – Герт у явно не понравилось предложение сделать бойцом его огромную живую игрушку.

Да и идея на несколько дней или недель застрять в Адере тоже не нравилась. Герцог не очень любил доставшийся ему в наследство замок и старался никогда не вспоминать обстоятельств, этому способствовавших.

– Надеюсь, таким и останется... – загадочно вздохнула девушка, и в карете снова надолго поселилось молчание.

– Подъезжаем к Баргейну, – стукнув в окошко, сообщил кучер, когда на улице уже стемнело, – куда прикажете ехать на ночлег, ваша светлость?

– Езжай пока прямо, мы сейчас решим, – отозвался герцог, успевший за это время обдумать все происходящее и осознать, что в том давнем споре, когда решалось, нужно ли тратить бешеные деньги на какую-то монашку, прав был он, а не более решительный и опытный друг.

Однако Герт ни на секунду не возгордился своей победой, наоборот, начал тревожиться, как бы это обстоятельство не слишком задело самолюбивого графа. Он и так в последнее время получил два ощутимых удара, и герцог считал своим долгом поддержать друга, как тот поддержал его четыре года назад. Да и последние неприятности связали их прочными узами сообщничества, и если глупышка не сможет помочь им найти объяснения происходящему и способ спасения, то надеяться они смогут только друг на друга.

– Как ты считаешь, Дагорд, – спросил его светлость у друга, – где нам лучше переночевать?

– Думаю, этот вопрос тебе следует задать не мне, – не купился на дружеский тон Змей, – а госпоже Эсталис. Она лучше меня разбирается в шпионских играх.

– Откуда я могу знать, – кротко изумилась Эста, – кого из своих знакомых, имеющих возможность принять толпу незваных гостей, вы рады навестить больше всех?

- А разве нам не нужно скрывать, куда мы едем, и останавливаться на самых затрапезных постоялых дворах под чужим именем? - Герт, никогда до этого не бывавший в подобной ситуации, явно имел слабое представление о шпионской скрытности.

- Для этого нам нужно замазать грязью гербы на карете, - нехотя просветил друга Змей, - переодеться и снять с рук все перстни, надеть шляпы с огромными полями или маски и, главное, усыпить и упаковать в покрывала Хара.

- Я никогда не делаю предположений, - нарочито вздохнула глупышка, - но если бы оказалась на месте господина, желающего получить сестру Тишины, то прежде, чем посылать в ваш дом госпожу Ритолу, непременно оставила бы на улице несколько соглядатаев.

- Вы полагаете... - начал Змей и досадливо стиснул зубы, вот сколько раз проклятая монашка уже повторила свою фразу про догадки и предположения?! - Хорошо, это легко проверить. Хирин, - дернув шнурок звонка, приказал граф заглянувшему в оконце кучеру, - как увидишь переулок, где побольше кустов, гаси фонарь и сворачивай туда. Да не забудь дать знать Итеру, чтобы молчали.

- Понял, - сообразительно кивнул кучер и прикрыл окно.

- Вы не против, Эсталис, если мы погасим светильник? - сухо вато осведомился Дагорд, стараясь не думать о том, что волноваться в этом случае должна вовсе не девушка, а, наоборот, они с герцогом. А вдруг, вновь засветив дорожную лампу, друзья обнаружат напротив не так дорого оплаченную и нелегко доставшуюся глупышку, а всего лишь пустое место.

- Разумеется, гасите, - ровно произнесла монашка, и губы потянувшегося к лампе графа невольно исказила ехидная усмешка. Как верно он предположил, что ее таким предложением не смутить.

Едва лампа, мигнув, погасла, Змей приоткрыл дверцу и выглянул наружу. Герцог последовал его примеру и высунулся со своей стороны, а Эста, наоборот, закрыла глаза, вслушиваясь в происходящее на улице.

Вокруг жил своей жизнью маленький, но довольно бойкий городок, стоящий на берегу судоходной речки. Кроме того, в нем пересекалось несколько дорог, столичный тракт, ведущая с предгорий тропа и южная дорога, по которой гнали в столицу на продажу скот и везли шерсть.

Именно поэтому он не засыпал с наступлением темноты, как похожие по размеру тихие провинциальные городки, а продолжал суетиться и шуметь. Где-то дальше, с южной окраины, доносились блеяние овец и ржание лошадей, лаяли собаки и изредка слышались гортанные крики погонщиков, в соседних домах звучали музыка и смех, в стороне раздавалось шарканье оселка по металлу.

Эста сортировала в сознании эти звуки, как разноцветные бусины, отбрасывая в сторону не интересовавшие ее сейчас. И вскоре остались только дыхание спутников и насторожившегося Хара да хруст какой-то веточки, до которой дотянулась одна из лошадей. Кучер и охранники герцога сидели молча и недвижно, как статуи, в вопросах выучки своих подчиненных дисциплине и бою Змей был одним из лучших в королевстве.

Не прекращая своего занятия, девушка вскользь отметила, что это еще одна причина наладить с графом если не приятельские, то хотя бы лояльные отношения, насколько ей известно, в замке герцога охрана - это большая часть обитателей.

Топот подкованных лошадей она разобрала издали и даже определила: всадников не один и не два. Но вовсе не сразу шепнула спутникам короткое слово - «едут», и то лишь для того, чтоб они не упустили ни одной детали, какую смогут рассмотреть, раз уж не оставили ей места у оконца.

Отряд всадников торопливо проскакал мимо и, судя по шумному, но размеренному дыханию лошадей, это были именно те, чье появление она предсказала, но Эста упорно молчала, ожидая вердикта спутников.

- Пятеро, - шепнул герцог, закрывая свою дверку и откидываясь на спинку сиденья.

– Да, – хмуро подтвердил граф, захлопнул дверцу, помолчал и добавил: – Люди герцога Эфройского.

– Демон, – ошеломленно выдохнул Герт, – ты уверен?

– Двое в форме. А зачем им скрываться? Никто ведь не осмелится поинтересоваться, куда и зачем скажут люди его светлости? – желчно фыркнул Змей. – Право, теперь я даже не знаю, как лучше поступить, по-хорошему отдать им нашу глупышку и получить двойное вознаграждение, какое обещала эта маленькая пройдоха Ритола, или скакать всю ночь в замок и начинать готовиться к осаде?!

– Лучше поехать туда, где нас накормят и предоставят возможность отдохнуть, – не скрывая насмешки, спокойно ответила Эста, ну ясно же, что, говоря о ней, как о серебряной статуе богини Удачи, граф пытается возместить себе недавнее унижение?!

– Это была некрасивая шутка, Дагорд, – сухо вато поддержал чтицу герцог, минуту помолчал и принял решение: – Мы едем к графине Кроуди.

«Росалина ле Кроуди, графиня тридцати шести лет, хотя всем говорит, будто ей двадцать девять, троюродная кузина герцога по материнской линии. Уже девятнадцать лет как она пребывает замужем за графом Кроуди, имеет восемнадцатилетнюю дочь Берисетту и отличается неумеренной любовью к родственникам. Кроме хозяев, в доме постоянно живут две или три племянницы графа. В особняке частенько устраиваются вечера и обеды, якобы ради развлечения Берисетты, но на самом деле блистает на них ее матушка», – моментально всплыла информация в голове сестры Тишины.

Поступок настоятельницы, позволившей Эсте первой сделать выбор контракта, дал девушке возможность внимательно перечитать все, чего она не знала о нанимателе ранее.

Ей было совершенно ясно, почему Геверта тянет в дом кузины, но возражать она и не подумала. Глупышки вообще не спорят с хозяевами, и та решимость, с какой она сегодня повернула события, была всего лишь вынужденной мерой.

Дом графа Кроуди приветливо встречал путников большими фонарями, горевшими у ворот и вдоль подъездной дорожки, сиял ярко освещенными окнами и пленял запахами духов, цветов, жареного мяса и еще десятками ароматов, говорящих каждому, кто оказывался на крыльце, что в семействе праздник. Герцог с графом заметно приободрились, такие запахи и больно поднимут с постели, не говоря о молодых здоровых мужчинах, а Хар насторожился и недовольно мотнул головой, когда Герт потянулся к нему надеть намордник.

– Если графиня выделит мне комнатку, я могла бы взять Хара с собой, – кротко предложила Эста, – и немного погулять с ним перед сном.

– Вы так уверены, что он будет вас слушать? – скептически усмехнулся граф.

Однако Герт, очень не любивший запираť питомца в чуланах, неподдельно обрадовался этому предложению, точно зная: иного выхода оставить ирбиса на свободе нет. Герцог отлично знал порядки в доме Кроуди, где гостям не принято было вставать из-за стола до полуночи.

– А мы посмотрим, может, и будет. Эсталис ему понравилась. Я даже могу сам лично довести его до этой комнатки.

Дагорд только саркастически хмыкнул, старательно пряча усмешку, но возражать больше не стал, как и говорить заранее о своих подозрениях. Просто взял на заметку проснуться в три часа ночи и проверить эту самую комнатку.

Ведь всегда можно сказать, будто волновался, не капризничает ли зверь?

Встречать гостей вместе с дворецким и толпой слуг на крыльцо пожаловала сама Росалина, веселая, ухоженная, с приятной глазу округлостью форм и глубоким бархатистым голосом.

– О господи, какая радость, Геверт, дорогой, но почему ты не предупредил! Мы бы

выслали вам навстречу людей, на дорогах так опасно! Проходите, вы так вовремя, мы празднуем день рождения Ивессы, вы же помните троюродную племянницу Каборда? А это кто? Ты привез своего зверя? Ох, нужно срочно освободить ему клеть, Ферри, распорядись!

– Не нужно, Ферри, – сумел, наконец, вставить слово герцог. – Хар переночует в комнате чтицы. У вас ведь найдется комнатка для моей чтицы, Росалина? Это только на одну ночь, рано утром мы уезжаем.

Как это он вовремя ввернул про отъезд, скромно стоя у крыльца рядом с Харом, усмехнулась про себя Эста. Судя по разочарованному взгляду графини, при виде герцога с другом в ее голове мигом построилась какая-то замысловатая интрига.

– Идем, Хар, погуляем, – закончив ужинать и скормив ирбису почти все мясо со своей тарелки вдобавок к принесенному для него куску, Эста накинула плащ и взяла в руки поводок.

Как она и предполагала, замечательное зелье, изготовленное сестрами монастыря Тишины и делающее добродушными даже диких животных, очень расположило к ней огромного кота. А длительная совместная поездка на одном диване позволила ему причислить ее к клану друзей. Едва увидев в руках девушки поводок, ирбис радостно спрыгнул со стула, с которого внимательно следил за трапезой соседки по столу, и потерялся лбом о ее юбку. Гулять он очень любил.

В саду тоже стояло несколько фонарей, но поменьше и было по-осеннему пустовато, хотя миленькие молодые елочки и несколько рябин, а также кустики поздних цветов делали его довольно нарядным. Хар немедленно умчался обследовать сад, и Эста снова отметила, что иногда он ведет себя как собака. Видимо, сказалось воспитание приемной матери. Герт рассказал, как замковый лекарь предложил подложить Хара одной из собак, кормившей щенков, когда герцог нашел в скалах крохотного ирбиса, почему-то брошенного матерью.

Девушка немного погуляла между елочек, ей тоже хотелось размять ноги, и совсем уже собралась позвать зверя, как на широкой террасе, выходящей в сад, раздался игривый женский смех и мужской голос. Слишком знакомый, Эста его сразу узнала. Как быстро, однако, граф позволил себя поймать! Наверняка его уже ведут «показывать сад».

Девушка вмиг отступила назад, за елочку, и ниже надвинула на голову капюшон, становясь с этого момента почти невидимой. И только секундой позже задумалась: зачем так поступила?! Не проще ли было гулять открыто по аллее, чтобы не вызвать никаких подозрений? Хотя о причине своего интуитивного поступка сестра Тишины догадалась, едва немного поразмыслила. Не хотелось давать графу лишний повод для подозрений и язвительных насмешек, особенно при любознательных кузинах графини.

Эста и от ужина за праздничным столом отказалась, сославшись на усталость, избегая встречи с этими девицами. Сестра Тишины отлично знала, как они любят рассматривать всех попавших им на глаза незнакомок, чтобы позже, собравшись в какой-нибудь гостиной за десертом, подробно обсудить и осудить каждую оборку и каждое движение. Эсте было абсолютно безразлично их мнение, просто не хотелось тратить зря силы, когда есть возможность отдохнуть.

Неслышной походкой, осмотрительно продвигаясь в глубь сада только по затененным елками уголкам, девушка вышла, наконец на дорожку и негромко позвала ирбиса. А затем, откинув капюшон, уже открыто зашагала назад посередине аллеи.

Хар выскочил из кустов, ничуть не напугав Эсту, но от неспешно бредущей навстречу парочки немедленно донесся испуганный визг. Ирбис заинтересованно глянул в ту сторону, принялся и, уловив хорошо знакомый запах графа, помчался огромными стремительными прыжками прямо к гуляющим.

Визг раздался снова, теперь по-настоящему испуганный и обреченный, и женская фигура в нарядной светлой накидке едва не рухнула на сыроватый песок. Граф успел вовремя подхватить ее. Хар налетел на друга, боднул его игриво в колено, сцапал в зубы

небольшую нарядную шляпку из шелка, кружев, цветочков и бантиков, определенно самый последний выдох моды, и помчался назад, таща свой трофей Эсте.

– Давай сюда. – Решительно отобрав у зверя немного обслюнявленное и пожеванное произведение столичной шляпницы, Эста, держа его двумя пальчиками, понесла хозяйке.

Змей, усадивший свою спутницу на ближайшую скамью, пытался привести ее в сознание, и Эста могла бы ему помочь, но торопилась увести из сада зверя. Женский визг не мог остаться незамеченным, и сюда уже определенно бегут и стражники, и слуги, и кто-то из гостей.

– Спокойной ночи, – кротко пожелала девушка, поравнявшись со скамьей, и аккуратно положила на край шляпку. Умелая камеристка вполне сумеет вернуть ей прежний вид.

Глава 9

Граф прожег уходящую монашку возмущенным взглядом, больше всего на свете он терпеть не мог приводить в сознание обморочных девиц и надеялся на помощь Эсты в этом нелегком деле. Однако она ушла, не оглядываясь, и ему поневоле пришлось приступить к ненавистному занятию лично.

Дагорд еще раз шлепнул спутницу по щеке и поморщился, услышав голоса и топот бегущих слуг. Ну, наконец-то они опомнились, чего, интересно, ждали? Прибытия городской стражи или пока он сам дойдет до дома и все им объяснит?

Змей давно говорил герцогу, что его кузина, полностью захватившая власть в доме, слишком распустила слуг и стражу. И проявляют они особое усердие лишь тогда, когда видят неподалеку ее крутобокую фигуру. Однако граф вовсе не советовал Герту вмешиваться в дела графини, она из тех женщин, которые совершенно не выносят подобных действий.

– Что произошло?! – Через толпу охающих служанок пробился личный лекарь графа.

– Девушка испугалась питомца его светлости, – два последних слова Змей подчеркнул специально, к родству с герцогом графиня относилась с трепетом, и после этого заявления никто не осмелится требовать посадить бедного Хара на цепь.

Госпожу Ивессу после небольшого совещания решено было унести в ее комнаты, и графу ничего не оставалось, как вернуться в бальный зал, хотя намерение немного пофлиртовать уже растаяло.

Дагорд еще немного посидел за столом, понаблюдав, как друг весьма успешно волочит за одной из гостей, миленькой вдовой одного из племянников графа, развеивающей горе в гостеприимном доме Росалины, и велел слуге проводить себя в отведенную спальню. Если они хотят приехать в Адер до ночи, встать нужно очень рано.

Тихие царапающие звуки разбудили Эсту мгновенно. Девушка протянула руку, добавила роста едва тлеющему в лампе фитильку и оглянулась на стоявшие в углу огромные напольные часы. За неимением других комнат ее устроили на ночлег в кабинете хозяина. Впрочем, ночью граф все равно им не пользовался.

Святая тишина, всего третий час, а вставать они намеревались только в пять. Значит, стряслось нечто особое.

– Войдите, не заперто, – тихо позволила глупышка, осторожно садясь в подушках, вторую половину большого кожаного дивана решительно занял Хар.

– Доброй ночи, – войдя, мрачно бросил Змей и, пройдя к креслу, уселся так основательно, словно хотел заявить своим поступком о намерении просидеть тут остаток ночи.

Хар только лениво приоткрыл один глаз и снова заснул.

– Что случилось? – деловито поинтересовалась Эста и подтянула к себе халат.

– Ничего. – Граф был неимоверно зол на себя самого и не желал принимать ничьего участия.

Только полчаса назад, когда его несостоявшаяся вечерняя любовница заявила к нему в спальню, Змей сообразил, в какую передрыгу влип. И ведь слышал, когда гостил тут с Гертом в прошлый раз, рассуждения графини о необходимости подобрать Змею подходящую невесту, но просто посмеялся про себя. Не приняв во внимание завидный энтузиазм Росалины, с каким она берется за подобные дела.

– Змей, – хладнокровно вылезая из-под одеяла, заявила глупышка, и граф, к своему изумлению, обнаружил, что простенькая ночная рубашка синего цвета в мелкий горошек, воротник которой он мог рассмотреть ранее, на самом деле – верхняя часть

мужской пижамы. Довольно длинной, чуть не до колен. И из-под нее выглядывают штанишки из такого же сатина.

– Рассказывайте, – ловко и быстро замотавшись в длинный теплый халат, приказала девушка и принялась натягивать деревенские вязаные носки.

Однако граф уже раз сто пожалел о своем порыве. Ну вот зачем он пришел сюда и разбудил эту странную глупышку?! Разве она сможет без слез, без претензий и, главное, без скандала распутать эту ситуацию? Стоило ему лишь увидеть ее смешную пижаму и мохнатые носки, как представление о монашке как о коварной обольстительнице герцога рухнуло, словно гнилое дерево под снегом. Да и все ее догадки насчет преследователей стали казаться не такими уж остроумными и своевременными.

Демон, а ведь он почти поверил, будто девчонка что-то умеет. Змей с досадой обозвал в душе себя болваном и решительно поднялся с кресла. Черт с ним, с дружеским отношением Росалины, придется устраивать скандал. Дагорд не может позволить себе такой роскоши – жениться не просто на бесприданнице, а еще и на девице, не стесняющейся вламываться среди ночи в спальню почти незнакомого мужчины.

– Никуда вы не пойдете! – Как монашка оказалась возле двери так быстро, Дагорд даже не понял, но сейчас его это ничуть не интересовало.

– Вы меня остановите? – с иронией поднял он бровь, но от усталости фраза получилась не столь едкой, сколь печальной.

– Нет. Просто объясню утром все герцогу и расскажу, как вы из трусости отказались от моей помощи.

– Вот как! – Змей снова начал закипать. – И где же вы нашли трусость?

– А вы мне докажите, что я ошибаюсь и это не так называется. – Эста совершенно бесстрашно смотрела ему прямо в глаза. – Но тогда как? Стеснительность? Мне уже смешно. Кстати, я тоже хочу еще немного отдохнуть, и вы напрасно тратите наше время.

– Хорошо, – сдался помрачневший граф, – она сейчас пришла в мою спальню.

– Ивесса? – сразу сообразила Эста. – Ну конечно. И теперь вы не желаете, чтоб утром все увидели, как она выходит из вашей комнаты?

– Я ее не звал. Но она не желает уходить, – скрипнул зубами граф.

– Ложитесь спать тут, – мигом решила глупышка, – которая ваша спальня?

– Я могу проводить.

– Сама найду. Так которая?

– В другом крыле, третья справа от лестницы, – еще не веря в такое легкое решение, объяснил граф. – А что вы ей скажете?

– Ах, это просто, – пожала плечами девушка, – ирбис меня не слушал, и мы с вами еще с вечера поменялись, теперь там моя комната. Но вам лучше запереться... спокойной ночи. И не трогайте мой сундук, у меня там сюрпризы для любопытных.

– Уже трясусь, – серьезно кивнул Змей, запирая за ней дверь, и направился к дивану. – Подвинься, Хар, ну ты и развалился.

Комнату графа Эста нашла довольно быстро и так же легко расслышала за дверью напротив какую-то возню. Значит, все-таки прав был Змей, и это никакая не любовь, а просто интрига... и довольно потертая. Тогда можно и не жалеть девушку, она себе таким способом поймает кого-нибудь попроще. И хотя счастья после такой проделки от семейной жизни ей лучше не ждать, но хотя бы подольше проживет.

Девушки, обманом или силой женившие на себе мужчин, подобных Змею, подозрительно часто падают с лошадей и лестниц.

Войдя в спальню, Эста первым делом проверила засов и убедилась, что он на месте. Зато отсутствует цепочка, которой его положено запирать, и это нововведение произведено недавно, судя по свежести дыр от некогда крепивших ее гвоздей.

– Милый... – робко позвал из-под полога женский голосок, – ты пришел?

– Угу, – сообщила Эста, сноровисто поднимая стул и просовывая его ножку сквозь дверную ручку.

В монастыре их с сестрами многому научили, и едва ли не первым делом показали, как можно надежно запереться в комнате каким-либо из десятка самых простых и доступных всем способов.

– Ты такой красивый, – мечтательно сообщила Ивесса и хихикнула.

«Интриганки», – сердито фыркнула глупышка, безошибочно сообразив по этому веселому хихиканью, что девице выдали для храбрости вина. И, похоже, не один бокал.

Следовательно, бесполезно читать этой дурочке проповедь, все равно в ее хорошенькой голове ничего не останется.

Эста прошла к кровати, посмотрела на потрясенно вытаращившую глаза именинницу и откинула одеяло.

– Отодвигайся к тому краю и лежи тихо.

Влезла на постель, отметила про себя, насколько тут мягче и удобнее, чем на диване в кабинете, прикрутила фитиль и, замотавшись в свою половину огромного одеяла, закрыла глаза.

– А где граф? – минут через пять раздался несчастный голосок соседки.

– В кабинете спит. Мы еще с вечера поменялись. Спи, а то позову.

Ивесса надолго задумалась. Так надолго, что Эста почти заснула.

– Кого, Дагорда? – наконец высказала робкую догадку девица.

– Нет, ирбиса. Того огромного зверя. Он сейчас как раз разыгрался, бегают по коридорам. Поэтому дверь лучше не открывать, – припугнула монашка Ивессу и с чистой совестью уснула.

В следующий раз в комнату постучали, когда Эста, не хуже графа владевшая искусством вставать в назначенное время, уже умылась, причесалась и привела лицо именно в такой вид, какой говорил всем вокруг о ее переутомлении и недосыпании. Маленький кошелек со всеми необходимыми для этого средствами всегда лежал в кармане ее халата.

Освободив дверь от стула, Эста поставила мебель на место и предусмотрительно отступила в сторонку.

– Неужели уже пора вставать? – страдальчески воззрившись на ворвавшихся в комнату дам, спросила она самым несчастным голоском и отчаянно зевнула.

– А вы кто такая? – озадаченно уставилась на нее графиня.

– Чтица, – кротко сообщила монашка и просительно добавила: – Только говорите потише, а то девушку разбудите.

– Какую девушку?! – Графиня ринулась к постели, узрела сладко спящую Ивессу и остолбенела.

– А где граф? – спросила сопровождавшая ее девица с простодушной круглощекой рожицей.

– Дагорд аш Феррез? – учтиво уточнила Эста.

- Он самый, - пристально уставилась на нее хозяйка, начиная догадываться, что события развернулись вовсе не по ее плану.

- Так со зверем же герцогским спит, - с простодушием селянки уставилась на нее монашка, - разыгрался он, ну как ребенок.

- Кто разыгрался?!

- Ну, так Хар же, зверь его светлости. Я и послала за графом, его Хар как миленький слушается. Вот он и велел мне идти сюда, чтобы зверя по дому не водить. Я пришла, а тут девушка... - Эста неодобрительно поджала губы и вздохнула. - Напугал он ее, злодей!

- Кто, граф? - ахнула круглощекая.

- Да при чем тут его сиятельство?! - возмущенно всплеснула руками глупышка. - Разве он может испугать женщину?! Это Хар девушку вечером в парке напугал, так она мне полночи рассказывала, будто зверь по коридору бежит. Уж как я ее ни успокаивала, даже дверь заперла, иначе она мне даже немного поспать не дала бы!

- Эсталис, - донесся из коридора строгий голос графа, - можете идти в кабинет, пора собираться. С Харом я сам погуляю.

И Змей, держа пристегнутого на поводок ирбиса, решительно пошел дальше, сделав вид, что не заметил отпрянувшую к стенке графиню.

Когда Эста, одевшись и отправив в карету свои вещи, пришла в маленькую столовую, соединенную дверью с кухней, граф уже сидел за столом в дорожном камзоле. Плащ и шляпа лежали рядом, а сам Змей с ожесточенным видом кромсал ножом холодное мясо, поданное сонной кухаркой на завтрак в дополнение к таким же холодным закускам, явно оставшимся от вчерашнего праздника. Только чай в маленьком серебряном чайнике был горячий, и Эста спокойно налила себе чашку и взяла кусок торта.

- Хар уже в карете?

- Нет, будит Геверта, - хмуро сообщил Змей и покосился на невозмутимую монашку - как она может есть с утра эти сладости?

- Если вы желаете съесть это мясо, - правильно поняла глупышка его взгляд, - лучше попросите кухарку обжарить.

- У нее еще печь не растоплена, - буркнул граф, горячо сожалея, что ночевал не в трактире.

Там бы он сумел заставить прислугу подать себе горячий завтрак.

Геверт тоже любит на завтрак жареное мясо, вспомнила Эста, отложила пирожное и встала с места. Решительно взяла со стола блюдо с мясом и направилась в кухню.

- У меня печь еще холодная. - Крупная девица сидела у окна за маленьким столиком и пила чай. На тарелочке перед ней были разложены различные деликатесы, видимо, кухарка имела обыкновение с утра баловать себя за все господские прихоти.

Спорить с ней Эста не стала. И вовсе не от неумения убеждать прислугу в неправоте. Просто сейчас был именно тот случай, когда много проще и быстрее сделать все самой, чем объяснять.

- Сиди, отдыхай, я сама. - Монашка опытным взглядом нашла все необходимое, поставила на маленькую печурку небольшую сковороду, сунула под нее щедрую горсть мелких щепок и стружек, разожгла огонь и положила первый кусок мяса.

Через минуту нетолстые ломтики уже начали шкворчать и румяниться, а девушка все резала мясо и подбрасывала щепки.

- Ты мне всю щепу сожжешь, - неодобрительно поджав губы, заявила кухарка, но Эста

глянула на девицу так насмешливо, что та больше не произнесла ни слова.

- Вот завтрак, - вернувшись через несколько минут, монашка обнаружила сидящего рядом с графом зевающего и хмурого Геверта и поставила на стол перед спутниками полную тарелку румяных горячих ломтиков, присыпанных зеленым лучком.

- Кухарка кузины случайно не заболела? - откровенно изумился его светлость, накладывая мясо себе в тарелку. - Никогда раньше она не топила печь в такую рань.

- Жива и невредима, - успокоила Эста и принялась спокойно упаковывать в принесенную корзинку те из закусок, какие точно не могли испортиться за ночь.

- Зачем вы это делаете? - через некоторое время не выдержал его светлость, глядя, как ловко чтица заворачивает в полотняные салфетки куски сыра, булочки, ветчину и прочие продукты.

- Собираю нам второй завтрак, - так же спокойно ответила она, - мы ведь поедем напрямик, через холмы, там трактиров нет. Зато к обеду попадем в Лошту, она славится отличной харчевней.

Герцог нахмурился сильнее, оглянулся на Змея в поисках поддержки, но тот жевал мясо так увлеченно, что его светлости стало понятно: сегодня спорить с чтицей друг явно не намерен. И хотя это не могло не радовать Герта, перспектива ехать через холмы по разбитой деревенскими телегами дороге его явно не прельщала.

- А может, все-таки?! - в надежде спросил он и натолкнулся на сочувственный взгляд голубых глаз глупышки.

- Я расскажу вам эту историю в карете, - заслышав стук каблучков графини, Эста подхватила свою корзинку и направилась к двери на кухню.

Встречаться с Росалиной еще раз у нее не было никакого желания.

Глава 10

Карета за ночь выстыла, и Эста с удовольствием приняла одеяло, принесенное слугой. Видимо, таким образом графиня пыталась задобрить голос собственной совести. Или кто-то из сообразительных слуг сумел верно растолковать ей произошедшее ночью.

Девушка села на один край одеяла, укрылась другим и погладила уверенно устроившегося рядом ирбиса.

– Может, сегодня мне сесть рядом с ним? – предложил его светлость. – Мне сказали, он вас не слушался.

– Ему нужно время привыкнуть, – кротно ответила Эста. – Не забудьте приказать кучеру свернуть к западной заставе.

– Вы обещали объяснить, зачем мы едем той дорогой!

– Обязательно, – кивнула девушка, – но указание нужно дать заранее, чтобы не возвращаться.

– Я уже приказал Итеру и Хирину, – сухоvalo отозвался Змей, не решивший еще, как теперь относиться к монашке.

С одной стороны, глупышка очень выручила его ночью, а слушая из-за двери ее объяснения, граф кусал губы, едва сдерживая хохот. Да и завтрак она очень умело сделала, Змей ни на миг не поверил, будто это постаралась кухарка. Но монашка умудрилась тут же испортить все впечатление своими действиями. Можно было хоть ради приличия посоветоваться?

– Хорошо, – успокоилась Эста, – а едем мы по западной дороге потому, что там нет заставы.

– Но на заставе меня всегда пропускают беспрекословно. – В голосе герцога ясно слышалась гордая самоуверенность.

– Раньше пропускали, – тихо вздохнула монашка, – пока вы не перешли дорогу герцогу Эфройскому.

– Вы считаете... – Змей на секунду с досадой смолк, как, оказывается, привязчивы подобные выражения! – То есть вы знаете о герцоге нечто, дающее право подозревать его в подобных действиях?

– А вы еще не сделали выводов из произошедшего? – вопросом ответила девушка. Пусть делает выводы сам, не будет позже обижаться на глупышку, сообразившую все раньше него, такого умного и опытного.

– Ну, лично я не считаю, будто герцог способен дать своим людям приказ напасть на нас открыто, – почти уверенно ответил Геверт.

– Но у него есть множество других способов, – вздохнула Эста. – Например, всем известное пленение маркизы Аргельды. У девушки просто сломалась на пустынной дороге карета, и ее любезно предложили подвезти. А в результате – она замужем за кузеном принца. И те пятеро наших преследователей никуда не исчезли за ночь. На их месте я послала бы господину точный отчет о том, где ночует ваша светлость. А на его месте я бы выслала приказ на все заставы задержать вас под благовидным предлогом и отправила отряд подкрепления.

– А разве это не предположения? – едко хмыкнул граф, хотя уже поверил в правоту монашки.

– Всем известно, герцог Эфройский суров и самолюбив и привык получать все желаемое без помех. А опыт доказывает, что такие люди обычно не утруждают себя плетением сложных интриг, – нехотя произнесла Эста, твердо уверенная: в душе спутники с ней уже согласились и спорят скорее от нежелания путешествовать по разбитой дороге да плохого настроения от недосыпа.

- Но его люди не решатся задержать меня, по крайней мере надолго. - Геверт еще произносил эти слова, а в памяти уже живо всплыли так задевшие его мелочи в поведении принца и его советника на последнем ужине во дворце. - Вот демон! Теперь я понял... вы правы, Эсталис, они еще в тот вечер все знали. И принц поддерживает советника... а эта маленькая продажная интриганка тоже что-то пронюхала, раз весь вечер вешалась на Твигерна.

- Ты мне не рассказал, - нахмурился Змей.

- А тебя не было. И потом ты приехал позже... - Герцог спохватился, сообразив, что начинает упрекать друга, и произнес с раскаянием: - Извини, это я виноват. Но в таком случае нам нужно держать оружие наготове, просто так я их и близко к карете не подпущу.

- Мы успеем доехать до Лошты, - невесело сообщила Эсталис, убедившись, что до нанимателей, наконец, дошла вся серьезность ситуации, - а там купить портал в Адер. А стражники с каретой пусть едут спокойно... как будто мы в карете.

- Но Хара я не оставлю, - сразу заявил его светлость, мгновенно смирившись с такой непредвиденной тратой денег. - Год назад герцог Эфройский упорно хотел купить его у меня.

Значит, ситуация у Олтерна еще хуже, чем мне представлялось, могла бы сказать Эсталис, но совершенно не собиралась этого делать.

В карете постепенно становилось теплее, и Эста позволила себе уснуть в уютном коконе из мягких меховых одеял. И не стала просыпаться, даже когда карета ожидаемо закачалась на ухабах деревенской дороги. Впрочем, как вскоре выяснилось, слух о ее неудобстве был сильно преувеличен дамами, привыкшими ездить по выложенным гладкими плитами королевским трактам. После последней попытки переворота в каменоломнях королевства появилось много мускулистых рук.

Эста не пожелала просыпаться, даже когда граф остановил отряд на короткий привал в какой-то деревушке. После этого привала они с герцогом, стараясь не шуметь, пили прямо из кувшинчика парное молоко и ели душистые сырники, шепотом обмениваясь впечатлениями о деревенских красавицах.

«Проснулась» глупышка только часам к одиннадцати, почувствовав, как остановилась карета и забеспокоился устроивший голову у нее на коленях ирбис. Посмотрела в окно на унылый осенний пейзаж и решительно вылезла на бревенчатый помост перед стоящим у развилки трактиром, в котором обычно останавливались умыться и перекусить везущие продукты в Турис скупщики.

Шагавших к крыльцу спутников девушка догнала почти у двери и тихонько, чтобы не услышали чужие уши, попросила не заказывать много еды.

- А мы уже съели почти все, что было в корзине, - сообщил ей Геверт, - поделились со стражниками. Хотели разбудить вас, но Змей не позволил.

Трудно было не услышать, как друзья шептались, усмехнулась про себя Эста, но сказала совершенно другое.

- Нужно поговорить, - еле слышно ответила она и прошла в трактир.

Довольно неопрятное и запущенное помещение не вызвало у девушки никакой реакции, она словно не заметила ни мусора, ни почерневших засаленных столешниц. Спокойно подошла к трактирщику, тихо задала ему вопрос и, бросив серебряную монету, направилась к двери за его спиной.

Дагорд нахмурился, по контракту за все, необходимое глупышке, платил герцог, и пошел вслед за нею. А войдя в комнатку, сразу понял, почему девушка шла именно сюда. И почему заплатила сама.

Здесь был один из пунктов, какие маги почтовой гильдии по соглашению с властями

открывали в каждом крупном селе или деревне, в больших трактирах и богатых поместьях. А вот похожие на узкие пенальчики цилиндрические контейнеры для писем и капсулы перехода можно было приобрести только в башнях гильдии или, значительно реже, у заранее купивших их хозяев гостиниц.

Неподалеку от башни или большой пирамидки можно было отправить пенальчик с письмом, небольшую посылку или открыть с помощью капсулы переход в заранее определенное место. Крайне редко такие пирамидки покупали для личного пользования и возили с собой самые богатые и знатные люди, хотя по мере удаления от почтовых башен они работали нестабильно.

Посреди чисто выскобленного стола стояла большая магическая пирамидка, и Эста немедленно присела рядом на скамью, достала пенальчик, бумагу и ручку и принялась стремительно писать записку. Змею еще не приходилось видеть девушек, которые бы писали столь быстро, и он удивленно приподнял бровь, все-таки она очень необычна, эта глупышка.

Дописав письмо, девушка вложила его в пенал и куда-то отправила, а потом открыто взглянула на заинтересованного герцога.

- Ваша светлость желает знать, кому я отправила письмо? Туда, откуда уехала пять дней назад.

- И часто вы туда пишете? - Герт прошел к столу и сел на соседний стул.

- Как только соскучусь, - кротко улыбнулась Эста, - или возникнут проблемы, с которыми я не могу справиться сама.

Вот оно что, мгновенно сообразил граф, вспомнив непреклонную уверенность настоятельницы, оказывается, монашки все время остаются под ее опекой. Ну, это существенно меняет дело, хотя пока он не представляет, чем может помочь им с Гертом даже весь монастырь. Если только пришлют в замок с десятком таких вот глупышек. Он представил эту картинку и невольно поежился, нет уж, упаси, Святая Тишина.

- И вы уже соскучились? - удивился герцог, в его понимании монастырь был местом, о котором не только скучать, но и вспоминать не хочется.

- Там остались мои подруги, - больше ничего Эста сказать не успела, над вершиной пирамидки сверкнул светлый лучик, и в руки девушки упал такой же пенальчик.

Она торопливо нажала на крышечку и прочла выпавшую из пенальчика записку.

Контейнер не исчез, и граф особо отметил это обстоятельство. Стало быть, настоятельница ведет оживленную переписку, раз использует постоянные пеналы. Они, конечно, намного дороже одноразовых, но если отправляешь каждый день письма или указания одному и тому же адресату, вполне окупают свою стоимость.

- Моя старшая подруга, - прочтя письмо, подняла глаза на его светлость глупышка, - готова немедленно прислать капсулу перехода на Адерскую почтовую башню, на троих человек и багаж. Но если оставим ваши сундуки, вполне можно взять Хара.

- Сколько мы будем ей должны? - Змей совершенно не верил в бескорыстие наставницы, как и в ее доброту.

- Выслать такую же капсулу, как будет возможность, - так же кротко объяснила глупышка, - ну и небольшую услугу... при случае.

Эста очень надеялась на согласие Геверта, по сведениям матушки, герцог Эфройский был в ярости, узнав о неудаче своих сыщиков. И теперь еще сильнее желал получить не доставшуюся ему глупышку, догадавшись раньше Герта и Змея, кто именно провел его людей.

- Я не против, - немного подумав, объявил Геверт, - раз мы уже решили идти порталом, то не все ли равно, отсюда или из Лошты? Но так мы уже через полчаса будем дома, в Адервилле мне любой с удовольствием даст лошадей и коляску. И наверняка не встретимся с людьми Олтерна.

– Ну, во всяком случае, там вы на своей земле, – туманно сообщила монашка, и Змей не мог не согласиться с верностью этого замечания.

И в который раз пожалел, что когда-то давно, когда почтовая гильдия строила свои порталные башни, предок Геверта наотрез отказался поставить одну из них в замке. Впрочем, утешает одно: в те времена он был не единственным, кто мыслил подобным образом.

– Тогда и я согласен, – буркнул граф, не придумав ни одного веского довода против, и проследил, как глупышка стремительно черкнула на листке всего одно коротенькое слово.

На этот раз они ждали дольше, и пенал, возникший возле пирамидки, оказался другим, более широким и коротким. Эста продемонстрировала спутникам извлеченную из пенала капсулу и попросила дать стражникам указание принести ее сундук, напомнив, что уходить надежнее прямо отсюда.

Змей приоткрыл дверцу и, не выходя из почтовой комнатки, дабы не платить ушлому трактирщику второй раз, знаком позвал сидевшего за столом Итера. Быстро выдал стражнику указания, дал денег на расходы и через минуту принимал от кучера сундук глупышки, а от Итера поводок ирбиса. Погулявший Хар был очень не против пообедать и первым делом, как кот, потершись о ноги спутников, заглянул на стол. Разочарование на его умной морде было так красноречиво, что усмехнулся даже граф, не позволявший зверю никаких вольностей, кроме утренних нападений на не желавшего рано вставать Герта. И потому метко бросавшего с закрытыми глазами в слуг всем, до чего дотягивалась его рука.

– Хар, ко мне. – Геверт взялся одной рукой за ошейник питомца, другой обхватил талию монашки, невольно отметив ее тонкость и гибкость.

С ухмылкой вспоминая недавнюю клятву не подходить к девушке и близко, Змей так же уверенно взял сундук и свободной рукой схватился за пояс глупышки с другой стороны. Эста повесила на локоть свой саквояж и немедленно сломала капсулу переноса, благодаря про себя собственное решение любым способом наладить доверительные отношения с графом. Как выясняется, это единственный способ быстро добиться от него необходимых для пользы дела действий.

Почтовая башня Адервилля, небольшого городка, основанного одним из предков Геверта и названного так в честь стоявшего на утесе над рекой замка Адер, была пристроена к зданию мэрии, но имела свой собственный выход на центральную площадь. Здесь стоял на постаменте гранитный предок его светлости, с мечом в одной руке и шлемом в другой, и находился лучший из трех трактиров, а также несколько магазинчиков, контора ростовщика и внушительная башня городской стражи.

Вот к ней и повел спутников Змей, сразу взявший командование на себя, едва обнаружил, что стоит на площадке знакомой башни и видит вокруг привычный пейзаж. За графом с Харом на поводке, разглядывая город и важно кивая в ответ на поклоны горожан, шествовал Геверт, а за ним, опустив на лицо вуаль, скромно шла монашка, с жарким интересом рассматривая из-под кружева городок и витрины. Последним топал несший сундук монашки служитель почтовой башни, каких маги нанимали для исполнения мелких поручений и уборки площадки и лестниц.

Разумеется, для его светлости у коменданта городской стражи немедленно нашлись и лошади, и коляска, и кучер, и двое сопровождавших. И уже через несколько минут сидящие в открытой коляске Геверт с Эстой и Харом выезжали из ворот, ведущих в тренировочный двор башни. Впереди ехал на крупном жеребце граф, провожаемый заинтересованными взглядами встречных горожанок и служанок, а следом скакали двое стражников.

– Пришли порталом, – тихо пояснил сидящий у окна в почти пустом зале трактира мужчина в неприметной дорожной одежде своему сотрапезнику.

– Вижу, – хмуро отозвался тот, – посылай сообщение. Всего пятеро мужчин.

– Мы пойдем?

- Встретим их на тропе, - оглянувшись в сторону скучающей в конце зала подавальщицы, одними губами шепнул его напарник, - уходим по одному.

И поднялся из-за стола, неторопливо направляясь к двери. Второй продолжал так же спокойно доедать свой омлет.

Проехав по центральной улице почти до конца, коляска свернула на широкую аллею, ведущую за город к скале, на которой стоял замок Адер. Сам дом нельзя было отсюда, снизу, рассмотреть из-за высоких стен, зато в лучах пробившегося сквозь тучи солнца уже можно было различить блеск бронзовых флюгеров на крышах башен.

Обсаженная янтарными соснами аллея не доходила до замковых ворот, от подножия скалы начинался извилистый путь вверх между обломков скал, расщелин и по вырубленным в камне галереям и даже тоннелям.

Некоторое время Эста сидела рядом с герцогом тихо, как мышка, и Геверт посматривал на спутницу слегка разочарованно. Все девушки, попадавшие на эту дорожку, обычно ахали от восторга и пищали от страха, когда с высокого поворота открывался вид на отвесный обрыв, находившийся в нескольких локтях от колес. А эта странная монашка, наоборот, равнодушно молчит и даже как будто глубоко задумалась о чем-то своем.

- Геверт, - внезапно почти вплотную прижавшись к герцогу, очень тихо шепнула та, о ком он думал, - вы можете исполнить мою просьбу?

- Да, - постарался он сказать как можно убедительнее, очень сильно надеясь, что она не попросит ничего предосудительного.

- Ничего не спрашивайте. Просто за следующим поворотом остановите коляску на пару секунд возле большого камня. И сразу езжайте дальше... мне нужно немного прогуляться. И не волнуйтесь, я не исчезну, слово сестры Тишины.

- Хорошо... - пробормотал ошеломленный герцог, пытаясь понять, когда она успела рассмотреть тот камень.

А девушка отодвинулась и принялась быстро рассовывать по карманам какие-то кошельки из своего саквояжа. Потом заперла его на ключик, сунула в самый угол между спинкой и сиденьем, прикрыла покрывалом и положила сверху подушечку.

Затем дернула Герта за рукав, показав глазами на приближающийся камень.

- Останови на секунду, - приказал кучеру его светлость, и тот мгновенно натянул поводья.

- А дальше?

Геверт обернулся к сидевшей рядом девушке и обмер. Место рядом с ним было пусто. Только Хар заинтересованно смотрел в сторону разросшегося возле камня куста.

- Ничего, поехали дальше, - припомнив, что остановить коляску его просили на секунду, ответил герцог, и кучер, с легкой досадой пожав плечами, пустил лошадей, ничуть не удивляясь странным прихотям его светлости.

Их господин еще скромный, только после смерти жены начал служанками да белошвейками интересоваться, и то, говорят, это его дружок старается развлекать. Ну а к тому все девки сами липнут, как к меду намазанному. И раз вернулись господа в замок, значит, уже к вечеру потянутся и кареты с местной знатью поздравлять с приездом.

Глава 11

Некоторое время Геверт сидел неподвижно, пытаясь понять, как расценивать исчезновение монашки. Она ни разу не дала повода заподозрить, будто желает его покинуть, да и в столице ей было гораздо проще это сделать. Как он теперь понимает, если бы в тот день Эста захотела уйти, могла просто попроситься провожать Ритолу. Но она не пошла, наоборот, все время предупреждала их об опасности и преследователях. И к тому же ясно сказала, что не намерена исчезать, и поклялась именем своего монастыря.

Геверт покосился на уголок, где под подушкой, как залог честности глупышки, остался ее невзрачный саквояж, и решил подождать и посмотреть, чем все это закончится.

А пока откинулся на спинку и хлопнул рукой по освободившемуся сиденью, приглашая Хара занять так любимое ирбисом место рядом с собой.

Несколько минут движение крошечного отряда продолжалось с прежней скоростью, и его светлости больше ничего не оставалось, как снова и снова вспоминать слова монашки и успокаивать себя рассуждением, что от того камня до ворот не так и далеко. И даже если девушка решила прогуляться, то придет минут через десять после их прибытия. По этой дороге повозки быстро не ездят, так специально было задумано при постройке замка. При его осаде небольшой гарнизон легко перестреляет половину полка нападающих на отлично просматривающихся изгибах дороги.

Герту невольно припомнилось лето переворота, и герцог помрачнел, это было самое запретное и тяжелое воспоминание в его жизни. И возвращаться к нему его светлость сейчас хотел бы меньше всего.

Отряд проехал сквозь небольшой, всего шагов тридцать в длину, тоннель, последний перед крутым поворотом к воротам, и неожиданно остановился.

Тихо и очень эмоционально выругался граф, выдергивая из ножен клинок, охнул и забормотал молитву кучер, торопливо проскользнули мимо коляски вперед спешившиеся стражники, пригибаясь, чтоб их не было видно из-за лошадей.

И в этот момент позади коляски, там, где остался вход в тоннель, раздался нарочито грубый голос:

– Все сидите спокойно, вы нам не нужны. Только невесту свою заберу, и можете ехать! Сбежала, шалава, опозорила на всю деревню. Ну, иди сюда, моя кошечка!

С той стороны, где раньше сидела Эста, над дверцей коляски возникло бородатое мужское лицо в темной широкополой шляпе и полумаске.

Геверт приготовился ударить негодяя зажатым в руке кинжалом, как только эта рожа распахнет дверцу, но у него за спиной ледяной голос очень вежливо предупредил, что оружие лучше бросить на пол. Герцог скосил глаза и убедился в правоте незнакомца, красноречиво подтвержденной взведенным арбалетом. А его безжалостные глаза, зло прищурившиеся в прорезях маски, подтверждали: шутить или отказываться от своих слов незнакомец абсолютно не намерен.

Дверка с той стороны, где сидел заинтересованно рассматривавший бородатого наглеца Хар, резко распахнулась, и бандит, недоверчиво осмотрев внутренность коляски и не найдя никакой «невесты», просунул внутрь и пошарил рукой под ногами герцога.

Геверт даже зубы сцепил, стараясь удержаться и не вонзить в него кинжал, который он так и не выпустил из руки, несмотря на угрозу. И только мысль о направленных в его шею сразу трех болтах многозарядного арбалета да проснувшееся в душе ехидное веселье при виде растерянности в глазах налетчика помогли ему не сделать глупости.

И в этот момент Хар, которому бандит тоже не понравился, раскрыл пасть и по-змеиному зашипел. Бородача, словно метлой, вымело из коляски, а его подельник злобно скривился и выплюнул:

– Где она?

- Кто? - Герт начал находить в ситуации некоторое удовольствие.

- Девка, которая вышла с вами из портала.

- Пошла искать комнату, - насмешливо сообщил Змей, не поверивший сначала своим глазам, но очень быстро сообразивший, что нападавшие уйдут с пустыми руками. - Девушке не нравятся замки.

- Молись, если соврал, - зло процедил арбалетчик и вдруг исчез. Исчез и бородач, а через полминуты у входа в тоннель раздался грохот и послышался звук сыплющихся камней.

- Мерзавцы, - с чувством выдал Дагорд, - придется разбирать, иначе стража не сможет вернуться.

После этого он осторожно проехал вперед, осмотрел все и сделал знак кучеру.

- Можно ехать, все ушли. Тут стояли еще три арбалетчика, наверняка у всех порталы.

Он посмотрел на коляску, хотел что-то спросить, но только крепче сжал губы. С тех пор как они выкупили контракт с этой монашкой, забот и проблем стало ничуть не меньше, скорее наоборот.

Тяжелая решетка ворот начала подниматься с легким скрипом, еще когда скакавший впереди всех Змей был за полсотни шагов от нее. Следивший за дорогой охранник замка в это время торопливо дергал шнуры звонков и засовывал под скамейку корзину с остатками еды, благодаря всех святых, сподобивших глянуть в оконце как раз в тот момент, когда из-за поворота появился легко узнаваемый всадник.

Отряд влетел во двор замка так, словно за ним гнались, и высыпавшие на крыльцо слуги и спешно проверившие, все ли у них в порядке, дежурившие на стенах стражники сразу поняли, что спокойная жизнь закончилась.

И уже через пять минут толпа слуг и стражников бежала рысцой к тоннелю с кирками и тачками, а Змей торопливо писал письма главе стражи Адервилля с указаниями и приметами бандитов, пытавшихся ограбить герцога. Сам же Герт, поднявшись на башню, с беспокойством разглядывал дорогу перед воротами и ее нижние повороты, пытаясь понять, с какой стороны ждать непредсказуемую глупышку.

И следует ли уже ждать вообще. Надежду вселял только сундук и никуда не девшийся саквояж, которые слугам велели отнести в голубую спальню, кратко сообщив, что это вещи чтицы и разбирать их пока не нужно.

Эста ловко выскользнула из коляски, нырнула в куст и дождалась, пока отряд уедет. А затем зашла за камень и начала раздеваться. Сняла дорожную юбку, под которой оказались мужские штаны самого простого сукна. Юбку девушка ловко вывернула так, что пришитый снизу огромный карман из грубого полотна стал потертым дорожным мешком, затем аккуратно и быстро сложила туда шляпку, накладные локоны и верхнюю часть плаща, отстегнув сначала от него теплую короткую подкладку. Через несколько мгновений вывернутая подкладка превратилась в простую мужскую дорожную куртку, а подкладка шляпки стала неказистой шапкой, очень хорошо скрывшей подобранные на затылок недлинные волосы.

Выпустив на глаза неровные пряди челки, Эста взяла в руки свой кошель с пудрами и румянами, умело запудрила губы, ресницы и брови, нанесла кисточкой россыпь ярких веснушек на нос и щеки, подрисовала рыжеватым короткие смешные волосики там, где должны быть брови, и, забросив мешок за плечи, снова выбралась на дорогу.

Конечно, в другом месте и при других обстоятельствах девушка никогда не стала бы с первого же дня показывать свое искусство перевоплощения, просто обошла бы дом и постучала в заднюю калитку. И не стали бы ей помехой ни обломки скал, ни кусты.

Но Адер преднамеренно строился так, чтобы обойти его было невозможно даже самому ловкому скалолазу. И если вернуться в город, нанять лодку и попытаться подобраться по

реке, то наткнешься лишь на высокую отвесную скалу, в глубине которой пробита шахта для качающего воду ручного насоса.

Хотя есть и еще способ... но его нужно забыть. До того момента, пока не наступит крайний случай. Вот только лучше бы он никогда не наступал.

К каменному завалу, наполовину преградившему вход в последний тоннель, девушка кралась по обочине дороги, прячась за уступами, камнями и кустами, издали расслышав голоса и стук кирок и камней.

Некоторое время глупышка наблюдала за тем, с каким старанием работают слуги, одетые в коричневые с зеленой отделкой ливреи, и выжидала, точно зная: обозленные неудачей люди герцога Эфройского в страхе перед наказанием за проваленное дело могут и вернуться. Успокаивало ее одно замечательное свойство магических порталов: если уйти с помощью капсулы можно было почти отовсюду, исключая самые дикие и отдаленные местности, то выход всегда был только на площадку порталных башен. Маги почтовой гильдии не желали обременять себя созданием более сложных способов.

И лишь когда камней в проходе осталось чуть выше чем по колено, конопатый парнишка, следивший из-за кустов за расчисткой тоннеля, быстро снял с плеч дорожный мешок и через минуту превратился в скромно одетую девушку.

– Ой! – выйдя на середину дороги и направившись к работающим, преувеличенно испуганным голосом пролепетала Эста. – А что тут случилось? Надеюсь, его светлость не пострадал?

– А ты кто такая?! – направил на монашку меч бдительный стражник.

– Я чтица, – скромно сообщила монашка, – подайте, пожалуйста руку, а то я тут не перелезу.

Слуги начали ухмыляться: как они и предполагали, стоило господину с графом вернуться в замок, как девушки сами побежали, даже не дали герцогу умыться с дороги.

Но все их улыбки смело с лиц, едва в глубине тоннеля раздался строгий окрик Змея:

– Помогите чтице его светлости перейти через завал.

Ну, надо же, как это теперь называется, ехидно переглянулись двое слуг, подхватывая первую, но как они были твердо уверены, далеко не последнюю сегодняшнюю гостью.

Мрачными взглядами девушку встретили лишь городские стражники и кучер, отлично запомнившие и разговор в тоннеле, и очень серьезное оружие арбалетчиков, под которым они стояли полчаса назад.

– Разрешите проводить вас в замок? – встретил Дагорд подошедшую монашку таким учтивым вопросом, что она невольно насторожилась, однако даже ни на миг не показала своего сомнения.

– Благодарю, граф, вы так любезны! – кладя ручку на мужественно согнутый локоть, пролепетала Эста. – А разве вам не нужно присмотреть тут за работами? Это ведь обвал был?

– Тут и без меня обойдутся, – хладнокровно объявил Змей, галантно убавляя шаг, чтобы девушке было легче идти рядом с ним.

Пока граф писал письма и стоял возле тоннеля, следя за работой слуг и мрачно размышляя, где теперь искать глупышку, ему пришла в голову соблазнительная и далеко не новая мысль. Определенно, не стоит считать единственно верными решения, принятые под действием оскорбленного самолюбия или обиды, и свято соблюдать данные себе клятвы.

Ну, вот с чего он решил, будто для дела будет лучше, если он станет держаться от монашки на расстоянии? Ведь чем больше он ее узнаёт, тем сильнее начинает подозревать, что сюрпризов, имеющих в запасе у этой глупышки, бесчисленное количество.

Вот недавно Змей уже почти распрощался и с нею, и с выложенным за нее золотом, и даже с собственной жизнью. Трудно оставаться оптимистом, когда на тебя направлено сразу три многозарядных арбалета. И чтобы в будущем точно знать, в какой момент лучше приготовить оружие заранее, есть только один выход – быть все время как можно ближе к этой хитрой мышке.

И способов для этого у него более чем достаточно, хотя незачем ломать голову и изобретать нечто особо сложное. Самый надежный, давно проверенный неназойливый флирт даст возможность весь день находиться рядом с глупышкой. Пусть решит, что он влюбился, но после того случая в Турисе не решается перейти к активным действиям. Обычно с такими невзрачными девицами, как Эсталис, этот метод срабатывает уже через три дня. Если не раньше.

Эста шла рядом с графом, с любопытством озираясь, хотя ее ни капли не интересовали ни двойные ворота, ни подъемный мост через специально прорытый ров, ни стены высотой в тридцать локтей. Ее волновало случившееся с нанимателями в тот момент, когда она пряталась в скалах. И едва они отошли от тоннеля на достаточное расстояние, монашка открыто задала графу этот вопрос.

Несколько шагов Змей шел молча, раздумывая, стоит ли рассказывать все, но вспомнил, что не успел договориться о молчании с Гертом, и решил рассказать. К тому же хотелось посмотреть, как она к этому отнесется, и тоже задать вопрос или даже не один.

– Едва я выехал из тоннеля, как обнаружил ожидавших нас троих арбалетчиков, – сухо вато сообщил граф, вспоминать свои ощущения было не очень-то приятно, – затем появились еще двое, с другой стороны. Мы оказались зажаты в тоннеле. Они пообещали никого не трогать, если им отдадут сбежавшую невесту. Все были в полумасках и шляпах, а жених еще и с бородой. Ну вот и все. Не обнаружив никакой невесты, бандиты дружно исчезли.

– Порталом? – заинтересованно спросила глупышка.

– Да.

– Ну, тогда они не бандиты, – пробормотала она словно про себя. – И вряд ли удастся их найти.

Змей и сам это прекрасно знал. Но уж слишком унижительно, когда тебя пытаются ограбить почти на пороге дома, и ты не можешь ничего сделать. И тем более это возмущает, когда твой господин является хозяином окрестных земель и защитником их жителей. И поэтому он, Змей, поставит на уши всю стражу, заставит расспросить всех торговцев, трактирщиков, подавальщиц и служащих почты и не позже чем через три дня будет знать, как выглядели эти люди без масок. И даже будет иметь их портреты, старый художник, живущий из милости в замке графини Клорер, отлично умеет рисовать их по приметам и объяснениям.

– А когда вы заподозрили, что нас могут встретить? – не желая рассказывать монашке ничего из этих своих планов, перевел Дагорд разговор на вещи, интересовавшие его самого.

– Я не заподозрила, – тихо пояснила девушка, думая о своем, – я сделала так на всякий случай. Ведь вы же проверяете траву на полянке, прежде чем устроить привал, нет ли там осинового гнезда или муравьиной кучи.

Теперь Эста была абсолютно уверена: у советника принца случилось нечто очень серьезное, и ей не терпелось оказаться в своей комнате, чтобы написать о своих догадках настоятельнице. Слишком уж нехорошая картина вырисовывалась. Разумеется, матушка и сама наверняка уже сделала подобные выводы, однако глупышка точно знала, лишним для настоятельницы не будет ни одно сообщение и ни одно слово.

– Эсталис! – Герцог с облегчением рассматривал свою потерю, радуясь не столько ее появлению, сколько твердости честного слова монашки.

После подавления мятежа лицемерие и лживость расцвели буйным цветом, хотя ни принц, ни его советник не приветствовали в подданных этих качеств. Однако изменить

общество оказалось не так-то просто, люди предпочитали солгать, чем лишиться всего, как те, кто выступил четырнадцать лет назад против правления короля Георгиуса.

– Мне жаль, – искренне сказала девушка, заглянув в его встревоженные голубые глаза, – из-за меня вам пришлось пережить несколько неприятных минут.

– Не все они были неприятными, – весело усмехнулся его светлость, подхватывая монашку под руку и направляясь к крыльцу, – меня очень повеселил Хар, оскалившийся на одного из бандитов.

– Вот как? – Эста отпустила руку графа, и Змею поневоле пришлось идти за ними. – Значит, он заслужил сегодня дополнительный кусочек мяса. А где он содержится в этом замке?

– Ходит, где хочет, – пожал плечами Герт, – вот сейчас убежал на кухню. Тирлон, спальня для госпожи Эсталис готова?

– Конечно, ваша светлость, – немолодой мужчина в коричневой ливрее склонился перед девушкой в вежливом поклоне, – показать?

– Да, и поторопите Бенлиша с обедом. Эсталис, мы ждем вас в столовой.

– Хорошо, ваша светлость, – скромно потупилась глупышка и направилась за чересчур сообразительными слугами, совершенно неправильно понявшими приветливое обращение господина с незнакомкой.

Очень плохо. Придется ей потрудиться, чтобы изменить это мнение, с любовницами господ опытные слуги не откровенничают и в очень редких случаях им сочувствуют. А глупышке не обойтись без их доверия и подсказок.

Глава 12

Комната, предназначенная Эсте, оказалась в правом крыле внушительного дома, и девушка тайком этому порадовалась, но по ее лицу никто бы ничего не заподозрил. Со стороны чинно шедшая за дворецким чтица выглядела очень скромной и даже скованной.

– Спасибо, – кротко поблагодарила Эста дворецкого, распахнувшего перед ней дверь в спальню, и с преувеличенным вниманием выслушала его пояснения о здешних правилах и порядках.

Что купальни для прислуги и гостей в конце коридора, горячая вода там только с обеда и до вечера, пока топят очаг, обогревающий эту часть дома. Что в левую часть дома никто не ходит, и потому в коридорах поставлены перегородки и двери, а вся прислуга живет на четвертом этаже. Но госпоже чтице достаточно дернуть шнур, и придет горничная.

– Я все сразу не запомню, – обезоруживающе стеснительно улыбнулась в ответ на пожелание устроиться поудобнее чтица, – скажите мне только, где столовая? А позже, если вы не против, я к вам подойду и все запишу, я первый раз устроилась на такую работу.

Объяснив девушке, что столовая, где обедает его светлость, расположена на этом же этаже, вторая дверь от лестницы, а покои герцога почти напротив, и рядом комнаты графа, дворецкий понаблюдал за смятением, озарившим ее личико румянцем, и постановил, что несколько поторопился с выводами. Но на всякий случай решил понаблюдать еще, учтиво распрощался с новенькой обитательницей замка и отправился по своим делам.

Заперев за ним дверь, Эста заторопилась. Проверила свой саквояж, достала из сундука самое старомодное и скромное платье и села писать письма.

– Геверт, – осторожно поинтересовался Змей, переодевшись и зайдя за другом, – я не успел спросить, ты уже рассказал Эсталис про проблемы, из-за которых мы ее наняли?

– Да, – оправляя перед зеркалом серый домашний бархатный колет, отозвался тот и обернулся, – но она же имеет право знать? Хотя я рассказал в общих чертах, решил, что подробнее ты объяснишь сам.

– Ты все правильно сделал, – одобрил Дагорд, размышляя вовсе не о глупышке, а о друге.

Герцог моложе его на пять лет, и когда Змей сюда приехал, Герту было всего шестнадцать. В то время он безоговорочно позволил более опытному и сильному, а главное, более решительному графу взять власть в доме и лидерство в дружбе. И хотя герцог сильно изменился с тех пор и не раз доказывал твердость характера и клинка, но до сих пор иногда, в самых каверзных ситуациях, оставлял последнее слово за Дагордом. И хотя графу несомненно приятно такое признание своих способностей и оценка собственной преданности, порой он был бы не против, чтоб возмужавший Геверт взял эти проблемы на свои плечи.

Эста гуляла по широкому коридору возле столовой, рассматривая украшавшие стены панно, и Змей невольно досадливо поморщился. Да все слуги просто обхохочутся, когда он станет проявлять интерес к девушке в таком платье. Ну, неужели настоятельница, гребущая такие деньги в уплату за контракты, не могла купить глупышке нечто более свеженькое? Наверняка просто выдала то, что лет двадцать пролежало в сундуках.

– Эсталис, разрешите предложить вам руку, – учтиво предложил Герт и изумленно застыл, обнаружив, что девушка несчастно моргает и кривится так, словно вот-вот заплачет. – Что с вами?

– Ваша светлость, – монашка присела в полупоклоне и расстроено залепетала: – мне неловко вам напоминать, но я ваша чтица и вам не положено предлагать мне руку.

– Да?! – скривился Геверт. – Но тут нет никого, кто бы осмелился мне это запретить.

Поэтому давайте вашу руку и идем обедать, пока я не начал рычать.

Несчастно потупив глаза и закусив губку, чтица положила руку на сгиб локтя его светлости и позволила ему отвести себя к столу.

Слуги, суетившиеся в столовой и искоса наблюдавшие эту сцену, тайком переглянулись, похоже, бедная провинциалка здорово влипла с этой непыльной работой. А заметив, как нахмурился Змей, начали ее почти жалеть, хотя и не могли понять, что мог найти неприступный сердцеед в этой простушке.

- Нам нужно поговорить, - перейдя к десерту и отпустив слуг, сообщил глупышке Змей, - о вашей работе.

- Его светлость мне все рассказал, - испытующе взглянув на Геверта, очень тихо ответила девушка.

- Но он рассказал в общих словах и не объяснил некоторых деталей, - стоял на своем Дагорд.

- Не здесь, - так же тихо предупредила она, и граф усмехнулся про себя, именно это устраивало его больше всего.

- Я вас приглашаю после обеда на прогулку по саду и стенам. Оттуда прекрасные виды.

- Спасибо, - вежливо приняла приглашение Эста, ей и самой хотелось задать Змею несколько вопросов.

- А потом вы мне почтаете, - заявил герцог, сообразив, что прогулка планируется без него. - Я пока выберу в библиотеке книгу.

На прогулку монашка нарядилась в тот самый серый плащ, что был так памятен графу. Он сам его скручивал вместе с ее шляпкой и обувью в тугой сверток и обертывал куском полотна, приторочивая к седлу. И потом каждый раз, останавливаясь перекусить, сам переносил на нового коня. И отлично рассмотрел, что, несмотря на потертость серого сукна, плащ довольно теплый благодаря вязаной шерстяной подкладке.

Однако Змей уже слишком хорошо изучил привычки и интересы девиц и женщин всех сословий и знал, какое значение имеют для прелестниц наряды. Особенно когда они собираются отправиться на прогулку с интересующим их мужчиной. И давно убедился: чем сильнее он нравится девушкам, тем больше они готовы жертвовать собственным удобством и даже здоровьем ради возможности выглядеть привлекательно. По их мнению.

И теперь граф тщательно прятал досаду, судя по одежде идущей рядом с ним девушки, она вовсе не намеревалась произвести на него выгодное впечатление. Правда, Змей тут же предположил, что у монашки просто нет ничего лучшего. И потому не удержался и осторожно осведомился, не желает ли Эсталис съездить в ближайшие дни в Адервилль, присмотреть себе несколько новых нарядов.

- Нет, - твердо ответила глупышка, дойдя до пустынного уголка замкового сада и решительно усевшись на скамью, - не желаю. Извините за прямоту, Змей, но вы меня наняли не для ходьбы по лавкам.

- Но от того, что вы затратите несколько часов на прогулку по городу, вряд ли пострадает ваша работа?!

- Давайте поговорим сначала о деле. Его светлость сообщил мне, что два года назад вас начали преследовать неудачи и даже несчастные случаи. Причем, как я поняла, нападали чаще на вас, а семейные ценности пропадали у его светлости. И еще были странные исчезновения слуг, особенно взволновала герцога пропажа в начале этого лета молодой горничной. В городе к герцогу начали относиться с опаской, а принц намекнул, что Геверту неплохо бы вплотную заняться наведением порядка в своих владениях. Я все верно перечислила?

- Верно, - помрачнел Змей.

Когда все их беды вот так резко собирали в один печальный букет, он начинал злиться и на неведомого врага, и на самого себя за то, что не сумел ни предотвратить этих случаев, ни найти виновных. Или хотя бы разгадать, кто и почему объявил эту тайную войну и, самое важное, где и под какой личиной скрывается неведомый враг.

После того как они с Гертом убедились, что самостоятельно им ничего выяснить не удастся, между друзьями возник спор, кого нанять, чтобы наверняка найти ответы на все эти вопросы. Сам Змей настаивал на хорошем сыщике с ловкими подручными, полагая, что сможет им кое в чем помочь, а Геверт, наслушавшись во дворцах знати таинственных слухов и невероятных баек, упорно желал нанять сестру Тишины.

И лишь когда Змей в приемной монастыря подписал все документы, необходимые для заключения контракта, секретарь настоятельницы важно сообщила, что ремесло девушки, которая будет исполнять эту работу, называется «глупышка». Ожидая появления Эсталис, Змей едко хихикал про себя над полным несоответствием прозвища монашки и теми заданиями, ради которых ее и нанимали.

- Тогда сначала расскажите мне кратко про брак его светлости и о ближайших родственниках его покойной супруги.

- Но какое... - изумился Змей, посмотрел в ее серьезные глаза и сдался: ну, раз ее это волнует прежде всего, он готов рассказать.

Все равно замковые слуги в курсе, и она сможет выпытать все у них. Хотя и не сразу, но удержать в тайне все равно не получится. Да и по большому счету нет никакой особой тайны, есть просто стремление не напоминать Герту о потере.

- Как вы знаете, во время переворота Герт потерял всех родных, - сухо начал рассказ граф, и в его тоне прозвучало предупреждение не задавать лишних вопросов, - и поскольку ему было в тот год всего тринадцать, принц назначил герцогу опекуна. Боевого офицера из числа преданных королю людей. У полковника Терстона не было титула и большого состояния, но он был из хорошего старинного рода и имел особые заслуги перед королем. Сюда он приехал с дочерью, в тот момент ей было двадцать четыре года. А через три года она стала герцогиней Адерской. Через некоторое время после свадьбы ее отец отбыл ко двору, а меня пригласили сюда адъютантом его светлости.

- Это мне известно, - мягко сообщила Эста, - расскажите об их семейной жизни. Только не подробности и не какие-либо личные тайны. Меня интересует, были ли у ее светлости конкурентки или недоброжелатели, в каких отношениях Ниресса была со слугами и городской знатью и чем интересовалась.

- Вот как... - задумчиво прищурился граф. - Я отвечу, хотя хочу сказать, в этой стороне искать разгадку наших проблем бесполезно. Ее светлость была тихой и скромной, и, несмотря на разницу в возрасте, жили они с Гертом в согласии. Слуги ее обожали, в дела герцога, как и в дела своего отца, она никогда не вмешивалась, так была воспитана. Никаких особых конкуренток до свадьбы у нее тоже не было, слишком Геверт был в ту пору молод, да и, как я потом выяснил, Терстон специально держал всех знатных невест города на расстоянии от него. Думаю, теперь можно с уверенностью сказать, что именно в надежде на этот брак он и принял опекунство четырнадцать лет назад. И этот союз можно было назвать удачным, но, к сожалению, наступил момент, когда они решили завести наследника. Герт мог бы и подождать, но время герцогини уходило.

Змей нахмурился и смолк, слишком тяжело досталась герцогу и ему самому потеря Нирессы.

Эста тоже молчала, давая ему время взять себя в руки. Матушка пристально следила за светскими событиями и сплетнями, и трагедия в семье герцога Адерского не прошла мимо ее внимания. Поэтому девушка тоже знала, что попытка завести ребенка закончилась для тридцатичетырехлетней герцогини гибелью. И хуже всего, что ни местные лекари, ни приглашенный придворный целитель не смогли спасти хотя бы ребенка. Слишком рано ему было рождаться на свет.

– Кто из слуг и стражи уволился или пришел в замок в последние пять-шесть лет? – задала свой главный вопрос Эста, выждав несколько минут.

– Я напишу список. – Голос графа снова стал суше. – У меня в книгах все отмечено.

– Спасибо, – поблагодарила девушка и уставилась на Змея так испытующе, словно хотела доверить ему страшную тайну, – а теперь насчет моей работы.

– Слушаю, – теперь уже граф смотрел заинтересованно, наконец-то он узнает, как она собирается искать преступников.

– Как вы понимаете, всего я вам объяснить не могу, да вам это и не нужно. Но, поскольку вам полностью доверяет мой наниматель и сами вы пострадали от неизвестного злоумышленника, я считаю, что вправе надеяться на вашу помощь. И заключаться она будет в необременительном для вас занятии – ради соблюдения секретности вы должны некоторое время изображать, что волочитесь за мною. Особую страсть проявлять не нужно, просто легкий интерес. Но соглашусь я на вашу помощь лишь при обязательном исполнении моих условий. Во-первых, вы не задаете вопросов, а просто принимаете мои действия как должное. Во-вторых, стараетесь, чтоб этот флирт заметили все. В-третьих, не принимаете этой игры всерьез и не переходите известных границ. И в-четвертых, стараетесь далеко не отходить от меня и герцога. Его светлость держаться поблизости я попрошу сама. Согласны?

С минуту Змей молчал, пытаясь побороть душивший его нервный смех. Вот, оказывается, какую роль она ему приготовила, пока он сам строил планы, как держаться неподалеку от хитроумной глупышки. Ну что же, раз их планы совпадают, значит, нужно соглашаться, давненько он не заключал с девушками сделок. Да если честно, подобных и вовсе никогда. Но в таком случае и у графа есть свои условия.

– Я согласен, но вам придется обновить гардероб. Ну не могу же я ухаживать за девушкой в таком плаще?!

– Увы, – твердо отрезала Эста, – это невозможно. Я не надену ни одного платья или плаща, кроме тех, что привезла в своем сундуке. Вам придется с этим смириться, Змей. Ну, сделайте вид, что вас привлекла именно моя необычность. И идемте во дворец, я не хочу надолго оставлять его светлость без присмотра. Хотя... сидите, он сам идет сюда.

– Как вы это узнали? – внимательно оглядев полуоблетевшие желтые кусты, подозрительно спросил граф, не столько огорченный ее отказом менять одежду, сколько заинтересованный непреклонностью глупышки. А еще выставленными ею условиями. Любопытно, и сколько времени она продержится, если он начнет ухаживать так, как требуется по ее условиям?

– А вот как, – легкомысленно засмеялась девушка, обнимая прыгнувшего к ней из-за куста Хара. – Ах ты, красавец! Решил на нас поохотиться? Ну, посмотри, что я для тебя припасла.

И, спокойно вынув из вместительного кармана своего старомодного плаща льняную салфетку, глупышка достала из нее пару котлеток, точно таких, Змей был абсолютно уверен, какие лежали на ее тарелке за обедом.

Глава 13

– Мы с Харом тоже решили погулять, – весело объявил Геверт, подходя ближе, – а вы уже что-то придумали? Как будем действовать?

– Вы – никак, – твердо объявила монашка, – стараетесь жить как обычно, никого ни о чем не расспрашивать и за мной не следить. Единственное, что от вас требуется, – это вести себя как можно непринужденнее, но быть осторожным. Особо следует избегать прогулок за пределы замковых стен, ночных свиданий на стенах и башнях и изучения любых странностей в одиночку. Граф Дагорд любезно согласился с сегодняшнего дня изображать, что ухаживает за мной. А вы в свободное время будете слушать исторические романы.

– Но как же тогда... – разочарованно выдохнул Геверт.

– Пока не знаю, – честно ответила Эста и поднялась, – а предположений я никогда не делаю. Вы не против, если я пойду отдыхать?

Ей нужно было срочно проверить, пришло ли письмо от настоятельницы. Послания появлялись в тех случаях, когда этого требовала секретность, в особой шкатулке, открыть которую невозможно было, не зная ее тайны.

Геверт проводил глупышку задумчивым взглядом и сел рядом с другом.

– Ну и что она тебе сказала?

– Ничего, попросила написать список слуг.

Его светлость тихо фыркнул. Слуг и стражников они проверяли в первую очередь и так тщательно, как будто собирались доверить одному из них герцогскую казну. Но ничего подозрительного ни на одного не нашли. Все были порядочные люди, все с рекомендациями или знакомы с отрочества.

– А что за странное соглашение насчет флирта?

– Думаю, тут она права... – с некоторой долей сомнения протянул Змей, и сам не желавший надолго оставлять друга без надзора. – Она будет читать, я изображать волокиту... надеюсь, это надолго не затянется.

– А мы назначим срок... – подумав, решительно объявил герцог, – например, месяц. Ну, или два, на крайний случай. А потом будем делать выводы. На самом деле я тоже не могу понять, что может найти не обладающая магическим даром монашка там, где ничего не отыскивали мы с тобой. А где Хар? Хар!

Ирбис вылез из кустов, таща в зубах что-то непонятное и невероятно грязное, и друзья в один голос приказали ему бросить эту гадость. Хар расстался со своей добычей очень неохотно, Змею даже пришлось подняться со скамьи и шагнуть ближе. Только тогда ирбис бросил находку, и граф уже совсем собрался запнуть ее в кусты, но заметил что-то подозрительно знакомое. Сломил с куста веточку, присел и принялся ковырять ею находку Хара, мрачней на глазах.

– Что это? – не выдержал Геверт и тоже шагнул ближе.

– Чепчик горничной, – глухо выдохнул Змей, – что с ним сделаем?

– Нужно показать Эсталис, – сразу предложил его светлость.

– Зачем? Что она в нем найдет?

– Ну, может, она ничего и не найдет, а вот мы посмотрим, что наша чтица будет делать. – В глазах герцога горел азарт исследователя.

– Тогда я схожу, – с сомнением посмотрев на господина, принял решение Дагорд, – а ты не подпускай никого близко. Мне весной хватило шепотков прислуги по углам.

Эста оказалась права, письмо и в самом деле выпало из шкатулки, едва она особым образом нажала несколько украшавших ее виньеток. Делать это нужно было предельно внимательно и осторожно, при малейшей ошибке срабатывало слабенское огненное заклинание, и от письма оставались только пустой пенал и пепел.

В письме оказались очень важные новости и предложения матушки, хотя Эста не могла бы сказать, что не предполагала заранее подобного варианта. Весь последний год обучения состоял из постоянных тренировок, и зачастую они проходили в кабинете наставницы. Нужно было одновременно с ней найти выход из ситуаций, в которые попадали работающие по контрактам сестры, и правильным считался ответ, когда вариант ученицы больше чем на две трети совпадал с ответом матушки.

Стук в дверь, как обычно, не явился для глупышки неожиданностью, и она немедленно ответила:

– Войдите! – а про себя добавила: Змей. Но едва увидела его лицо, поднялась с места. – Что произошло?

– Хар нашел... – Граф запнулся. – Герт считает, вам нужно это посмотреть.

И смолк, обнаружив, что она уже сунула ноги в ботинки, накинула плащ и рассовывает по карманам совершенно непонятные, но явно не женские штучки.

– Змей! – Возмущенный шепот монашки остановил графа, когда он, торопясь к Геверту, стремительно выскочил из комнаты.

– Что такое?

– Вы кого и куда ведете?! – дернув его обратно в комнату и захлопнув дверь, сердито уставилась на Дагорда глупышка. – Вы пришли позвать меня полюбоваться на облака или на труп?

– Какой труп? – ошеломился Дагорд. – Откуда?

– Не знаю, это у вас был вид, словно вы нашли труп, – спокойно пожала плечами монашка, – но это не имеет значения. Если вы хотите, чтобы так не подумал весь замок, сделайте слащавое лицо и хитрые глаза.

– Пресвятая Тишина! – Граф начал всерьез подозревать, что они разговаривают на разных языках. – А это зачем?

– Именно такие лица бывают у мужчин, когда они волочатся за девушками.

– У меня не такое, – возмутился Змей и постарался улыбнуться девушке самой очаровательной улыбкой.

Эста молча вынула из кармана зеркальце и сунула ему под нос.

– А как еще это назвать? Но все равно теперь правильно. И не бегите, бегом девушек на прогулку не ведут.

Змей стиснул зубы, подхватил монашку под руку и решительно вывел в коридор. В этот миг он начал подозревать, что недавно совершил очень большую глупость, согласившись с нею флиртовать.

– Но я даже не знаю... – робко пролепетала Эсталис, едва они сделали несколько шагов, – вы, конечно, правы, господин граф, природой лучше наслаждаться, пока такая ясная погода. В дождь не захочется ходить по стенам... но я все равно боюсь высоты. А там лестницы с перилами?

Мимо прошел лакей со стопкой чистого белья в руках.

– Я никогда не ходила по лестницам без перил. Но если вы будете держать меня за руку...

- Буду, разумеется! – сообразив, что она лепечет все это неспроста, ласково улыбнулся Змей и сразу спрятал улыбку, вспомнив свое отражение.

Демон! Вот как она умудрилась так точно назвать? Действительно, глаза были какие-то хитрые... сам он такому типу никогда бы не поверил.

- А мы однажды гуляли на холме, – кротко улыбаясь, доверчиво рассказывала Эста, пока они шли через проходной зал к заднему крыльцу, выходящему в сад, – и видели такие облака... как кораблики, представляете?

- Угу, – хмуро буркнул граф и опешил, услышав еле слышный сердитый шепот:

- Возьмите себя в руки! Это не я за вами ухаживать должна, а вы за мной! – И тут же голосок монашки снова стал легкомысленным и кокетливым: – Мы с Розы поспорили, кто больше кораблей насчитает... а вы были на море? Что, на самом настоящем? А я не была. Говорят, там страшно, столько воды... кажется, сейчас все утонет...

- Наконец-то! – встретил их облегченным возгласом герцог, возле ног которого покорно сидел Хар. – Уже приходил дворецкий, сказать, что пришло шесть писем. Горожане поздравляют с возвращением.

- Где оно? – Доставая простые перчатки и ловко натягивая их на руки, тихо и деловито спросила Эсталис, пропуская мимо ушей сообщение о письмах.

Можно было не сомневаться, что они далеко не последние, а к вечеру еще и гости появятся.

- Вон, под кустом, – переглянувшись с графом, сообщил Герт.

Монашка шагнула туда, присела возле грязной тряпицы, в которую превратился некогда кокетливый шелковый чепчик темно-зеленого цвета, украшенный атласными ленточками, достала откуда-то длинный пинцет и лупу, внимательно осмотрела находку со всех сторон и упаковала в кусок полотна.

- Откуда Хар это принес?

- С той стороны, – указал граф.

- Хар, – позвала девушка, и заскучавший ирбис радостно подскочил к ней, – идем погуляем.

И полезла в кусты вслед за питомцем герцога. Друзья переглянулись и полезли следом.

Некоторое время глупышка словно бесцельно бродила по усыпанным опавшей листвой полянкам, все дальше уходя в самый глухой угол сада, образованный крутым утесом и примыкающей к нему высокой стеной.

И, наконец, остановилась почти у стены, там, где кусты росли гуще всего, так, что пробраться под ними мог только Хар, сразу же нырнувший в эту щель.

Впрочем, граф тут же понял, что ошибся, когда считал, что протиснуться туда способен только ирбис. Глупышка, ни минуты не сомневаясь, тоже встала на коленки и залезла в эту нору. Герцог помрачнел и стиснул зубы, но Эста выбралась очень быстро, покачала головой, отрицая их мрачные предположения, огляделась и вдруг спросила:

- Какая была в тот день погода?

- Ночью была гроза.

- Откуда пришла?

Мужчины на несколько минут задумались, потом оба уверенно показали в сторону реки, – оттуда.

- Пойдемте на стену. – Монашка уверенно направилась к ближайшей лестнице и

неторопливо зашагала по ней наверх, что-то рассматривая под ногами.

Наверху гулял ветерок, впрочем, он гулял тут всегда. Девушка прошла по огороженной высокими зубцами стене до того места, где внизу Хар выкопал проклятый чепчик, постояла, оглядываясь по сторонам, и вдруг зашагала к башне.

Впрочем, Змей и сам уже понял, что идти нужно туда, именно башня стояла на прямой линии между рекой и запущенным уголком сада, где так любил гулять Хар.

На башню она также поднялась впереди всех, впрочем, со стороны можно было подумать, что глупенькая чтица торопится рассмотреть восхитившие ее виды.

– На этой башне не стоят стражники? – оглянувшись на Змея, спросила глупышка, и он отрицательно покачал головой.

Башен двенадцать, и постоянная охрана сидит только на привратной. Остальные башни стражники каждый час обходят дозором.

Эста внимательно изучила пол верхней площадки башни, затем, достав из карманов так заинтересовавшие Дагорда штучки, умело скрутила их вместе, получив странную коленчатую подзорную трубу. Сначала девушка просунула свой прибор в одно оконце-бойницу, пробитое в толстой стене башни и сужающееся к наружной стороне, потом во второе. И вдруг отставила свое приспособление, подобрала юбку и легко вскочила на выложенный каменной плиткой подоконник, смело протискиваясь к узкой внешней стороне окна.

– Эсталис! – шагнул к ней забеспокоившийся Геверт. – Пожалуйста, осторожнее!

Но Змей уже стоял рядом с окном и крепко держал девушку за плеч.

– Не так, – обернулась она и сунула ему в руки концы пояса, – держите, он крепкий.

И, высунувшись из окна почти наполовину, начала крутить головой, словно что-то ища. А потом вытянула наружу и руки, заставив его светлость сердито скрипнуть зубами.

– Держите крепче... сейчас...

Змею не было видно, что она там делает, намотав на кулак концы вязаного пояса, он коленями и второй рукой уперся в стену и про себя яростно ругал эту натуральную глупышку за ее дурацкую выходку. Нужно было объяснить ему, в чем дело, он бы сам туда влез!

– Все, тяните, – объявила Эста, и он потянул, моля всех святых, чтобы не порвался простенький на вид пояс. А едва понял, что уже может достать монашку свободной рукой, крепко обхватил ее и резко вытащил из окна, прижав к себе и свирепо глядя в неожиданно счастливое лицо глупышки.

– Ваша светлость, посмотрите, что я нашла!

Монашка помахала сильно выцветшим кошельком, и в нем что-то глухо звякнуло.

– Что там? – дрогнувшим голосом спросил Геверт, бледнея.

– Можно посмотреть. – Эста спокойно освободилась из рук графа, словно он был камеристкой, шагнула к самому светлому окну и разрешила маленьким ножичком туго стянутый шнурок.

А затем расстелила на подоконнике платочек и вывалила на него несколько усыпанных камнями драгоценностей.

– Демон, – начиная понимать, мрачно присвистнул Змей.

– Что? Не может быть! – Геверт опустился на краешек подоконника, осторожно беря в руки то браслет с изумрудами, то кольцо с рубином размером с орех, то алмазные серьги. – Значит, они все время были тут?

– Ну да, – кивнула ему глупышка и начала разбирать свое устройство, – она прятала их в

щели между камнем и балками. Не могу даже представить, как только нашла такое местечко, но подозреваю, что у нее был опыт в этом деле.

– Но почему она сбежала, не забрав наворованное? – недоверчиво смотрел его светлость.

– Не могла она сбежать, – с неожиданной печалью вздохнула Эсталис, – мертвые не бегают. Зря она полезла прятать последнюю добычу в грозу, ветер и мокрые стены не лучшие помощники. А поскольку чепчик всё же унесло через стену, очевидно, именно его она и попыталась удержать. Хотя с уверенностью утверждать не могу. Я больше вам здесь не нужна? Тогда я пойду. И еще... Змей, вы же понимаете, что после этой находки оценка происходящего сильно меняется?! Тот, кто угрожает его светлости и вам, не мог быть связан с этой воровкой, и поэтому списки, которые я просила, нужны мне как можно скорее.

– Подождите, Эсталис! – остановил девушку герцог. – Так вы что... считаете, что она... там?!

И он показал пальцем в сторону окна, куда недавно так храбро лазила глупышка.

– Не считаю, а видела, – печально кивнула монашка, – и больше видеть не желаю. Потому и ухожу, и Хара заберу... и если вам интересен мой совет, вызовите начальника городской стражи, и пусть его люди этим займутся. И лучше не принимайте сегодня гостей. Иначе вечер будет посвящен не вам, а этой воровке.

– И еще... – уже с лестницы оглянулась Эсталис, – не забывайте, Змей, про пункт двенадцатый.

– А что там в двенадцатом пункте? – Герцог, прятая в кошель платочек с завернутыми в него ценностями, невольно хлопнул себя по карману, где в дороге хранил контракт, и нахмурился. – А сколько дней прошло?

– Не волнуйся, я выучил все тринадцать пунктов наизусть, – успокоил его не менее хмурый граф, – двенадцатый пункт гласит, что ни при каких обстоятельствах нельзя никому сообщать об участии сестер Тишины в каком-либо происшествии.

– Значит, мы должны всем сказать, что сами нашли драгоценности? И эту... Лиззи, – покосился в сторону окна герцог, – только не пойму, почему ее не унесло водой.

– Я посмотрю, – двинулся к окну Дагорд, но герцог схватил его за рукав.

– Не смей! Ты же помнишь, что сказала Эсталис, теперь нужно быть еще осторожнее!

– Я не буду вставать на окно, просто выгляну. – Змей снял плащ, бросил его на подоконник и сначала встал на колени, а потом и вовсе лег, свесив наружу голову.

И уже через минуту повернул лицо вверх, рассмотрев край крыши, где сделала свой тайник погибшая воровка.

– Там большой осколок скалы, – мрачно сообщил он Герту, возвращаясь и отряхивая плащ. – И девушка попала в расщелину между ним и подножием стены. Ты же знаешь, что к этой башне вода не подходит. Придется отсюда спускать людей на веревках, а потом опускать тело в лодку. Мне почему-то не хочется втаскивать его в замок.

– Мне тоже, – глухо пробормотал его светлость, вспоминая, какой миленькой и проказливой была кареглазая Лиззи. Ну чего ей не хватало, он ведь не скупился ни на наряды, ни на украшения?!

Глава 14

На ужин Эсту пришел приглашать дворецкий. Вежливо постучав в дверь, вошел, удивленно поглядел на ирбиса, растянувшегося у ног сидящей в кресле девушки, и сообщил, что ужин подан в малую столовую, поскольку сегодня его светлость казался больным и велел никого не принимать.

– Что вы говорите?! – очень натурально встревожилась глупышка. – Я предупреждала, что в такую ветреную погоду лучше не гулять по стенам. Так, может, мне не ходить в столовую, а попросить принести ужин сюда?

– Его светлость желает послушать чтицу. – В голосе слуги скользнуло огорчение. – У него сегодня плохое настроение.

– Ах, ну тогда конечно. – Девушка собрала в дорожный мешочек для рукоделия недовязанные кружева и встала с места. – А вы не знаете, что так расстроило его светлость? После обеда, на прогулке, он казался мне вполне всем довольным.

– Нашли Лиззи, – понизив голос, сообщил дворецкий, – это наша горничная, пропавшая весной. Очень ловкая была особа, ну, вы понимаете, почему я вам это говорю. Чтобы вы не затронули случайно эту тему и книжку выбрали осторожно.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Эста дворецкого за такую заботу о господине, – я постараюсь. Идем, Хар, будем сегодня говорить о тебе.

– Вот вам списки, – перейдя после ужина из столовой в соседнюю гостиную, Змей протянул Эсте несколько листов дорогой бумаги.

– Спасибо, – свернутые листки мгновенно исчезли в одном из незаметных карманов, которых, как начинал понимать граф, было на юбке монашки в несколько раз больше, чем положено самой запасливой девушке, – я посмотрю их вечером. А описаний или каких-то особых примет вы туда не добавили?

– Нет, но я могу это сделать.

– Буду ждать, – серьезно кивнула монашка, посматривая на герцога, принесшего в гостиную бутылку красного лиарнского, с которым он подружился еще за ужином.

– Можно задать вам вопрос? – дождавшись, пока слуги уберут посуду и уйдут из столовой, плотно прикрыв двери в коридор, приступил к расспросам Змей. – Как вы догадались, откуда ирбис принес чепчик?

– Можно, – спокойно сообщила глупышка, – только заберите сначала у его светлости бутылку и унесите подальше. У меня для вас важное сообщение, а разговаривать с пьяными герцогами я не люблю.

– Эсталис! – оскорбленно поджал губы Геверт. – Я не давал вам права...

– Ах, простите меня, ваша светлость, – несчастно захлопала глазами монашка, – так про что вам почитать? Вот вполне достойная книга...

Эста наугад взяла верхний из томов, принесенных слугами, и открыла на первой странице.

– Жизнеописание великого короля Ангерна Третьего, прославленного полководца и мудрого правителя, составленное братьями монастыря таинства Равновесия в лето семнадцатое после...

Минут пять Эста хорошо поставленным голосом профессиональной чтицы перечисляла совершенные дальним предком короля деяния, в основном походы в приграничные районы и нападения на сопредельные крепости.

Наконец герцог, нарочно наливший в бокал вина, не выдержал:

- Эсталис, прекратите.

- Как угодно вашей светлости. Я могу идти?

- Не можете. Вы хотели мне что-то рассказать.

- Разве?! Не может быть. Вы путаете. Позвольте мне уйти... или желаете, чтоб я еще почитала?

- Тебе лучше отдать мне бутылку и бокал, Герт, - сочувственно сообщил Дагорд, - иначе она снова примется читать.

Эста сидела с таким безучастным видом, словно говорили не о ней.

- Змей! - снова возмутился герцог, и Эста встала с места.

- Спокойной ночи, ваша светлость.

Геверт смотрел, как она невозмутимо идет к двери, так гордо неся свою головку, будто это она герцогиня, и все яснее понимал, что о ее непреклонность легко разобьются все способы, какими он привык управлять людьми.

- Хорошо, - с досадой стукнул он бокалом о столешницу, - заберите эту бутылку. Но неужели, по-вашему, я похож на пьяницу?

- Я не делаю предположений, - холодно отозвалась глупышка, наблюдая, как Змей уносит в столовую вино, - но также не желаю, чтобы вы неверно поняли мое сообщение.

- Хорошо, - устало сдался Геверт, и сам понимавший, что она права.

Не пристало человеку его положения всякую трудность или неудачу заливать вином, как какому-то сапожнику.

- Вы хотели сказать нам про чепчик, - поторопился Змей перевести разговор на более безопасную тему.

- Как вы помните, он был грязный и сырой, - невозмутимо села на место Эста, - а почва в парке намного суше, дожди, как мне сказали слуги, были в прошлой декаде. Стало быть, он лежал в таком месте, где нет сквозняка и не попадает солнце. И таких мест несколько, но нигде не было видно ямки. А Хар этот чепчик выкопал.

- Это мне понятно, - хмуро сообщил Дагорд, - но почему Хар не принес его сразу, весной?

- Я не строю догадок, - вздохнула Эста, - но скорее всего сначала чепчик застрял где-то среди веток и листьев. А потом вы уехали в столицу. А вот сейчас, после того как листья облетели и прошли осенние дожди, он промок и провалился вниз, попав между переплетенных корней. Вот пока Хар его вытаскивал и немного поиграл, чепчик принял нынешний вид.

- Теперь понятно, - примирительно изрек герцог, - а какие новости?

- Одна из старших сестер Тишины договорилась с известным вам господином, - ровным голосом произнесла монашка, хотя на душе у нее было тоскливо. - Он согласен подождать месяц. И завтра прибудет сюда для заключения соглашения. Сестра надеется... вы пойдете ему навстречу. Есть люди, с которыми выгоднее дружить.

Последние слова Эста добавила от себя, надеясь на благоразумие ее нанимателей. Ей было известно о двух болезненных ударах по самолюбию, недавно полученных графом аш Феррез. Сначала ему отказали в прощении о возвращении родового имения, затем, почти одновременно, расторгла помолвку невеста, на которой Змей намеревался жениться ради весомого приданого. Настоятельница, не любившая строить пустых предположений и учившая тому же глупышек и тихонь, вскользь обронила, что причина так насолить строптивому графу была только у одного влиятельного лица, но нужно больше знать, дабы утверждать наверняка.

И, как подозревала глупышка, не зря Роза ехала в розовой шляпке к принцу Лоурдену.

Матушка явно желала быть в курсе странных событий, заставивших нескольких самых важных персон королевства срочно выкупать контракты на тихонь и кокеток.

– Демон, – сразу помрачнел Геверт, – а если вы за месяц не успеете ничего найти?

– Вот потому я и сказала вам об этом заранее, – с легкой досадой ответила Эста, – вы должны настаивать не на определенном периоде, а на устраивающих вас результатах моей работы. Жаль, я не знала про его визит раньше. Мы могли бы найти вашу горничную дней на пять позже.

– Неужели вы смогли бы так поступить, – сухо зато поинтересовался Геверт, и монашка опустила глаза, скрывая блеснувший в них гнев.

Разумеется, смогла бы. И даже спокойно занималась своим делом, не терзаясь раскаянием. Этому телу уже все равно, на день раньше или позже его достанут из расщелины. А за Гертом и его другом кто-то ведет безжалостную охоту, и для этого негодяя будет подарком, если завтра герцог Эфройский сумеет уговорить хозяина Адера уступить глупышку по истечении оговоренного срока.

– Ты неправ, Герт. – Змею очень не хотелось этого говорить, он отлично понимал, что происходит сейчас в душе друга.

Она сумела занять какое-то место в сердце господина, эта хитрая Лиззи, Герт был в эту весну более оживлен и бесшабашен, чем все четыре года после потери жены. Потому ему так трудно понять и поверить, что все ее кокетливые ужимки и нежные взгляды были просто игрой. Он никогда бы не смог на ней жениться, принц почти прямо намекнул, что невесту герцогу Адерскому отыщет сам. И, разумеется, девица понимала, что первыми, кто вылетит из замка, едва здесь появится законная жена, будут все прошлые пассии герцога. Вот и решила обеспечить себе безбедное будущее, завладев старинными драгоценностями с камнями невероятной величины, чудом не пропавшими во времена переворота. За содержимое того потертого кошелька можно выкупить неплохое поместье.

– Это неважно. – Эста давно научилась владеть собой, вернее, научили. – Главное, не соглашаться, даже если он будет предлагать поселить тут роту королевских гвардейцев. Вообще не соглашаться ни на какую помощь, особенно на дознавателей и охранников. Ни одного человека не берите, иначе я сразу уеду. Даже мой приезд не мог не насторожить ваших врагов, а если тут появятся люди с мрачными лицами и торчащим из всех карманов оружием, мне уже делать будет нечего.

– Ну, вот за это можете не волноваться, – жестко прищурился граф, – его шпионы нам тут ни под какой маской не нужны. К тому же, раз у него такая нужда в глупышке, лучших он не даст. А его худшим я и двор мести не доверю.

– Хорошо, – кивнула Эста и снова поднялась, – тогда я все-таки иду отдыхать. Спокойной ночи. Змей, а вы что сидите?! Не забыли, что вам положено меня провожать?

Граф желчно ухмыльнулся: забудешь тут! Но с места все же встал и направился вслед за чтицей.

– Выражение лица у тебя не такое, – скептически заметил вслед ему Герт, – с каким ты обычно флиртуешь с девицами.

– Сам сделай сладкую улыбочку и хитрые глазки, – непримиримо отозвался Дагорд, – а с меня и так сойдет. Все равно весь замок знает, что мы сегодня сердитые.

Эста только тайком ухмыльнулась, надо же, как его задела ее простенькая шутка. Похоже, душа у Змея не такая бесчувственная, как жалуются придворные дамы.

Глава 15

Замок давно сладко спал, когда дверь одной из спален без малейшего скрипа приоткрылась и стройная фигурка в чем-то неопределенно-сером, похожем на рванье балаганного шута, изображающего нищего, выскользнула в пустынный коридор. Прикрыв дверь, бесшумно направилась вдоль стены в сторону центральной лестницы, очень ловко ныряя в каждую нишу и каждый клочок тени, островками разбросанные за полуколоннами и свисающими с окон тяжелыми шторами.

Стражник на центральной площадке лестницы, откуда она расходилась вверх двумя рукавами, героически боролся со сном, время от времени роняя голову на грудь и тут же вскидывая ее снова. Еще вчера он бы достал из-за постаментов статуи, изображавшей прадеда Геверта, давно припрятанный там старый меховой плащ, завернулся в него и устроился у ног старого герцога подремать часа два.

Но сегодня в замке появился сам Змей, и за сон на посту можно загреметь в простые подметальщики, вот и мучился бедолага, которому еще вчера завидовали соратники. Пост на лестнице считался самым удачным из всех дежурств. Серая фигурка постояла в тени ниши, наблюдая за постовым, затем переместилась к самой стене и осторожными, короткими перебежками двинулась ближе к нему. А когда он в очередной раз закрыл глаза, в быстром выпаде пнула прижатое к его ноге древко алебарды, самого нелепого оружия, оставшегося в замке с незапамятных времен.

Стражник, опиравшийся на алебарду, как на посох, покачнулся и едва не упал, проснулся почти окончательно, испуганно поозирался и, решив, что просто потерял со сна равновесие, отправился делать очередной обход своей территории. Ему предстояло подняться по левой лестнице, обойти по внутренним галереям второго этажа вокруг приемного зала, начинавшегося сразу от входных дверей, и вернуться с другой стороны.

И пока он шел наверх, оставшейся незамеченной Эсте хватило минуты, чтобы слететь на первый этаж и нырнуть под лестницу. Здесь находилась лестница в полуподвал, где располагались кухня, кладовые и прочие хозяйственные помещения. Но девушке нужны были вовсе не они, она свернула в неширокий коридор, ведущий к той части полуподвала, что располагалась под нежилым крылом. Шла глупышка уверенно, хотя света тут не было, просто изредка открывала дверку маленького фонаря и проверяла дорогу на несколько локтей вперед.

Она почти дошла до цели своего путешествия, когда странный тихий шорох, раздавшийся как будто из стены, заставил глупышку метнуться в сторону и замереть за одним из старых ларей, вынесенных сюда за ненадобностью.

Спустя томительно долгую минуту звук повторился, но уже ближе, громче, и Эста сердито поджала губы, вот именно это она сразу и заподозрила, когда прочла листок со скупым описанием причин, вынуждающих герцога Адерского тратить деньги на контракт.

Следующую минуту девушка провела не в праздном ожидании. Поставив в сторонке фонарь, она на ощупь вынимала из карманов и складывала аккуратной кучкой мелкие вещицы, которые делали только умельцы в одном из восточных монастырей. Последним девушка сняла и развернула широкий пояс, оказавшийся длинным халатиком из тонкого полотна темно-синего цвета. Его специально сшили свободным, для ношения поверх другой одежды, если ее нужно было скрыть.

Она успела одеться и рассовать свой арсенал по карманам халата, когда новый, более громкий шорох раздался почти напротив того места, где пряталась девушка. И она никогда бы не заподозрила, чего можно ждать от этого шороха, если бы не знала заранее, куда нужно смотреть.

Во мраке коридора на противоположной стене бледным квадратиком мелькнуло тайное оконце и тут же закрылось снова. Эста презрительно усмехнулась, ей очень много сказала эта торопливость. И о том, что стоящий за стенкой в одном из смотровых тупичков человек совершенно уверен, что никого тут в такую пору быть не может, и проверял, не появился ли в коридоре свет, просто по привычке. И стало быть, идет он тайным проходом далеко не первый раз и, значит, знает о большинстве ловушек,

расставленных на том пути, раз продвинулся от одного оконца до другого так быстро. Потому что ловушки взаимосвязаны, и закрыть одну из них можно лишь после того, как открыта следующая.

Шорох и легкий скрип раздались совсем близко, узкий кусок стены с неровными краями словно утонул в камне, открывая проход, проверить который и шла глупышка, резко изменившая свое намерение после сделанного открытия.

Человек, уверенно шагнувший из прохода, всего секунду постоял в темноте, потом приоткрыл свой фонарь, осветил ближайший кусок стены и, подцепив ножом один из камней, открыл небольшую дверцу, за которой скрывался запирающий потайной ход рычаг. Кусок стены вернулся на место, а мужчина, которого Эста жадно рассматривала и старалась запомнить как можно точнее, торопливо направился туда, откуда недавно пришла девушка. Время от времени он подсвечивал себе дорогу фонарем, и в свете этих коротких вспышек девушка окончательно убедилась в своих предположениях.

Кто еще может так свободно бродить по дому в самую глухую ночную пору, – усмехнулась монашка, всего через пару секунд неслышно скользнувшая следом, – ну, разумеется, те самые люди, которые призваны хранить покой этого дома.

Перед самым выходом из коридора незнакомец на несколько мгновений замер, прислушиваясь, и в этот момент Эсте ничего не стоило применить одно из тех средств, которыми ей полагалось пользоваться в своем втором ремесле, тихони. Никто из сестер не отказывался при случае воспользоваться чем-то из арсенала остальных ремесел, все, что могло помочь в работе или спастись, имело право на применение.

Несомненно, будь тут кто-то из королевских дознавателей или ищеек, он бы так и сделал, метнул во врага смазанной снотворным зельем иглой или даже дротиком, и уже через час преступник висел бы в подвале на крючьях и рассказывал все, что знает и не знает. Однако девушка даже не шевельнулась. Накрепко затверженное правило сначала тщательно изучить все действия врага, а только потом принимать решение, удержало ее на месте. И понимание, что вряд ли враг действует в одиночку. Да и методы королевских палачей были ей до омерзения ненавистны.

Поэтому Эста спокойно проводила взглядом торопливо направившегося к лестнице мужчину в амунии стражника и тенью проскользнула в ту часть полуподвала, где была кухня.

И вскоре уже уверенно входила в просторное, пахнувшее пригорелым маслом и луком помещение, освещенное одинокой лампой.

– Какая встреча, – едко приветствовал ее голос Змея, сидевшего за столом перед блюдом с остатками жаркого и кружкой горячего отвара, – неужели вы проголодались?

– Нет, соскучилась. – Эста ответила так вовсе не в шутку, сейчас девушке было не до иронии.

Людам, знающим тайну потайного хода, ничего не стоит заманить туда этого самоуверенного сердцееда, и тогда герцог останется без лучшего и самого преданного друга.

– Очень заманчиво звучит, – коварно ухмыльнулся граф, хотя следовал в этот момент скорее привычке, чем горячему желанию обольстить эту колючку.

Монашка невозмутимо села на соседнее место, взяла с блюда кусочек мяса и задумчиво откусила, решая, как поступить и сколько можно рассказать Дагорду сейчас, а сколько оставить на потом. И с унынием пришла к выводу, что говорить пока нельзя ничего. Судя по резвости, с какой граф взялся наводить порядок в замке, он всего в одном шаге от ловушки. Да вообще удивительно, как еще до сих пор туда не попал.

И раз так, то у нее остался единственный способ его отвлечь от этой мысли, тот самый, который она оставляла на самый крайний случай.

– Мне льстит, – кокетливо стрельнув глазками, лукаво заявила глупышка, – ваше заявление. Хотелось бы верить, что вы на самом деле так считаете.

– Конечно, считаю. – Змей отшвырнул недоеденный кусок и, загадочно-насмешливо глядя на девушку, тщательно, как бы в предвкушении, вытер салфеткой руки, в этой игре он был далеко не новичок. – И очень надеюсь... что вы не шутите.

Не отводя взгляда от лица Эсты, граф осторожно придвинулся ближе, легко провел пальцем по ее скуле, проверяя, не начнет ли она язвить или сердиться. Хотя догадывался, что испугать глупышку вряд ли удастся, зато от нее вполне можно ждать самых непредсказуемых поступков.

Однако девушка не смеялась и не возмущалась, и Змей, склонившись к ее лицу, сначала осторожно коснулся губами ее виска, затем уголка неожиданно теплых и трепетных губ и, наконец, приник к ней в смелом поцелуе.

– Эста... – начиная подозревать, что едва не попался, шепнул граф через минуту, точно определив, что в этом деле она совершенно неопытна, – мне показалось... что вы до сих пор никогда не целовались с мужчинами.

– Ну да, – честно кивнула она и доверчиво положила голову ему на плечо, в душе искренне веселясь над странным изумлением Змея. Он что, не знал, что в женский монастырь Святой Тишины настрого закрыт вход для любых представителей сильного пола?!

– Но как это могло быть? – искал подвох граф, по-прежнему обнимая девушку за плечи, но больше не делая попыток ее поцеловать.

– Ну, неужели вы могли подумать, что в монастырь могут каким-то образом попадать мужчины? – насмешливо осведомилась Эста, упорно не отодвигаясь от широкой груди графа.

Оказывается, это действительно приятно, когда тебя вот так крепко обнимают и горячо целуют. Возможно, и все остальное ей понравится... не зря же некоторые сестры так рвались побыстрее освоить ремесло и уйти из монастыря.

– Но вы ведь не всегда жили в монастыре? – с мягкой настойчивостью продолжал выпытывать граф.

– Когда я жила не в монастыре, мне было двенадцать лет, – нехотя сообщила глупышка.

– А сколько вам сейчас? – что-то мысленно подсчитал Змей.

– Ну, вот уж это возмутительно! Такие вещи у женщин не спрашивают.

– Как выяснилось, вы не женщина.

– А кто? Мужчина? Или вообще – эльф? Ну, ведь не гоблин! – всерьез заинтересовалась Эста. – Неужели вы считаете, что это обстоятельство делает меня хуже остальных? Ну, в таком случае идем ко мне в спальню, и вы мне поможете устранить этот недостаток!

– Эсталис... – В голосе графа прозвучала вежливая непреклонность. – Давайте я провожу вас до вашей комнаты, и мы забудем про события последних минут. Я очень сожалею, но поступить так я не смогу, потому что буду потом презирать сам себя.

– Хорошо, – легко согласилась глупышка, – проводите.

Граф снисходительно усмехнулся, похоже, девушка искренне считает, что он растает, едва окажется у дверей ее спальни. Смешно. Какая она все-таки наивная, несмотря на несомненно высокое мастерство ищейки. Хотя у них это называется – глупышки.

По лестнице граф вел монашку, чуть приобняв за талию, успокаивая собственную принципиальность двумя весомыми доводами. Во-первых, они заключили договор на легкий флирт, а во-вторых, опытные ладони мужчины не нащупали под тонким полотном халата ничего похожего на оголенное тело. Напротив, там было надето что-то столь плотное, что Змей исподтишка веселился, представляя, как ему пришлось бы потрудиться и сколько открытий сделать, прими он ее предложение.

Однако он и близко не подозревал, что это были бы за открытия.

Стражник, стоящий возле статуи, невольно вытянулся, узнав шедшего по лестнице мужчину, а при виде того, как по-хозяйски тот обнимает новенькую чтицу, в душе воина пророс робкий росток надежды, что его дежурство окажется не таким уж сложным.

- Спокойной ночи, - с невольным сожалением пробормотал Змей, когда монашка взялась за дверную ручку, убирая руку с ее талии, и осекся, наткнувшись на уверенный ироничный взгляд девушки.

- Войдите в комнату, Дагорд, мне нужно сказать вам нечто важное.

И девушка распахнула перед графом створку ровно настолько, чтобы он мог пройти. А едва мужчина нерешительно шагнул внутрь, в глубине души кляня себя за эту неуверенность, Эста проскользнула сама, заперла дверь на ключ и сунула его в карман.

- Не стойте, проходите дальше.

Граф нахмурился и сделал несколько шагов, намереваясь пройти к небольшому диванчику, но твердая ручка подтолкнула его к широкой кровати, и в тот же миг Дагорд почувствовал легкий укол в лопатку.

- Что это такое?! - вмиг расвирепев, обернулся Змей и обнаружил, что монашка, приподняв подол халата, удирает в проход между окном и кроватью, явно намереваясь достичь массивной дверцы стоящего в углу гардероба.

Какой-то древний инстинкт, предписывающий ни в коем случае не упускать убегающую добычу или ускользающих женщин, подсказал Змею самый короткий путь, и он стремительно ринулся наперерез, не обращая внимания на стоящую на пути кровать. Два прыжка - и мягкие перины просели под ловким телом, но девушка успела свернуть к изголовью, скрытому тяжелыми складками балдахина. Граф мгновенно свернул в ту сторону, втайне предвкушая победу.

Однако тело вдруг стало непослушным и невыносимо тяжелым, и, вместо того чтобы схватить за руку глупышку, Змей стиснул в кулаке угол обшитой прошвой подушки.

- Ну вот, как я и намечала, точно на месте, - спокойно поворачиваясь к лежащему на постели мужчине, удовлетворенно пробормотала Эста, - сейчас переоденусь и сниму с вас колет и сапоги, а то не отдохнете, а намучитесь.

Графу страстно хотелось сказать коварной интриганке, что никогда не простит ей такой подлой выходки, но его глаза сами закрылись, и беззлая тьма накрыла мир мягкой лапой.

Глава 16

– С добрым утром, – кротко произнес голос глупышки, едва Дагорд проснулся, но еще даже не успел открыть глаза, – можете спокойно вставать и одеваться, я подожду в столовой.

В душе графа кипела незабытая ярость, но он уже успел понять, что очень удобно лежит на спине, накрытый одеялом, и ни сапог, ни колета, ни даже пояса с оружием на нем нет. Змей распахнул глаза, приподнялся на локте и посмотрел в ту сторону, откуда доносился голос, прикидывая, успеет или нет достать интриганку, если резко кинет в нее подушкой.

И с досадой осознал, что не достанет. Монашка стояла в нескольких шагах от него, рядом с дверью, и уже держалась за ручку, а особа она, как выяснилось, очень ловкая. Но вовсе не это заставило Змея изменить свое намерение, а ее взгляд, тот самый, каким она смотрела в тот раз, когда ушла порталом. Печальный и укоризненный.

– Как вы могли? – полным презрения голосом осведомился Змей, откидываясь на спину.

– Вам сейчас объяснить? – по-прежнему кротко поинтересовалась Эста.

– Желательно, – едко произнес он.

– Тогда напомните мне, Змей, – в ее голосе постепенно нарастало негодование, – с какой целью, а главное, на каких условиях, мы с вами заключили договор о флирте?

– Но, – Дагорд задумался, начиная подозревать, что его пытаются провести, – ведь договор мы заключали на дневное время!

– Змей, вы лукавите! – обвиняюще нацелила на него пальчик монашка. – А ночью что, ваши враги строем выходят из замка и отправляются в Адервилль?! Что смотрите? Это не так?! Следовательно, пока я сплю, вы изображаете из себя приманку.

– Но мы сейчас не об этом говорим, – не сдался граф, – а о том, что вы усыпили меня сонным зельем! Причем очень мощным, у меня на шее висит амулет против ядов и снадобий.

– Видела я ваш амулет, – устало вздохнула Эста, спокойно отходя от двери и садясь на стул, – он не помогает от моего зелья. Но дело совершенно в другом. Моя задача – найти злодеев и предотвратить во время моего пребывания здесь возможные покушения. Особенно успешные. Вы же знаете, это мой первый контракт, и от того, как я его выполню, зависит моя репутация и мои будущие гонорары. Плату за первый контракт мы оставляем в пользу сестер. А вы вместо того, чтобы мне помогать, изображаете самоубийцу. Я вам, между прочим, вчера предложила вполне законное право на ночлег в этой комнате, но в вас проснулось благородство. Что ж, я очень уважаю вашу позицию и спорить с ней не намерена. Однако и позволить вам дальше слоняться по дому без охраны тоже не могу. Я, между прочим, не маг, и мне нужно ночами отдыхать, а приходится бродить за вами и дожидаться, пока вы соизволите вернуться в свою комнату. Вот и пришлось применить крайний метод. Ну, а чего еще вы от меня ждали? Ведь уговаривать вас было бесполезно, как я поняла?! Да и к тому же у меня тоже есть гордость и принципы. Поднимайтесь, одежда рядом с вами, я жду в столовой, его светлость уже встал. Не забывайте, у нас сегодня особенный гость. А еще мне нужны описания мужчин, живущих в замке. И начните, пожалуйста, со стражников.

Девушка решительно поднялась с места и шагнула к двери, провожаемая мрачным взглядом Змея, успевшего рассмотреть, что сегодня монашка довольно привлекательна в темно-голубом платье со старомодными, но очень освежающими ее личико шелковыми кружевами. И вынужденного с досадой признать самому себе, что было бы гораздо лучше, если благородное воспитание и выстрадавшая подозрительность не проснулись бы вчера так не вовремя.

А глупышка вдруг резко развернулась и кинулась к нему, на ходу вытаскивая из прически шпильки и засовывая в неприметный карман вместе с накладными локонами. Граф совершенно неосознанно протянул навстречу руки, и она оказалась в его объятиях, такая гибкая и свежая, пахнувшая чем-то смутно знакомым и вкусным.

В этот раз Змей не имел ничего против неопытности ее губ, он просто наслаждался их теплом и нежностью, но, к глубокому своему сожалению, очень недолго. Стук в дверь вряд ли прервал бы их занятие, но следом за ним дверь приоткрылась, и в комнату опасно заглянул один из стражников.

– Господин граф, на одну минуту... срочно.

– Ой, – очень натурально охнула монашка, собирая рассыпавшиеся на лицо мягкие на ощупь, как беличья шкурка, русые волосы с неожиданно приятным золотистым отблеском.

– Я сейчас приду, – строго взглянул на охранника граф, и тот, понимающе кивнув, торопливо прикрыл дверь.

А в следующий момент Эста, решительно вырвавшись из рук Змея, бесшумно метнулась к двери и замерла возле нее, прислушиваясь. Попутно девушка торопливо заплетала и скалывала шпильками короткую косу, а напоследок закрепила поверх блеклый шиньон, сразу поглотивший живой блеск ее собственных волос.

– Как его зовут? – деловито спросила монашка, покончив с прической, и Змей с неожиданной обидой осознал, что он для нее действительно только напарник в розыгрыше, причем, как выяснилось, довольно капризный и несообразительный.

– Сариш из рода Митров, – хмуро ответил граф.

– А такого худощавого, немолодого, с иссиня-черными вьющимися волосами?

– Это Лаутр Харбези, старший стражник.

– Спасибо. Так мы ждем вас в столовой.

Девушка открыла дверь, собираясь выйти, и Дагорд не смог удержаться от небольшой шпильки:

– После того, как я тут ночевал, можно говорить мне «ты».

– Хорошо, Змей, – покладисто кивнула глупышка, – тебя.

Сестры Тишины никогда не спорили по таким пустякам с заказчиками и их доверенными лицами.

– Доброе утро, ваша светлость.

Герт с интересом рассматривал монашку.

Лакей, помогавший разбуженному Харом герцогу одеваться, на вопрос о том, где Змей, многозначительно шепнул, что господин граф ночевал в комнате чтицы.

– Доброе утро, Эсталис, как отдохнули?

– Спасибо, ваша светлость, отлично. – Эста исподтишка проследила за накрывающими на стол лакеями, затем взглянула на Герта в упор и сделала быстрый, но многозначительный знак глазами.

Который можно было расценить только как просьбу отправить лакеев прочь, и герцог, сторавший от любопытства, немедленно ее выполнил. И в ответ уставился на девушку требовательным взглядом, желая получить объяснения, зачем ей это понадобилось.

– Змея срочно вызвали стражники, – быстро шепнула Эста, – нельзя оставлять его одного. Не забывайте, именно на него идет охота. Сама я пойти не могу, как вы понимаете.

Геверт поверил ей сразу же, он и сам так думал, поэтому немедленно поднялся и направился к двери.

– Хара возьмите, – у самой двери догнал совет глупышки, – и опасайтесь тех, на кого он будет рычать.

Геверт не стал останавливаться и объяснять девушке, что ирбис ни на кого не рычит, потому что очень мирный, но Хара он с собой все же позвал. А уже в коридоре вспомнил, как шипел зверь на бандита, и задумался: похоже, глупышка и тут увидела что-то не замеченное им.

– Что ты тут делаешь? – вышедший из своих комнат Змей был по обыкновению свеж и подтянут, но несколько хмур.

– Жду тебя, – негромко ответил герцог, опасливо глянув по сторонам, объяснения глупышки как нельзя лучше вплелись в его собственные мысли и сомнения, – никуда не ходи один.

– Демон, – процедил сквозь зубы Дагорд, – она скоро и в умывальне будет меня охранять!

– Змей, – начиная догадываться, что лакеи неправильно поняли увиденное, но еще не веря своей догадке, строго сказал герцог, – она права. Если что-то случится с тобой...

Он сглотнул внезапно вставший в горле комок и молча пошел рядом с графом, а Змей вдруг вспомнил, как увидел его впервые. Худенький светловолосый подросток, стоящий на крыльце дома в багряном свете предвещающего ненастье заката, и сам казался таким же тревожным и неприкаянным. А еще очень одиноким, несмотря на опасливо державшуюся за его локоть бледненькую девушку с кротким взглядом.

– Ничего не случится, – твердо пообещал Дагорд, стараясь вложить в эти слова всю уверенность, какой и сам не имел, и едко усмехнулся, – теперь меня охраняют днем и ночью.

– И правильно делают, – проворчал Герт, – я ей верю.

– Я тоже... – нехотя признался Змей, хотя и совершенно несогласный с методами монашки, но имеющий достаточно мужества признать их единственно верными на тот момент.

Он и в самом деле не позволил бы ей себя уговорить, искренне и твердо считая, что на уговоры непредсказуемых и взбалмошных девиц поддаются только слабые и неуверенные в себе мужчины.

Дело, ради которого Змея выдернули из объятий монашки, оказалось пустяковым. Прибывшие из Адервилля немолодые родственницы погибшей воровки просили отдать им ее вещи, и не успел еще Змей раскрыть рот, как Геверт уже решительно махнул рукой. Они еще в начале лета, через день после ее пропажи, тщательно обыскали шкаф и сундучок горничной в поисках каких-либо намеков, где искать пассию герцога, и не нашли в них ничего интересного.

– А не стоило сначала посоветоваться с глупышкой? – задумчиво произнес граф, шагая назад, и Герт покосился на него с изумлением, вот такого заявления от советника он не ожидал.

– Нет, – покачала головой Эста, когда они все же решили задать ей этот вопрос, – бесполезно. Ее комната столько времени была без присмотра, да и вас несколько месяцев тут не было. Если там и было что-то интересное для нас, то его давно забрали. Да и, как правило, по-настоящему умные и хитрые заговорщики не связываются с воришками и прочим жульем. Слишком много риска попасться раньше времени, к тому же обычно мелкие преступники выдают своих сообщников на первом же допросе.

После завтрака Эста устроилась за столиком в гостиной и попросила Змея продиктовать ей описания всех интересующих ее лиц, и как граф убедился очень скоро, это было верное решение. Девушка писала очень быстро, кроме того, она сделала то, до чего сам он, к своему разочарованию, никогда бы не додумался.

Достала расчерченный на графы лист, куда уже были вписаны имена из его списка, и проворно внесла напротив каждого особые приметы. Причем Дагорд заметил, что такие описания, как усы или борода, она просто пропускает, а цвет волос пишет в уголке, оставляя место. И почти сразу согласился в душе со всеми этими действиями, начиная

понимать, что обучение в монастыре девушка прошла очень серьезное. Если она говорит, что ей было двенадцать, а сейчас на вид не больше чем двадцать два, значит, она десять лет училась искать следы и ходить бесшумно, просчитывать чужие действия и свою реакцию, искать причины и способы совершения преступлений. Да Тишина знает, сколько всего еще.

Змей искренне пожалел, что хотя сам он в ее годы и имел репутацию сообразительного и неподкупного офицера гвардии его высочества, но серьезно не учился ничему, кроме воинского искусства.

– А почему бросили работу вот эти трое? – поинтересовалась девушка, закончив делать свои пометки.

– Сам не знаю, – нехотя признался граф, – причины у них были очень неубедительные. Вот с того момента я и начал замечать странные вещи.

– А где они сейчас?

– Один работает в городской страже, он ушел якобы из-за того, что невеста ревнует его к горничным.

– Бедняга, – загадочно заметила глупышка, взглянула на огромные напольные часы в деревянном корпусе с замысловатой резьбой и поднялась с места, – его светлость Олтерн Эфройский будет примерно через полчаса, мне нужно переодеться.

– А разве я не должен тебя проводить, дорогая? – насмешливо осведомился граф.

– Не забывай, милый, что у нас лишь легкий флирт, – так же едко усмехнулась она и решительно вышла из комнаты, радуясь, что Змей забыл поинтересоваться, откуда она знает о времени прибытия советника принца.

Да просто потому, что невозможно не знать время, которое сама и назначила, мысленно ответила на незаданный вопрос монашка, одеваясь в самое невзрачное и бесформенное платье и засовывая в перчатку порталную капсулу. Герцог Эфройский ни в коем случае не должен получить желаемое раньше, чем она убедится, что в этом замке можно жить совершенно безопасно.

Глава 17

Звонок в комнатке дворецкого задребезжал точно в одиннадцать. Эста сразу опустила на лицо густую темно-серую вуаль: не стоит раньше времени знакомиться с будущим нанимателем. Да и вообще проще скрыть свои истинные эмоции, чем пытаться обмануть самого пройдошливого и недоверчивого интригана королевства.

Девушка устроилась вместе с герцогом и Змеем в дальнем углу просторной гостиной первого этажа, неподалеку от которой граф поставил самого надежного из своих стражников, с одним-единственным, зато категоричным приказом.

Никого не подпускать к двери ближе, чем на десять шагов, и неважно, мужчина или женщина это будет и какую должность занимает в замке.

– Граф Белнро, – важно объявил дворецкий, пропуская в дверь закутанного в неказистый дорожный плащ человека с пышными седыми усами и аккуратно постриженной бородкой, скрывающей тем не менее кроме подбородка почти всю нижнюю половину щек гостя. Поля его шляпы были опущены, а верхнюю часть лица скрывала виртуозно изготовленная полумаска, изображающая простоватое лицо.

Эста усмехнулась про себя, у нее в сундуке хранилась маска работы того же мастера, и девушке была известна стоимость и редкость такой вещицы.

– Доброе утро, – произнес хорошо знакомый герцогу и Змею голос, и по бурлящей в нем ярости они сразу поняли, что их гость не находит ничего доброго в том, что вынужден мотаться по провинции.

Однако граф молча поклонился гостю с самым учтивым видом, а Эста так же молча кивнула головой.

Зря он сразу пытается напугать хозяина, незаметно вздохнула девушка, она успела проинструктировать Герта, как нужно отвечать, и пообещала, что вмешается, если почувствует в этом необходимость.

– Доброе утро, – вежливо, но сухо ответил Геверт, – прошу присесть, вот удобное кресло. Желаете чаю, отвара, вина, настойки?

Герцог несколько секунд постоял, рассматривая их сквозь прорези маски холодным, сверлящим взглядом светло-серых глаз. Однако никто из троих не дернулся и не поежился, как обычно делали все, кому довелось испытать на себе этот пронзительный взгляд. Даже ирбис, лежащий между креслами Геверта и глупышки, смотрел на незнакомца всего лишь с наивной заинтересованностью.

Олтерн усилием воли подавил раздражение и опустился в предложенное кресло, даже не подумав предпринять ни одной из обычных для него мер предосторожности. В этом замке все кровно заинтересованы, чтобы он ушел домой в целости и сохранности. Как, впрочем, и во многих из тех, что ему приходится посещать.

– Нет, спасибо, я спешу, – с большим опозданием ответил гость ледяным голосом, – давайте поговорим о деле. Я перекупаю у вас контракт на глупышку за три его стоимости, и вдобавок вы получаете троих моих людей и положительное решение всех ваших прошений. Вашего, Геверт, о свободном выборе невесты и возврате тех земель и пастбищ, что отошли после переворота короне, и ваше, Змей, насчет прав на родные руины и на руку госпожи Фиалонны.

– Спасибо, ваша светлость, за щедрое предложение, – первым очень учтиво произнес Дагорд, – но я обойдусь и без руин. И никакой госпожи Фиалонны не имею чести знать, а тем более претендовать на части ее тела.

– Мне уже один раз выбрали невесту, – бледнея, процедил Геверт, – так что мне не привыкать. Да и пасти мне пока некого.

– Значит, вы отказываетесь, – угрожающе протянул советник, и сам уже отлично понимавший, что вряд ли ему удастся их купить, запугать или заставить, но не желавший сдаваться так просто, – а понимаете, что ваше упрямство может надолго

лишить вас столичного общества?!

– Разумеется, – снова первым кивнул граф, – мы все отлично понимаем. Но сестра Тишины останется здесь. По крайней мере, до тех пор, пока сама не пожелает уйти.

– Но вы ведь нашли уже и драгоценности, и воровку?

Эста тихо усмехнулась, услышав это заявление, оно лишний раз доказывало то, о чем она и так догадывалась, – замок Адер и все в нем происходящее находятся под постоянным присмотром.

– Вы хорошо осведомлены, ваша светлость, – успел взять себя в руки Геверт, на которого плохо действовали любые разговоры про свадьбы и невест, – но это далеко не повод вмешиваться в мои личные дела.

– Выгнать всех слуг из дворца и привезти из Терфанской обители новых – самое действенное решение подобных личных дел, – жестко отрезал гость.

– А вот так я не поступлю никогда, – начал заводиться Герт, и Эста мгновенно перехватила разговор, стараясь не дать герцогу совершить ошибку.

– Не принимайте близко к сердцу совет графа Белнро, ваша светлость, он неудачно пошутил. Хотя, возможно, его высочество и оценил бы эту шутку. – Голосок глупышки был тих и бесцветен, но фраза ударила точно в цель, тайной гордостью советника была его верная служба королю на протяжении четверти века.

– Я рад, что вы так же находчивы, как и умны, – мгновенно уставился на глупышку Олтерн, – значит, я не напрасно теряю время.

– Ну, разумеется, не напрасно. – Этот человек уже неимоверно надоел монашке, и она видела только один способ избавиться от него как можно скорее. – И если у вас с собой договор, в котором имеются все прозвучавшие тут предложения, то достаточно вычеркнуть там один пункт и вписать вместо него другой.

– Говорите, что я должен вычеркнуть. – Советник достал из кармана свиток гербовой бумаги и, развернув на столике, уставился на Эсту, пытаясь разглядеть под вуалью черты девичьего лица.

– О руке госпожи Фиалонны, – решительно вмешался Змей, и девушка молча кивнула.

– Пожалуйста, – герцог Эфройский широким жестом вычеркнул один из пунктов, – но не забывайте, что ее приданое тянет на триста тысяч золотых.

– Жаль, что их перетягивает ручка госпожи Фиалонны, – цинично хмыкнул Змей, и до разрыва помолвки упорно тянувший со свадьбой.

– Что писать?! – сделав вид, что не расслышал этих слов, Олтерн смотрел только на Эсту.

– Что за содействие в этих просьбах герцог Адерский уступит вам свою чтицу ровно на столько дней, сколько она сочтет нужным прожить в его замке после подписания этого договора.

– Но с одним уточнением, – с минуту посверлив невозмутимую глупышку пристальным взглядом, заявил советник, – после этого срока чтица примет от меня контракт на работу. Ведь, как я понимаю, отсюда она не уйдет, пока не выполнит своих обязательств?!

– С двумя уточнениями, – в бесцветном голосе девушки прозвучала непреклонная твердость, – чтица примет контракт лишь в том случае, если сочтет его соответствующим своим умениям и принципам.

– Кстати, можете еще вычеркнуть троих своих людей. – Змей сам не понимал, почему сегодня его так злила бесцеремонность советника, с проявлениями которой он сталкивался много раньше, чем прибыл в этот замок.

В душе Эста считала, что вот как раз соглядатаи герцога Эфройского могли бы и

остаться, но не в замке, а в городе, но вслух ничего не сказала, и гость вычеркнул еще один пункт. Взял перо и дописал несколько строк, а затем протянул лист глупышке.

– Проверьте, все ли верно.

Однако девушка даже и не подумала двинуться ему навстречу, зато напрягся, оскалил клыки и предупреждающе зашипел Хар. Шерсть на загривке зверя поднялась, а из серого бархата мощных лап прорезались острые когти.

– Позвольте, я передам. – Герт вспомнил предупреждение монашки и решительно встал между гостем и ею.

– Передайте. – Олтерн колебался всего мгновение, затем выпустил лист из рук и отступил к своему креслу.

Разумеется, герцог был весьма раздосадован, что не удалось увести монашку немедленно, но начинал отчетливо подозревать, что ничем хорошим такой маневр все равно бы не закончился. Вовсе не из тех людей эта девчонка, кого можно заставить что-либо делать силой. Однако много хуже, что и занятие у нее не из тех, какие можно исполнять безо всякого желания либо по принуждению. И невозможно не заметить, что Геверту она служит весьма преданно. Хотя Олтерну абсолютно все равно, какие именно причины заставляют монашку так стараться, сейчас ему это даже на руку. Советник не менее хозяина Адера жаждет, чтобы она как можно быстрее разобралась со здешними проблемами. Ну а после того, как глупышка окажется в его дворце, к ней больше и близко не подпустят ни мальчишку-герцога, ни смазливового сердцееда Змея.

Внимательно прочтя договор, монашка осмотрела подписи и печати и, спокойно поставив в уголке замысловатую закорючку, отдала бумагу Геверту.

– Подпишите, ваша светлость, и сохраните.

– Раз мы достигли договоренности, – пристально наблюдая за ней, произнес Олтерн, – не будете ли вы любезны, госпожа Эсталис, снять вуаль.

– Прошу прощения, – так же учтиво отозвалась Эста, – но это немного преждевременное действие. И ничего вам не даст.

Советник тонко усмехнулся, зная, что никто этого не заметит. Девушка явно с характером, и это значит, что у нее со временем найдутся и слабости, и желания, исполнением которых можно будет поощрять или наказывать так дорого обошедшуюся ему наемницу.

– В таком случае я вынужден с вами попрощаться, но очень надеюсь, госпожа Эсталис, что вы постараетесь разобраться со здешними делами как можно скорее.

Гость встал, разломил капсулу перехода и через мгновение уже стоял на защищенной высокой стеной площадке собственной порталной башни. Напротив запирающей выход решетки герцога ожидали два его телохранителя, а чуть ниже, на обнимающей башню галерее, постоянно несли вахту четверо гвардейцев из особой королевской роты, переданной советнику в качестве личной стражи.

После ухода гостя Геверт решительно налил себе вина, отпил глоток и покосился на глупышку, так и не поднявшую вуаль. Сделав еще один небольшой глоток, герцог с незаметным вздохом отставил бокал, ее молчание было красноречивее любых проповедей.

– Эсталис, почему вы молчите?

– Жду, – коротко ответила девушка.

– Чего? – Оба собеседника смотрели на нее с новым интересом: женщин, которые не трепетали перед герцогом Эфройским, в королевстве знали наперечет.

И имя монашки претендовало пополнить этот короткий список.

– Когда ваша светлость перестанет думать о том человеке, что уже ушел, надежно спрячет этот документ и сможет направить все внимание на дела.

– Вы шутите? – Герт резко вскочил, прошел к окну, несколько секунд смотрел на улицу, затем так же стремительно развернулся. – Вы не понимаете, что я сейчас чувствую? Он столько лет держал меня за горло, играл, как кошка мышкой, предлагал в жены самых некрасивых, с отвратительным характером, засидевшихся в невестах старых дев, чье единственное достоинство – состояние, которое могло бы вернуть замку былой блеск! И вдруг в один момент отдал все... ну, разумеется, я не могу сейчас говорить и думать спокойно ни о каких других делах! А Даг?! Он вообще отчаялся когда-то вернуться в свое имение! И вообще жить так, как хочется ему.

– Не преувеличивай, Герт, – с напускной беззаботностью отмахнулся Змей, – у меня все было не так уж страшно. После переворота осталось очень много людей, потерявших значительно больше, чем я. Но сейчас меня интересует один вопрос, которым я намерен немедленно заняться.

– Я вам запрещаю, – тихо сказала глупышка, – займетесь им после того, как я отсюда уйду.

– Но вы ведь даже не знаете, чем именно он собирается заняться?! – невольно возмущился герцог.

– Змей столько раз за время беседы с советником стискивал кулаки, – вздохнула глупышка, – что трудно было не понять, его злит именно осведомленность Олтерна. И хотя я не делаю предположений, но в этот раз не могла не догадаться, что в первую очередь граф последует совету нашего гостя и отправится выкидывать из замка тех из слуг, что были тут к моменту его появления.

– Ну да, – мрачно кивнул граф в ответ на вопросительный взгляд друга, – она права. В последнее время я стал чертовски предсказуем.

– Просто пора признать, что Эсталис мастер своего дела, – примирительно произнес Герт, – и, кстати, мне тоже показалось, что Олтерн едва ли не нарочно хвастался своими шпионами.

– Вы правильно заметили, ваша светлость, – одобрительно сообщила глупышка, – он именно к этому вас и подталкивал. И именно поэтому можно не тратить время на поиск шпиона, он сам вскоре к вам придет и попросит расчет.

– Вы считаете... – начал Змей и сердито стиснул подлокотник, – черт. Как же неудобно с вами разговаривать!

– Мы вроде перешли на «ты», милый? – ехидно поддела графа монашка, стремившаяся как можно быстрее вывести нанимателей из того состояния душевной смуты, в какое их поверг визит советника.

Ей необходимо было срочно прогуляться по замку, но оставить ошарашенных неожиданно свалившимися на них благами мужчин без надзора она не могла.

– Едва не забыл, дорогая, – хмуро усмехнулся граф, – но раз мы на «ты», объясни мне, дураку, с какой стати шпион решит брать расчет?

– Ну, ты и сам уже ведь понял, что наш гость собрал все, что у него было, чтобы заполучить сестру Тишины. И раз так, не можешь не признать, что такие персоны, как он, расплачиваются столь щедро только в одном случае. Именно в том, когда все преданные люди могут понадобиться им в другом месте.

– Я об этом думал, – согласился Геверт, – еще мысль мелькнула: что же это его так припекло?

– Ну, допустим, и я это сразу понял, – помрачнев, нехотя признался Змей, – и как раз поэтому считаю, что зря мы приняли его предложение. Наверняка находиться рядом с ним сейчас небезопасно.

– Не стоит об этом говорить. – Больше всего Эста не желала продолжать разговор в этом

направлении. Она-то сумеет за себя постоять. – Советник не тот человек, кому можно отказать наотрез, если он добивается чего-то с таким упорством. Поэтому я и хочу вас просить быть предельно осторожными, тем более что сегодня не удастся отказать знатым горожанам, желающим вас навестить. А сейчас я вас оставляю, встретимся за обедом.

Некоторое время после ухода девушки друзья молчали, думая каждый о своем, и если герцог начинал постепенно приходить во все более умиротворенное настроение, представив, что может отныне не шарахаться от хорошеньких знатных девиц, то граф, наоборот, мрачнел.

– Знаешь, – наконец не выдержал он, – меня все больше беспокоит, сколько ей придется отрабатывать за то, что получаем мы. Мы вообще оказались в этой ситуации предателями. Наняли девушку для решения собственного дела, и не успела она с ним разобраться, перепродали с многократной выгодой... есть в этом что-то от барышников. Такое же низменное и отвратительное.

– Змей, – помолчав, тяжело вздохнул Геверт, – ты абсолютно прав. Но ведь она сама так решила и, как я подозреваю, предварительно тщательно все обдумала. Она вообще ничего не делает неожиданно, хотя иногда так кажется. И нам остается лишь отправиться в столицу... как только она уйдет.

– Ты все так же уверен, что монашка обязательно во всем разберется?

– В этом даже советник уверен, – невесело усмехнулся герцог, – а он в этих вопросах самый осведомленный человек в королевстве.

Глава 18

В своей комнате Эста торопливо переоделась, снова натянув под легкое платье мужскую одежду, и тщательно вооружилась, хотя на первый взгляд вряд ли можно было назвать оружием вещички, которые девушка рассовала в карманы, в прическу и даже под стельку особых ботиночек.

Она собиралась проверить одно свое предположение, настолько невероятное, что не поверила бы никогда и никому, кто попытался бы убедить ее в этом. Да и не было уже никого, кто смог бы такое сказать. Уж кому, как не ей, знать это точнее всех.

Однако факты – упрямая вещь, и Эста сама стояла вчера в подвале за кучей старой мебели и своими глазами видела открывающийся подземный ход.

Повесив на пояс кошелёк с рукоделием, девушка вышла из комнаты, заперла ее на замок и, услышав приближающиеся шаги, торопливо забросила ключ под длинную ковровую дорожку, появившуюся здесь только сегодня утром.

Мужчина, вышедший из-за поворота, был отлично знаком Эсте, хотя сам этого даже не подозревал. Да и откуда ему знать, что во время ночной прогулки глупышка отлично запомнила ритм и тяжесть его шагов?! Совершенно нетрудное дело для того, кто не одни сутки провел в пустоте подземных пещер, протянувшихся под скалами, среди которых стоял монастырь. Пещер, где царствует только священная Тишина, повелительница и покровительница своих сестер. Насколько полная и совершенная, что через несколько дней, проведенных там в одиночку, ухо начинает различать шорох платья, а просыпавшиеся с тропы вниз песчинки издают громкий скрежет. Ну а звук собственных шагов кажется настолько оглушительным, что невольно встаешь на цыпочки и начинаешь искать способ ступить, не нарушая окружающего покоя.

– Госпожа, его светлость велел проводить вас в старую библиотеку, там нужно выбрать несколько книг. Я помогу отнести.

Он лгал, и лгал очень нагло и уверенно. Склонился ровно настолько, как склонился бы перед настоящей чтицей, и повод придумал очень правдоподобный для зарабатывающей чтением девицы. И значит, не догадался пока об ее истинном статусе или притворяется простаком, надеясь заманить в ловушку.

Ну что ж, хотя Эста и собиралась идти вовсе не в ту сторону, упустить возможность немедленно познакомиться с планами негодяев девушка не могла. И все, о чем она мечтала, следуя по лестнице за предателем к нежилым комнатам, чтобы ни герцог, ни Змей случайно не встретились им на пути.

На двери, ведущей в нежилую половину дома, висел внушительный замок, но старшего стражника это препятствие ничуть не смутило. Он совершенно спокойно достал ключи и отпер замок так ловко и бесшумно, что мог бы после этого не говорить Эсте, что ходит сюда очень часто, это сказали его уверенные действия и смазанный механизм замка.

– Проходите, – распахнув дверь, вежливо предложил провожатый, и монашка, улыбнувшись ему с искренней благодарностью, спокойно прошла вперед.

Конечно, полной уверенности, что предатель не попытается тотчас с ней расправиться, у девушки не было, оставались лишь интуиция да заученные истины, гласящие, что даже самые глупые люди не поведут своих жертв убивать среди бела дня и на виду у лакеев. И еще была твердая убежденность, что легким это для него не будет, как и не останется безнаказанным.

Позади с еле слышным щелчком мягко встал на место так же хорошо, как и замок, смазанный засов, и монашка подобралась, как хищный зверь, знающий, что на него сейчас нападут. Однако не так много было в мире людей, сумевших бы это заметить, а в этом замке точно не было никого из них.

– Идите вперед, шестая дверь. – В голосе мужчины еще слышалась вежливость, но это уже не была предупредительность слуги, скорее безликая корректность палача.

– Большое спасибо, – с самой наивной улыбкой пролепетала глупышка, – а почему тут

так пыльно? Неужели у его светлости не хватает горничных, чтобы подмести пол?

– Неужели вы не слышали, что случается в этом замке с любопытными горничными? – насмешливо осведомился стражник и шагнул вперед, распахивая перед нею дверь в одну из заброшенных гостиных.

И в тот момент, когда он оказался к ней в профиль, да еще и чуть сверху, Эста сообразила, где и когда видела этот нос с горбинкой и ехидный прищур глаз, и тонкие, упрямые губы. Девушке осталось только мысленно приставить к этому ощутимо постаревшему лицу буйные рыжеватые кудри и золотистые кокетливые усики, и воспоминания вскипели в душе стремительно, как молоко в котле, и неудержимым потоком рванулись наружу, возвращая в то засушливое лето и навсегда оставшийся черным день.

Это ударило так неожиданно, отозвалось в сердце такой болью, что у монашки даже перехватило дыхание, и не успевшая подготовиться девушка на миг сбилась с шага, запнулась о пыльный ковер. Но тут же взяла себя в руки, стиснула зубы, шагнула вперед, к мужской фигуре, сидевшей возле занавешенного ветхой занавеской окна.

Да и все в комнате пропиталось многолетней пылью, запустением и беспорядком. Перевернутые столы и разномастные кресла и скамьи, явно принесенные из других комнат, распахнутые дверцы пустых шкафчиков и поставцов, и забытые скелеты цветов в вазе у окна.

– Добрый день, госпожа чтица, – хрипловато произнес сидевший и указал девушке на стоявшее напротив продавленное кресло, – у меня для вас предложение, на которое придется согласиться.

– Я готова его выслушать, – тихим и невзрачным, как шелест осенних листьев, голосом произнесла она, незаметно и жадно рассматривая все, что можно было рассмотреть под неказистой полумаской, – но пусть уйдет подальше этот человек.

– Вы не поняли, госпожа, – едко отозвался стражник, расположившийся на скамье, некогда стоявшей в коридоре, – мы вместе.

– Поняла, – так же бесцветно сообщила девушка, – но при вас разговаривать не буду.

– А ты знаешь, что я могу с тобой сделать, упрямая дрянь? – угрожающе рыкнул стражник, картинно выдвигая из ножен оружие.

– Думаю, ничего, – серьезно и тихо ответила Эста, – и не хамите девушкам, вам это не идет.

А затем вновь уставилась на того, кто тут был главным, теперь глупышка была в этом уверена.

– Выйди, – просительно глянул человек в полумаске на стражника, – некогда спорить с упрямыми девицами. Вот если она не согласится, тогда...

Он грозно нахмурился, и Эста невольно усмехнулась, Святая Тишина, да конечно же, она не согласится! Потому что теперь самая главная задача в ее жизни – это чтобы он с ней согласился. Иначе все будет не просто плохо, а невыносимо плохо, и никогда уже не случится того, о чем еще утром она только могла мечтать. Чтобы вернулось все, разрушенное проклятым переворотом, и собралась за общим столом вся семья, как в ту весну, перед самым мятежом. Или хотя бы те, кто еще живы.

– Я буду в коридоре, за дверью. – Заметив тень улыбки, скользнувшую по губам блеклой девицы, стражник нахмурился, поднимаясь с места.

– Не нужно, – уверенно отозвался его господин, – иди перекуси, я тебя позову, когда мы поговорим.

Жгучий брютет, бывший когда-то рыжим, пожал плечами и вышел, плотно закрыв за собой дверь. И едва чуткий слух девушки уловил, как его шаги начали удаляться, она прижала пальчик к губам, приказывая главарю молчать, и, неслышно скользнув к двери, связала ручки куском бечевы, извлеченной из кармана с ловкостью фокусника.

- Ты надеешься меня соблазнить? - с едкой ухмылкой поинтересовался мужчина, неотрывно следивший за действиями странной чтицы.

- Я надеюсь сначала тебя обнять, - серьезно сообщила девушка, возвращаясь к креслу, - а потом отвесить оплеуху за грязные предположения.

- Что?! - на миг ошоломел он, потом зло сощурился. - Девочка любит играть в строгую госпожу?

- Раньше девочка любила играть в прятки, - усевшись в кресло, Эста достала кусок полотна и баночку крема. Спокойно макнула уголок ткани в крем и начала стирать с лица все, что четверть часа назад так старательно нарисовала, - и у нее было два брата. Один играл с ней часто, потому что был старше всего на три года, а вот второй почти всегда был занят. Он был наследником, и отец старался научить его всему, что знал сам, дабы род процветал и дальше. Но когда он приезжал с дальних пастбищ, всегда привозил девочке подарки и интересные истории. Привозил крошечных зайчат и ежей, орехи на веточке и малину в походной фляжке. И рассказы про горные луга, где цветы огромны и роскошны, как на лучших клумбах, где облака не над головой, а под ногами, где звезды так близко, что их можно достать рукой. Он называл девочку маленькой принцессой и по секрету обещал однажды, что, когда она будет постарше, он поймает и привезет ей самого хорошенького и доброго принца.

Мужчина застывшим взглядом смотрел, как из-под стираемого тонкими пальчиками грима и тусклой пудры проступают черные ресницы, заставляя глаза засиять яркой голубизной, а брови взлететь чуть надломленными крыльями, кожа становится блее, с нежным румянцем, а губки полнее и четче.

- Настоятельница всегда говорила, что я - копия матушки, - грустно закончила Эста свой рассказ, - неужели ты еще не узнал меня, Арвельд? А вот я тебя сразу узнала и Седерса тоже.

- Я... - хриплый голос мужчины невольно дрогнул... - боюсь узнавать. Хотя ты и в самом деле похожа на матушку... но нам сказали, что вы погибли.

- А матушке сказали, что погибли вы. - Губы девушки страдальчески искривились, но она справилась с собой и продолжила рассказ: - А потом мы прятались. Ты же помнишь, что творилось. Матушка боялась, что меня выдадут замуж за какого-нибудь гвардейца короля, которого нужно наградить титулом. Мы жили в домике у няининой сестры, о ней никто не знал. А потом на меня положил глаз командир гарнизона того городка... мне исполнилось двенадцать, и я резко выросла. Он говорил, что женится... но я его ненавидела. Матушка, наверное, еще сомневалась бы, но тут привезли пополнение, и она увидела среди простых солдат отца. Он был коротко пострижен и загорел, лицо испорчено шрамом... и он ее не узнал. Прошел мимо, тиская какую-то служанку, и глянул на мать, как на пустое место. В ту ночь мы бежали в монастырь, и только позже матушке рассказали, что таково было наказание. Всех, кто участвовал в перевороте с оружием в руках, - отправить на рудники, а кто помогал деньгами или продовольствием - лишить памяти и имущества. После этого мы перестали вас искать. Но раз ты здесь... значит, что-то помнишь?

- Лэни... принцесса моя... - Арвельд скользнул с кресла и встал перед девушкой на колени. Одной рукой сдернул с искаленного лица маску и отбросил прочь, а второй поймал ее дрожащее запястье, - ты обещала мне объятие и пощечину, так исполняй.

- Арви, - глаза девушки, уже года три считавшей, что никогда в жизни больше не заплачет не по собственной воле, наполнились слезами, - миленький, ну разве я смогу тебя ударить? Ты не представляешь, сколько раз я вспоминала ту жизнь и молилась Святой Тишине, чтоб еще хоть раз посидеть со всеми за завтраком на восточном балконе. Как сейчас помню, матушка в лавандовом капоте с кружевами, отец с охапкой сирени, и няня сердито ворчит, что он подает сыновьям пример легкомысленности. А ты в белой рубашке и с молоком на усиках и не понимаешь, почему все говорят, что ты рано постарел. И Герт прячет книжку под скатертью, а когда его окликают, долго смотрит непонимающим взглядом. Неужели ты решил его убить, Арви?

- Как ты могла такое подумать, принцесса! - Арвельд поднялся, подхватил девушку на руки и, усадив на старенький диванчик, устроился рядом. - Конечно, нет.

- Тогда зачем пугаешь? Выгоняешь старых слуг, бродишь ночами по потайным ходам?

- А ты много знаешь, - насторожился изгнанник, - откуда, интересно? Любовник наплел? Так про ходы он не должен знать.

- Арви! Ну, неужели ты мог про меня плохо подумать? - укоризненно и нежно смотрела на брата Эста. - Лучше скажи, ты что-нибудь слышал про сестер Тишины?

- Конечно, кто про них не слышал, - небрежно усмехнулся он и резко напрягся, - ты же не хочешь сказать?!

- Хочу, - печально кивнула она, - в то время это было самое безопасное место. Ты же знаешь, что настоятельницы монастыря Святой Тишины никогда не вмешивались в политику, не подчинялись королям и никого не выдавали. Я прожила там двенадцать лет, Арви, и два года назад сама похоронила матушку. И научилась всему, на что хватило моих способностей и сил. А несколько дней назад, выходя из монастыря, сама выбрала тот контракт, который просто не могла не взять. Я здесь на службе и вчера выследила, как Седерс выходил из той двери, что в подвале. Но тогда я его не узнала, поняла, кто это, только сейчас. Раньше Сед был рыжим.

- Демон, - нахмурился Арвельд, - я слышал, что это не такая уж безопасная профессия, наемница из монастыря. И уж, конечно, тебе она совершенно не подходит, Лэрнелия. Что нужно для закрытия твоего контракта? Чтобы мы отсюда ушли? Хорошо, сегодня же ночью мы уйдем. Ты еще ничего не рассказала Герту? И почему его дружок тебя лапает?

- Арви... - нежно протянула девушка, рассматривая его сияющими глазами, - я тебя всегда обожала, и ты не стал ни на каплю хуже. Я тебе все расскажу, только выполни одну мою просьбу.

- Только не проси невыполнимого, - помрачнел Арвельд. - Ты же, как сестра Тишины, не можешь не знать, что король пока ни для кого не подписал помилования.

- Конечно. И понимаю, почему вы с Седом тут скрываетесь. Значит, больше нигде. И даже могу предположить, что вас не двое, а больше. А раз вы вспомнили, кто вы такие, и ушли из-под надзора, значит, вспомнить вам помогли. И, разумеется, не за просто так.

- Ты стала очень умненькой, - хмуро похвалил Эсту старший брат и, не удержавшись, нежно погладил ее по голове и вздохнул. - А вот волосы стали не такими мягкими.

- Нет, - счастливо рассмеялась монашка, - неверно. Это сверху шиньон. А мои такими и остались, только много короче, локоны пришлось отрезать. Ну а поумнеть пришлось, хотя теперь я зовусь глупышкой.

- Дурацкое название. Ну, говори твою просьбу, но я ничего не обещаю.

- Арви... поговори с ним. Просто поговори, поверь, Герту пришлось не слаще, чем нам. В тринадцать лет остаться одному... под надзором солдафона, растившего из него себе зятя... и ведь Геверт ничего не знал ни о ком из нас. Матушку последние годы поддерживало только одно, что он жив и что у него не отобрали титул и замок. Ты же помнишь, наказывали всех без разбору с четырнадцати лет. Но ему и без этого хватило наказания, бесконечные приказы и проверки стального Олта, женитьба на девушке почти в два раза старше. И потом ее гибель... он тяжело это перенес.

- Лэни... я и правда не один. И не хочу его ни во что ввязывать. А Змея мы отсюда выживали, потому что он слишком дотошный и во все лезет. Да и подозрительный, как хореk. Вот и хотели, чтобы Герт его убрал... оставил в своем столичном доме или отправился туда с ним сам. Поэтому я не стану с ним разговаривать... Лэни?! Ты куда смотришь?

- Поздно. Надень маску... или нет. Обними меня, тогда мне будет легче.

- Зачем? - не понял Арвельд и вздрогнул, услышав донесшийся из коридора грохот выбитой двери. - Демон, мне нужно бежать, я тебя найду, принцесса.

Глава 19

Изгнанник на миг крепко прижал к себе сестру и хотел вскочить, но она обхватила его за шею и вцепилась в воротник так крепко, как утопающий в спасителя. Не желая делать девушке больно, Арвельд попытался оторвать ее от себя, по одному разжимая тонкие пальчики, но Эста не сдавалась, снова и снова перехватывая грубую ткань.

Внезапно что-то тяжелое ударило в дверь, и он уступил. Перестал бороться с сестрой, наоборот, нежно обнял и спрятал лицо у нее на плече.

- Он не сильно испугается, если увидит меня таким? - Тихий и усталый смешок брата резанул глупышку по сердцу. Он еще и шутит!

- Скоро ты не будешь таким, я обещаю. Я сделаю все, чтобы помочь, для вас никто не сделает больше, поверь. Только не спорь сейчас со мной, я знаю, что нужно ему сказать.

- Ну, хорошо, - вздохнул Арви, - только ради тебя. Ну и ради него, конечно.

Одна из ручек с треском оторвалась от двери, и створки с грохотом распахнулись.

- Не двигаться! - рявкнул Змей, первым врываясь в комнату, и потрясенно застыл, обнаружив, что их монашка жарко обнимает совершенно незнакомого ему мужчину, непонятно как проникшего в этот замок.

- А мы и не двигаемся, - кротко сообщила Эста, старательно не поворачивая головы.

Не хватало еще, чтобы граф разглядел ее истинный облик и случайно сравнил с Гевертом или каким-нибудь семейным портретом. Арви верно сказал, он упрямый и дотошный, и если начнет копать, то много чего накопает себе на голову. А в это дело чужих лучше не вмешивать, хотя кое-что ему сказать все-таки придется. Но, разумеется, вовсе не правду, и далеко не всю. Чем меньше будет знать, тем для него же лучше.

- Ну, кого нашли? - Геверт наконец прорвался в комнату через строй прикрывавших его стражников и застыл на пороге. - Эсталис? Что вы здесь делаете?

- Ваша светлость, - самым тихим и кротким голоском попросила Эста, - прикажите всем уйти... и графу тоже. Мне нужно вам сказать кое-что важное по поводу того документа, который мы читали час назад.

- Но, может, вы сначала все-таки отпустите лазутчика? - ледяным тоном, в котором кипело бешенство, осведомился Змей.

- Нет, - твердо заявила Эста, - ваша светлость, отдайте команду всем уйти. И еще: если ваши люди успели схватить Лаутра Харбези, пусть приведут его сюда.

- Герт, - предупреждающе процедил Змей, - не стоит этого делать!

- Не бойтесь, ваша светлость, это просто недоразумение, - упорно стояла на своем девушка, - вы скоро убедитесь, что произошла страшная ошибка и ваш стражник предан вам по-прежнему.

Охранники, внимательно прислушивавшиеся к этим переговорам, начали переглядываться с хитрыми ухмылками, уверившись, что верно поняли, чем здесь занимается шустрая чтица и почему никто не видел, как попал в замок этот чужак. Так Лаутр же и привел, что тут еще думать! Он имеет право свободного входа и выхода за ворота, и именно он пропускает в замок торговцев и гостей. Вот и провел потихоньку дружка этой чтицы, потому-то Змей так и бушует. Он же вчера с нее глаз не сводил!

- Хорошо. - Несколько секунд полюбовавшись на обнимавшую незнакомца монашку, Геверт сообразил, что ситуация из непонятной и угрожающей начинает становиться смешной, и если он сейчас ни на что не решится, то станет героем вечерних пересудов. - Приведите его сюда и подождите все в коридоре. Извини, Дагорд, и ты тоже.

Змей язвительно фыркнул и, резко развернувшись, вышел из комнаты, стражники поспешили за ним, предварительно втолкнув в гостиную лишенного оружия и пояса Лаутра Харбези со связанными за спиной руками.

- Пусть отойдут и закроют двери, - продолжала командовать Эста, копаясь в кармане.

Наконец оттуда был извлечен кусок кружева, которым девушка ловко прикрыла лицо и посмотрела сквозь вуаль на замершего в ожидании герцога.

- Сначала разберемся с Лаутром. Присмотритесь к нему, ваша светлость, если перекрасить его волосы в рыжий цвет и добавить светлые усики, стражник никого не будет вам напоминать?

- В рыжий цвет? - недоумевающе прищурился Геверт, - и светлые усики? Я попытаюсь, хотя у меня не очень хорошая память на лица.

- Тогда так. - Девушка легко поднялась с дивана и, подойдя к мрачно взиравшему на нее пленнику, решительно сорвала со своей головы накладные локоны.

Затем достала из кармана маленькие ножнички и уже знакомую наблюдавшему за этой процедурой Арвельду баночку с кремом и, безжалостно отрезав один локон, кремом прилепила его под носом Лаутра. А в следующий миг нахлобучила ему на лоб свой шиньон.

- Что? - Геверт даже головой помотал от неожиданности. - Не может быть! Седерс! Но ведь ты же погиб!

- Как вы сами видите, ваша светлость, он жив и здоров и, как прежде, служит вашему роду, - забирая свой шиньон и испорченный завиток, заявила монашка. - Можете приказать вывести его за дверь и развязать, у меня есть для вас еще новости.

- А он не сбежит? Ведь почему-то не открылся мне раньше?

- Нет. Не сбежит, - уверенно пообещала Эста, - ему очень интересно узнать, чем закончится наш разговор.

- Мне уже тоже, - отводя стражника к двери, отозвался герцог и приказал дежурившим в коридоре охранникам: - Развяжите его и верните оружие. Он ни в чем не виновен.

- Спасибо, - с чувством сказал Седерс и твердо добавил: - Ваша светлость.

- Спасибо тебе за службу, - печально усмехнулся Геверт и так же уверенно продолжил: - Лаутр Харбези. А вы все можете идти по местам.

Захлопнул двери и подошел к сидевшему на диване незнакомцу, прячущему лицо за полумаской.

- Садитесь, ваша светлость, - мягко указала на стоящее напротив кресло Эста и раздвинула занавеси, подняв облако пыли, - уф, ну и грязи тут. Но так хоть немного светлее. А теперь присмотритесь внимательно к этому человеку, Геверт.

- Но он же в маске... - пристально изучая все, что не скрывал кусок замши, вздохнул Герт и вдруг начал бледнеть, - нет... этого не может быть! Отец был намного старше...

- Я всего лишь похож на него, Герт, - не выдержав, нервно сглотнул Арвельд и опустил маску.

- Арви?! - Его светлость ошеломленно смотрел на брата, не веря своим глазам. - Арви! Ты жив... слава святым духам...

Он сорвался с кресла и ринулся к поднимавшемуся навстречу брату, вцепился в него так же крепко, как недавно Эста, и сначала молча держал в объятьях, затем потискал и похлопал, тут же сполна получив все это назад.

- Откуда ты? Как попал в замок? Нет, не отвечай, я и сам уже понял, это Седерс тебя провел. И ничего мне не сказал, подлец!

- Ему было запрещено, поверь, мы хотели, как лучше. А теперь... - вздохнул Арвельд, украдкой стирая слезинку, и оглянулся на Эсту, - посмотри внимательно на эту девушку. Снимайте свою тряпку, дорогая глупышка.

- Одну секундочку. - Девушка что-то стремительно дописала на маленьком листке бумаги, вложила его в постоянный пенальчик и сунула в карман. - Извини, но время сейчас дорого.

- Почтовая башня все равно в Адервилле, - насмешливо напомнил Геверт.

- У меня в сундуке есть своя пирамидка, - открыла еще одну тайну глупышка, прошла к дивану и села рядом с Арвельдом, одновременно снимая с лица шарфик. - Надеюсь, теперь вы простите мне все прошлые дерзости, ваша светлость?!

- Я и не обижался... - строптиво проговорил Герт и смолк, разглядывая девушку неверящим взглядом.

- Как ты думаешь, Арви, он не упадет в обморок?! - с задумчивым лукавством осведомилась Эста, кладя голову на плечо брата.

- Я сам чуть не упал, - неожиданно признался Арвельд, ласково глядя ее по волосам. - И правда, твои волосы, как шелк. Жаль, что обрезала.

- Но этого не может быть! - несчастно выдавил Геверт. - Они же утонули в тот день в Тогре! Демон! Я же им с матушкой даже плиты в семейном склепе поставил!

- Мы знали, - печально улыбнулась ему Эста, - матушку очень растрогала надпись. И она чрезвычайно переживала, Герт, когда ты потерял жену и ребенка. Мы обе переживали. Но матушки уже два года нет... и на ее могиле стоит маленькая копия твоей плиты, так она завещала.

- Лэни... - Герцог, наконец, решился сесть рядом с ней и осторожно коснуться сначала ее щеки, потом погладить по волосам и, только убедившись, что это действительно сестра, с плохо скрытой обидой спросил: - Но почему вы не приехали сюда?

- Думаю, потому, что стальной Олтерн выдавал замуж за преданных гвардейцев всех вдов и дочерей знатных мятежников, - хмуро проронил Арвельд, - и монастырь действительно был единственным местом, где можно было этого избежать.

- Ты прав, - подтвердила Эста. - Даже здесь до сих пор живут его шпионы, неужели Седерс их не определил? Он ведь всегда был таким хватким.

- Определил и даже нашел способ выжить двоих. Остался только один, но за ним мы постоянно следим.

- Демон... - снова резко побледнел Геверт, вспомнив про контракт, - вот почему мне так не нравился этот договор! Лэни, а может, не поздно его расторгнуть?

- Ты шутишь? Да Олтерн тебе этого никогда не простит! Всем нам не простит и будет жестоко мстить. И к тому же контракт я уже выполнила, и мне придется пожить в его дворце всего один день.

- А потом он заставит тебя принять новый, ты не забыла про уточнение?!

- А ты забыл про мое. Если мне не понравится, я его не возьму. Давай не будем портить последние минуты спором, Герт? Просто посиди рядом, я так давно мечтала посидеть между вами... и жаль, что пока нельзя привезти отца. Это он не помнит своего имени и прошлого, а те, кто присматривает за мятежниками, помнят все.

- Отец жив? - Его светлость онемел, потом с чувством выдохнул: - Какое счастье! Мне так надоело разбираться в делах и судить преступников. Арви, надеюсь, с меня, наконец, снимут этот хомут?

- Не надейся, - покачал головой старший. - Я беглец и потому тут прячусь уже два года... и пытаюсь выжить из замка твоего ушлого советника, пока он нас не нашел и не выдал королю. Ты же знаешь, что в тот момент, как его старшие братья и кузены сражались на стороне заговорщиков, Дагорд служил в одном из самых преданных королю полков?

- Но его все же лишили тогда поместья, хотя и оставили титул, - уточнил Герт и

скрипнул зубами. – Как мне все же не хочется, чтобы Лэни уходила к Олтерну! Может, что-нибудь придумаем?!

– Не будем об этом больше говорить, – решительно пресекла возвращение к этой теме монашка. – И зови меня Эста. За двенадцать лет я привыкла. А сейчас прикажи принести сюда мой сундук и саквояж, и пусть это сделает не Змей. И пока их несут, мы сможем немного поговорить, вспомнить прошлое... потом я попрошу разрешения привести Арви, и мы уйдем.

– Куда привести? – насторожился старший брат, следя, как Геверт идет к двери.

– В монастырь. Ты никогда не мечтал побывать в женском монастыре? Не смотри так, – засмеялась Эста, – это всего лишь шутка. При монастыре есть целитель... и комнаты для его пациентов расположены в бывших камерах для преступников. Никто не увидит, как ты придешь и как уйдешь. И никто тебя потом не узнает, поэтому сейчас нужно придумать знак или лучше вопрос, на который не сможет ответить никто, кроме нас.

– Лэни... спасибо, но я не могу. Я не один, и я в долгу перед тем, кто вернул мне память. Поверь, это было ужасно, в один прекрасный день проснуться и понять, что девять лет ты не жил, а спал, а в это время твоим телом нагло пользовался какой-то мужлан, обожающий крепкое пиво и незатейливые развлечения.

– Нет, Арви, ты не прав. Поверь, я отлично знаю, что такие долги нужно оплачивать, и не собираюсь тебя от них прятать. Но с новым, лишенным шрамов лицом ты гораздо больше сможешь сделать для своего хозяина... Назвать его благодетелем не могу, да и не желаю. И это займет всего несколько дней, а вы прячетесь тут почти два года. Если хочешь, напиши ему, спроси разрешения. Сейчас принесут сундук, и сразу отправишь. А потом вернешься, и Герт примет тебя управляющим.

– А как я все объясню Змею? И Седерсу? – задумался вернувшийся Геверт.

– Пусть Арви сам объяснит Седерсу, можешь его позвать, думаю, он поблизости. – Эста понимала, что брату нужны время и душевные силы принять все, свалившееся на него сейчас. – А Змею расскажешь после нашего ухода байку, будто бы это твой старый друг, которому нужно было убежище. И Сед потому и устроил его здесь тайно, чтобы тебе не пришлось за него отвечать. После переворота все напуганы и на воду дуют. Ну, а про меня еще проще, контракт отработала и ушла, как положено по договору.

– Лэни... прости, Эсталис, но ведь он обидится. Ты и сама это понимаешь.

– Герт, возможно, он и обидится, но это пройдет. А вот если мы расскажем ему правду, то он обязательно захочет влезть в наши дела... и рискует снова потерять свое имение и титул в придачу. Кстати, Арви, как тебя сейчас зовут?

– Маст, но это просто кличка.

– Нам сейчас и ее довольно, – уверенно кивнула девушка и, заслышав за дверью шаги Седерса, торопливо прикрыла лицо кружевной вуалью.

А уже через несколько минут, когда Арвельд обо всем договорился со своим верным телохранителем, а Эста получила разрешение привести в монастырь пациента, они встали рядом, и старший брат, держа в одной руке сундук, другой крепко обхватил ее за талию.

– Не расстраивайся, Герт, он скоро придет. – Девушка нежно чмокнула его светлость в щеку на прощанье и сломала порталную капсулу.

– А ты?

Не услышанный глупышкой вопрос повис в пыльной пустоте одной из комнат, в которые Геверт не мог спокойно входить после того страшного дня, когда в одночасье потерял всю семью.

Глава 20

Верхняя площадка порталной башни монастыря Святой Тишины встретила гостей морозящим холодным осенним дождем и темной бесформенной фигурой, замотанной в серый плащ. При ближайшем рассмотрении фигура показалась Арви скорее женской, чем мужской, и это его внезапно успокоило, хотя беглец и не сомневался в том, что сестра не предаст. Просто слишком уже въелась за последние годы в душу привычка все и всех проверять по нескольку раз и внезапно резко оглядываться на спутников, даже если нет никакой причины им не верить. Женщина несколько секунд ответно рассматривала гостей, затем молча махнула рукой, приглашая следовать за собой, и Эста первой скользнула вперед, под крышу, прикрывающую вход на лестницу.

Арви поудобнее подхватил сундук и пошел следом.

– Поставь сундук туда, – остановилась Эста возле глубокой ниши в стене, едва они прошли до первой площадки лестницы, – здесь мы расстанемся. Но я постараюсь еще прийти или написать письмо. И ты пиши, вот тебе пенальчик. А пирамидка там есть. И не волнуйся, все будет хорошо.

Сестра обняла его, на миг прижалась щекой, влажной от дождя, точнее, он предпочитал так думать, и легко побежала вниз по лестнице.

Сбоку раздался едва слышный скрип, и Арвельд обнаружил, что отворилась узкая потайная дверь. Бывший герцог хмуро усмехнулся и решительно шагнул туда, успокаивая себя тем, что выбора у него все равно нет. Как не стало его в тот самый момент, когда он начал узнавать знакомое с детства лицо и услышал рассказ про то, чего не мог знать никто, кроме Лэрнелии. Он заранее понимал, что сделает все, чего она ни потребует, слишком много стало в голосе Лэни материнской уверенности и энергичности. Это делами, пастбищами, торговыми сделками и охраной отец занимался сам, а весь замок, слуги и хозяйственные дела всегда были в твердой ручке их такой хрупкой и изящной матушки. Отец, высокий и плечистый, как воин, обожал ее, носил на руках, когда думал, что никто не видит, заваливал охапками самолично сорванных цветов и становился рядом с матушкой послушным и одновременно озорным, как мальчишка.

Арви недоуменно окинул взглядом крохотную комнатку, в которой очутился, и озадаченно нахмурился. Чуть больше собачьей будки, и нет ни окна, ни двери, кроме той, что закрылась за его спиной. Встречавшая их монахиня, открывшая гостю потайной проход, осталась снаружи. Пол под ногами опального герцога внезапно дрогнул, он от неожиданности схватился рукой за гладкий камень стены и обнаружил, что тот неумолимо уползает вверх. Через несколько секунд Арви убедился, что находится в подъемном устройстве, которое неспешно несет его вниз.

Время замедлилось, подарив возможность обдумать происходящее и взвесить правильность уже принятого решения, и постепенно Арвельд пришел к твердому убеждению, что Лэрнелия была совершенно права. В его положении иметь лицо, которого не знает никто, это огромное преимущество, и если еще удастся достать несколько рекомендательных писем и придумать убедительную историю, можно будет попытаться проникнуть туда, куда еще утром он попасть и не мечтал.

Пол наконец снова дрогнул и остановился, Арви уверенно шагнул вперед, когда перед ним распахнулась окрашенная под камень широкая дверь и возник длинный тоннель, слабо освещенный заключенными в стеклянные шары светящимися водорослями.

Через некоторое время тоннель резко свернул и привел Арви в просторную комнату, светлую и уютную. В большом камине горели дрова, на столе стояли блюда с едой и кувшины с питьем.

– Добрый день, – мягко поздоровался сидевший за столом немолодой мужчина в сером свободном одеянии, – садитесь ближе, вам нужно плотно поесть. Потом я усыплю вас и не менее двух дней буду постепенно убирать эти шрамы, которые на самом деле не имеют ничего общего с ударами клинка или цепи. Это специально нанесенный знак, и делают его особым клеймом.

– Я уже догадался об этом, – кивнул Арви, садясь к столу, – мне интересно, насколько они глубоки и останутся ли следы.

– Про это я пока ничего не могу сказать, нужно проверять, – подливая пациенту отвар, пожал плечами целитель, – а вот о том, каким бы вы хотели себя видеть, сейчас как раз самое время поговорить.

– Каким? – Арви на миг задумался, потом посмотрел на наблюдавшего за ним целителя и вдруг отчетливо понял, что это одна из тех проверок, что когда-то устраивал им с Гевертом отец. – Я не знаю. У меня еще утром не было такой возможности, и потому я не успел ничего продумать. Если вам не трудно, дайте совет.

– Ну что же, – приглядевшись к лицу Арвельда как-то по-особому, задумчиво произнес целитель, – ваша прямота и одновременно осторожность мне нравятся. Я, если честно признаться, не очень люблю, когда пациенты желают стать неотразимыми красавцами или вместо родного круглощекого лица получить благородный утонченный овал. Давайте так: вы мне просто доверитесь, а я все решу, когда уберу шрамы. Но сначала один вопрос: насколько вы не желаете стать похожим на себя прежнего?

– Ровно настолько, чтобы никто не смог узнать с первого взгляда. А походка, осанка и манера держаться у меня за несколько лет и сами изменились до неузнаваемости.

– Все понятно, – кивнул целитель и подвинул тарелку к Арви поближе, – вы ешьте, ешьте. В этих блюдах особая приправа, она восстанавливает силы и способствует регенерации.

Говорить, что там еще изрядная доза снотворного и обезболивающего, хозяин комнаты предусмотрительно не стал, зачем зря тревожить пациента?

– Сначала умоешься или поговорим? – Настоятельница сидела в своей любимой гостиной под портальной башней, и Эста знала, ради чего матушка бросила все дела и примчалась сюда.

– Лучше поговорим, потом буду спокойно собираться. Что мне рассказать, кроме того, о чем я написала?

– Как твой старший брат?

– Держится мужественно, настроен честно отслужить за то, что ему вернули память, но чувствуется, что его сильно ударило осознание, кем он был девять лет. Потом он с несколькими подобными ему изгоями скрывался в приграничье, ожидая, когда их оружие потребуется новому хозяину, а когда Седерс получил повышение до старшего стражника, они по одному перебрались в замок и жили в потайных комнатах, где мы с матушкой и служанками скрывались, когда в замок ворвались королевские гвардейцы. Двоих Седерсу удалось устроить на место выдворенных слуг.

– А как тебе понравился Олтерн?

– Никак не понравился. Несмотря на то что по отзывам и действиям является хитрым и очень осторожным политиком и интриганом, на деле оказался вспыльчивым и обидчивым. А также склонен к провокациям, жульничеству и подвержен приступам ярости.

– Все это верно. Но он самый преданный слуга короля и принца. Кстати, ты знаешь, куда поехала Роза?

– Конечно, я же видела тот список, – и не подумала отказываться Эста.

– Ну и хорошо. Я пошлю ей указание прикрывать тебя по возможности. Кем ты поедешь к герцогу?

– Ему же нужна была тихоня? Вот ею и отработаю.

– Хорошо, я распоряжусь, тебе приготовят сундук и набор. Что ты истратила?

– Пеналы, один дала брату, капсулы, иголку с сонным зельем, немного зелья для приручения ирбиса.

- На кого иголку?

- На Змея. Не хотел оставаться в моей спальне.

- Жаль. Он лучший, кто мог бы стать твоим мужчиной. И после никаких планов бы на тебя не строил.

- Я так и подумала, - невесело усмехнулась Эста, - но у него слишком большой опыт. Он меня раскусил, а потом проявил благородство.

- Ну, вот от него я такого не ожидала, - изумленно вздохнула настоятельница, - оказывается, он действительно повзрослел. Как он воспринял твой уход?

- Не знаю. Герт сам ему сообщит, я постаралась держать Змея в стороне. Он лучший охранник и друг Геверта, и мне хотелось, чтобы он им и остался.

- Неужели было подозрение, что он встанет перед выбором? - задумчиво покосилась на воспитанницу матушка.

- Я очень старалась, - неожиданно хмуро призналась Эста и вздохнула, - надеюсь, у него даже малейшего желания не возникло.

- Хорошо бы тебе это вправду удалось, - с таким же хмурым вздохом ответила ей монахиня, - ну иди, твоя комната свободна. Умывайся, собирайся, обед тебе принесут. Два часа тебе хватит?

- Конечно, - улыбнулась Эста и решительно встала с места, на самом деле ей выделили не так уж много времени на все, что предстоит сделать.

- Неплохо, - ровно через два часа одобрила мать-настоятельница, придирчиво осмотрев девушку, - именно то, что нужно. Как я поняла, ты намерена взять у Олтерна следующий контракт?

- Ты как всегда права, матушка, - насмешка лишь тенью блеснула в глазах Эсты, хотя отныне она по правилам ни в чем не зависит от монастыря, но нужно быть по-настоящему глупой, чтоб на самом деле отвернуться от тех, кто столько лет не жалел для тебя ничего.

- Значит, уже решила, что попросишь в оплату?

- Попытаюсь поторговаться, - откровенно сообщила Эста, - уж слишком он запуган.

- Но не надейся, что тебе удастся так же легко разобраться в его делах, как с прошлым контрактом.

- Я бы и там быстро не разобралась, если бы так много не знала загодя, - честно призналась девушка, - а изгой значительно бдительнее бы за мной следили, если бы знали, кто я. Так что не волнуйся, я постараюсь быть осторожной и буду посылать письма каждый день. Если сумею, то два раза.

- Надеюсь, ты помнишь, что этот замок еще более древний, чем у твоего прежнего нанимателя?

- Я просмотрела все чертежи, - понимающе улыбнулась Эста, настоятельница так свято следовала своим правилам, что даже ей не стала говорить в отрывтую того, о чем воспитанница догадалась и сама.

В замке Эфро ничуть не меньше потайных ходов, чем в Адере. Но вот секреты стоящих в них ловушек не известны никому.

- Держи. - Матушка сняла с пальца тройной ободок простого кольца, изображавшего крошечную змейку с изумрудными глазками. - Надеюсь, не пригодится.

- Спасибо... - Эста даже задохнулась от неслыханной щедрости этого дара. - Я тоже надеюсь.

И, подчиняясь повелительному кивку настоятельницы, подхватила свой багаж и сломала капсулу, мгновенно присланную герцогом Эфройским в ответ на уведомление о том, что некая особа, имевшая честь встречаться с его светлостью после завтрака, готова погостить в замке Эфро.

Глава 21

Яркое солнце, заметно склонившееся к западу, на миг ослепило девушку, оказавшуюся на верхней площадке незнакомой порталльной башни.

Но уже в следующий момент, порадовавшись, что в этой должности ей положено постоянно носить темную вуаль, Эста рассмотрела и непривычно высокие стены, и решетку, и стоящих за ней стражников.

– Добро пожаловать, – с почти нескрываемой иронией сообщил знакомый голос, и советник предложил наемнице руку, одновременно приказав телохранителю забрать багаж.

Эста молча и уверенно взялась за его локоть и так же твердо прошествовала рядом с самым влиятельным мужчиной королевства по удобным ступеням лестницы, отгороженной вместо перил ажурной решеткой, поднимающейся до потолка.

Затем герцог провел ее по такому же удобному и довольно просторному коридору, щедро освещенному лампами, в которых горело ароматное масло редких деревьев, и, наконец, широко распахнул перед долгожданной «гостьей» дверь в не очень просторную, но невероятно уютную комнату.

Изысканная и одновременно прочная мебель из мореного дуба, светлая кожаная обивка диванов и кресел, мягкие яркие шали вместо пледов и такие же яркие подушки делали комнату по-летнему нарядной.

– Прошу, – иронично поклонившись, указал девушке на кресло советник и опустился в похожее, расположившись спиной к окну и продолжая разглядывать так неожиданно пришедшую монашку, хотя успел по дороге заметить все детали ее нового облика.

Темно-серое платье из мягкого кашемира, со свободной, но неширокой юбкой, длиной чуть выше щиколотки, подпоясано кожаным ремнем. На этой, совершенно не женской по виду вещице висит несколько кошель из хорошо выделанной кожи, прошитой серебряными нитями и не украшенной ни единым камушком или завитком вышивки. Из-под платья выглядывают черные сапожки без каблука, но на шнуровке, на голове – маленькая облегающая шляпка, похожая на чепчик без завязок, если бы не закрепленная на ней пышным бантом густая вуаль, скрывающая даже подбородок. И завершают этот наряд темно-серые же замшевые перчатки, тоже прошитые серебряными нитями.

Девушка также молча прошла к креслу советника и встала с правой стороны, чуть позади хозяина дома.

– Эсталис! – приподнял бровь Олтерн, и тихоня довольно усмехнулась, похоже, ей все же удалось удивить герцога. – Что это значит? Вы хотите дать понять, что теперь всегда будете там стоять? Но это преждевременно, давайте сначала поговорим. Не волнуйтесь, в этой комнате никого нет.

Как он все же наивен, едко фыркнула про себя Эста, надеется перехитрить ту, кто слышит даже дыхание стражников за дверью! Но раз он хочет поговорить, пусть сначала убедится, о чем именно.

Девушка неслышно скользнула к одному из шкафов, приоткрыла дверцу и, сжав в пальцах, быстро швырнула туда вытащенную по пути из потайного кармана сухую горошинку. А затем снова захлопнула дверцу и повернула в замке ключик.

И также бесшумно вернулась на место.

– Эсталис, – подозрительно оглянулся на нее герцог и, нахмурившись, поинтересовался: – Что ты сделала?

Сестра Тишины даже не шелохнулась. Да и зачем? Тут объяснения лишние, он сейчас и сам все поймет.

И действительно, через секунду в шкафу послышался шорох, еще через две возня,

становившаяся все громче, потом сдвленное, явно с трудом сдерживаемое чихание. Через несколько секунд затаившийся в шкафу шпион уже чихал, не скрываясь, шмыгал носом, хрипел и ворочался так, что основательные дверцы шкафа начали подергиваться и скрипеть.

– Демон, – скрипнул зубами герцог и попытался встать с кресла, но тонкая ручка монашки с неожиданной наглостью и твердостью удержала его за плечо и красноречиво указала на висевший рядом шнур колокольчика.

Олтерн немедленно за него схватился, и в следующий момент в гостиную вихрем ворвались трое гвардейцев.

– Откройте шкаф, – указал им герцог, и еще через несколько секунд они уводили из комнаты чихающего, сморкающегося и рыдающего телохранителя.

– Как я понимаю, – холодно поинтересовался Олтерн, расслышав, как чихнул еще один из его верных охранников, – нам тоже лучше отсюда уйти?

Эста только скромно кивнула, не рассказывать же ему, что она могла бы и остаться, сквозь пропитанную особым раствором вуаль ее не проберет никакая перчаточная пыль.

Герцог не стал ни медлить, ни испытывать судьбу. И даже не подумал ждать новую охранницу или снова предлагать ей руку. Вскочил, быстро выхватил из кармана свернутый в несколько раз большой батистовый платок, прикрыл нос и рот и стремительно покинул комнату.

Эста следовала за ним, не отставая ни на шаг. Они промчались по коридору, спустились по лестнице на следующий этаж и, миновав очередную пару гвардейцев, остановились у дверей.

– Это твои комнаты, – убирая платок, сухо объявил герцог, начиная злиться на молчаливую наемницу, – напротив – мои. Где будем разговаривать?

Девушка, ни секунды не колеблясь, распахнула двери его покоев и, прежде чем сделать первый шаг, бросила осторожный взгляд на выскользнувший из-под просторного рукава браслет. А затем сделала жест рукой, предлагая хозяину войти первому.

– Похоже, я не очень переплатил, – хмыкнул Олтерн и, прежде чем войти, быстро что-то нажал на стене рядом с дверью, и не подозревая, что и жест, и место, которого он коснулся, монашка больше никогда не забудет.

Герцог прошел к своему любимому креслу, опустился в него и приготовился к тому, что тихоня снова встанет рядом с ним. Однако Эста и не подумала оправдывать его ожидания. Девушка медленно обошла комнату, изучая обстановку и старательно крутя головой во все стороны, чтобы Олтерн не заметил ее взглядов на браслет. Затем так же осторожно рассмотрела двери соседних комнат и села на один из стульев, предварительно переставив его на другое место.

– Почему ты молчишь? – напрасно подождав несколько секунд, раздраженно осведомился герцог.

– Я буду спать тут, – невозмутимо заявила монашка.

– Вот как? – нехорошо усмехнувшись, заинтересовался он. – А можно узнать, какие у тебя еще планы? И почему у герцога Адерского ты спала в комнатах рядом с его покоями, а не в его спальне? Ну? Снова молчишь? А если я не соглашусь?

Эста красноречиво пожала плечами.

– Это значит, тебе все равно. Ну что ж, ночуй, где хочешь. Только объясни, что нужно сделать моим людям, чтобы перестать чихать?

– Исккупаться.

– Понятно. – Олтерн дернул за шнурок, и в тот же миг монашка сорвалась со стула и оказалась за его правым плечом. – Демон! Если ты будешь так быстро подбегать, я могу

неправильно среагировать и нечаянно ударить тебя кинжалом.

Эста снова промолчала, пусть сначала достанет, и бдительно прислушалась к указаниям, выданным его светлостью.

Довольно быстро он согласился, чтобы она все время была рядом, Геверт спорил бы значительно дольше. Значит, и в самом деле очень боится, но чего? Как ни печально, но похоже, этой ночью ей снова не удастся уснуть.

– Эста, тебя не обижает, что я обращаюсь к тебе на «ты»? – осторожно поинтересовался герцог, искоса поглядывая на монашку, снова пересевшую на стул после ухода лакея.

– Нет.

– А тебе удобно будет спать здесь? Рядом с моей спальней есть еще одна, поменьше, и гардеробная, там стоит кушетка.

– Вечером посмотрим, – снизошла до объяснений наемница и предупредила: – Иду.

После чего снова оказалась на своем посту возле кресла. Олтерн едко усмехнулся: чего это она? Но уже в следующий момент, когда дверь в гостиную без стука распахнулась, начал подозревать, что веселился рановато.

Однако рассмотрев влетевшую в комнату женщину, схватившийся было за рукоять кинжала герцог мгновенно расслабился и откинулся на спинку кресла. Зато напряглась Эста, внимательно изучая бесцеремонную нахалку. О том, что герцог Эфройский давно и прочно женат на женщине с огромным приданым, знали все в королевстве, и так же хорошо было известно, что живет она в одном из своих поместий и в замке не появляется никогда. Зато в Эфро обитают ее фрейлины, и не просто проживают, а еще и постоянно воюют за внимание своего господина.

– Милый, – примчавшаяся дама могла бы казаться красивой, если бы догадалась не портить собственные локоны модной в этом сезоне жгуче-черной краской и щипцами и не вешать на себя столько драгоценностей, – я так соскучилась!

– Ты не вовремя, я занят, – с оттенком недовольства отозвался Олтерн, обожавший наблюдать, как женщины борются за его благосклонность. Он искренне считал, что это самая безобидная слабость, которую может себе позволить мужчина его статуса.

– Но я только хотела спросить: какого цвета платье приказать готовить к ужину? Прекрасно, если мы будем одеты в цвет.

– Полагаю... – задумался герцог и с изумлением почувствовал, как монашка положила руку на его плечо. – В чем дело?

– Нет, – еле слышно обронила Эста.

– Что нет? – насторожился Олтерн, подумал пару секунд и так же тихо предположил: – Не говорить, что я надену?

Все же он очень сообразительный, постановила монашка, утвердительно кивая.

– Вот как?! М-да, пожалуй, верно. Юсилена, прости, но я пока сам не решил.

– А это кто такая?! – Юсилена вовсе не была наивной, раз сумела завоевать право врываться в эту комнату по собственной прихоти. – Милый, я начинаю ревновать.

– Не стоит, – еле заметно усмехнулся герцог, – это просто моя новая телохранительница.

Пользуясь тем, что он не видит, Эста презрительно скривилась. Она не телохранительница. Хотя если нужно будет, сможет кое-что сделать. Она, скорее, сыщик, замаскированный под необычно одетую девушку. Но объяснять никому ничего не собирается.

– Что? Но разве у мужчин бывают телохранители-женщины? – разговаривая, фаворитка продолжала приближаться к господину, явно намереваясь устроиться рядом.

Однако едва ненатуральная брюнетка оказалась от Олтерна на расстоянии, которое Эста сочла недопустимым, монашка скользнула к ней и, ухватив за запястье, так ловко завела руку Юсилены ей за спину, что фаворитка не успела даже охнуть. Лишь ошеломленно вытаращила глаза, когда рука оказалась надежно примотана к поясу ее же, Юсилены, собственным бантом.

А в следующий миг ловкие ручки наемницы бесцеремонно обшарили карманы, корсаж, рукава, прическу и даже подвязки чулок фаворитки. А также все прочие места, где придворные дамы любят прятать свои запасы, наивно полагая, что до них никто о таком не додумался.

Несколько разнообразных флаконов и кошельков, дамский кинжал и остро заточенная пилочка для ногтей, моток бечевы и полумаска, несколько записок и почтовый пенал легли живописной кучкой на стоявший в стороне стол.

– Олтерн! – рассмотрев все, что считала надежно укрытым, наконец-то отмерла и выдохнула с праведным возмущением фрейлина. – Это как называется?!

– Это я хотел тебя спросить, как это называется?! – В голосе герцога зазвенела сталь, а его рука мгновенно дернула шнур звонка.

Эста тотчас оказалась у господина за плечом, и в этот раз не стала его предупреждать, пусть понемногу привыкает. Дверь снова распахнулась, влетели трое охранников, и двое из них были с еще влажными волосами.

– Уведите ее к Наерсу и прихватите все это, вон на салфетку сложите. Пусть посадит пока в одиночку и проверит все на яды да выяснит куда пенал.

– Дрянь, – с ненавистью глядя на Эсту, процедила фаворитка, – учти, я вернусь, и тогда ты за все заплатишь!

Сестра Тишины даже не шевельнулась, хотя могла бы дать фрейлине пару полезных советов. Нужно быть осторожнее, когда видишь незнакомого человека и не знаешь, чего от него можно ожидать. И тем более не стоит вести тебя так неосмотрительно, если привыкла таскать с собой кучу подозрительных предметов. Ну, а лучше все же никогда их не таскать, если не имеешь на то законного права.

– Как ты догадалась? – хмуро осведомился советник, когда за охранниками и его любовницей закрылась дверь.

– Тихони ни о чем не догадываются, – сочла нужным пояснить Эста, – просто проверяют всех, кто подошел ближе трех шагов.

– Ну, а как ты станешь проверять всех, кто подойдет ко мне во время ужина?! – заинтересовался герцог.

– Это ваша задача, – нехотя сообщила тихоня, – придумать, как пропускать на ужин только проверенных.

– Дать всему королевству повод сочинять байки и строить дурацкие предположения?! – В стальных глазах мелькнула злоба. – Нет уж.

Эста только пожала плечами. Она пока слишком мало знала, а советник не торопился посвящать наемницу в свои проблемы и тайны, явно памятуя о том, что она тут всего на один день. И предпочитал этот день потратить на то, чтоб присмотреться к ней и решить, сколько она стоит на самом деле. Впрочем, Эста намеревалась проделать то же самое и потому тоже не горела желанием выяснять ничего лишнего. Настоятельница не раз говорила, что иногда чужие тайны держат крепче цепей.

– Хорошо, – помолчав несколько минут, твердо постановил Олтерн, – я что-нибудь придумаю. А ты не бросайся обыскивать каждого, кто окажется рядом. Хотя должен сказать, что получилось у тебя отлично, вот только не верю я в служебное рвение людей, получивших оплату заранее. Поэтому отложим разговор на утро, а пока идем смотреть комнаты.

И снова Эста мысленно с ним согласилась, вывод он сделал верный, хотя шел к нему

неправильным путем. Но рассказывать, где именно герцог допустил ошибку, даже не подумала. Ей по должности вообще положено молчать, ничто так не отвлекает от наблюдения, как необходимость одновременно с этим разговаривать и отвечать на вопросы.

Комнаты оказались просторными и уютными, судя по всему, герцог любил жить удобно и красиво. И маленькая спальня, расположенная рядом с огромной хозяйской, была обставлена как комната для няни и кормилицы на случай появления наследника. Долго Эста не раздумывала, эта комната имела дверь в спальню герцога и проход к умывальне, а также в нее был проведен от изголовья хозяйской постели звонок. И все это было очень кстати.

– Пусть принесут сюда мои вещи, – сообщила девушка свое решение и увидела ехидную усмешку на губах советника.

– Ты не боишься за свою репутацию?

– Тихони не завязывают с хозяевами дружеских или любовных отношений и не оказывают подобных услуг, – на память отчеканила монашка, убеждаясь, как права была матушка, когда включила этот пункт в контракт.

– Вот как? А граф аш Феррез? – еще более едко поинтересовался герцог и вдруг, быстро шагнув к наемнице, сцапал ее за руку.

Точнее, это он считал, что делает все быстро и сможет сбить девушку с толку внезапно, как она недавно ошеломила его любовницу. На самом деле Эста ждала от него чего-то подобного и потому приготовилась заранее. И теперь спокойно и насмешливо смотрела на советника через вуаль, ожидая дальнейших действий.

– Мне давно хочется выяснить две вещи, – жестко заявил герцог, держа ручку девушки крепкими, как капкан, пальцами, – верно ли, что все монашки такие праведницы?!

Свободной рукой он выудил из внутреннего кармана странный амулет, сделанный в виде крохотного кинжальчика с рукояткой, выточенной из цельного, не знакомого Эсте камня, похожего на лунный. Держа амулет за серебряное лезвие, герцог приложил камень к жилке на запястье девушки и несколько секунд ждал, не сводя с него взгляда. А когда ничего не произошло, нахмурился и нехотя спрятал амулет на место.

– Ну и что вы определили? – Эста, с не меньшим интересом следившая за этой проверкой, просто сгорала от любопытства.

– Тебе это знать не нужно, – поджал Олтерн губы, но теперь желала поговорить бывшая монашка:

– Почему? Вы меня на что-то проверяете, и мне не нужно знать, на что? Хотя вам отлично известно, что уже прошло несколько дней, как я навсегда покинула монастырь и имею право ходить хоть в веселый дом. Тем более для вас не может быть тайной общеизвестная истина, что монастырь Святой Тишины – вовсе не Сангесская обитель невинных дев! И что именно у Тишины просят убежища и помощи все оскорбленные, униженные и обманутые жены, невесты и сестры! Так что тогда вы выяснили своей проверкой, если невинность телесная вовсе не является признаком, по которому девушек пропускают в ворота монастыря?!

– Именно так, – помрачнев, скрипнул он зубами, – но ваши сестры во всеуслышание заявляют, что в монастырь никогда не входят мужчины!

– И это истинная правда! Такая же святая, как Тишина! – твердо отчеканила Эста и осторожно попыталась освободить руку. – Вы узнали все, что желали?

– Нет, – секунду посверлив взглядом серую вуаль, резко ответил герцог. – Еще я хотел, наконец, увидеть лицо моей сегодняшней телохранительницы. – И бесцеремонно откинул с лица девушки кружево.

В тот же миг герцог резко отшатнулся и от потрясения выпустил руку наемницы.

- Тихони, а не телохранительницы, - мстительно процедила Эста, полюбовалась на приоткрытый рот советника, которого явно никто до нее в таком виде не наблюдал, и решительно вернула вуаль на место. - Хватит, полюбовались!

Глава 22

- Но зачем это?! - озадаченно выдохнул Олтерн.

- Это вы потому спросили, что еще не пришли в себя, - настала очередь тихони съязвить, - а чуть позже и сами сообразите. А теперь расскажите мне подробно ваш план на этот вечер, я должна к нему подготовиться.

- Ничего особенного, - еще злясь на монашку, что сумела его шокировать, сухо объявил герцог, - сейчас я иду в кабинет, мне нужно просмотреть несколько писем и продиктовать секретарю ответы, чай я пью там же, потом возвращаюсь сюда и переодеваюсь, затем малый прием, ужин и спать. Возможно, с кем-нибудь из фавориток.

- В кабинет я иду с вами, - тут же деловито постановила Эста, - и не волнуйтесь, к столу не подойду, посижу в сторонке. А вот по коридору буду ходить на два шага впереди, и если я встану, вы тоже обязаны немедленно остановиться.

- А если я не соглашусь на все эти правила? - испытующе рассматривал ее советник.

- Тогда от меня не будет никакой пользы, - отрезала Эста, - и в этом случае зря вы гонялись за мной по королевству.

Ответить он не успел, в двери гостиной вежливо постучали, и герцог обнаружил, что тихоня вмиг оказалась впереди него.

- Войдите, - разрешил хозяин, присматриваясь к тому, как она стоит.

Олтерн был опытным воином и в молодости надеялся больше на свое искусство мечника, чем на статус и охрану, и теперь просто не мог не понять с первого взгляда, что девчонка встала чуть расслабленно, сунув руки в спрятанные в складках мягкой ткани карманы, вовсе не от беспечности. Просто ждет, как бывалый охотник, откуда и кто именно может на нее напасть. И снова герцога уколола назойливая мысль о том, что немного осталось в королевстве замков и поместий, не проверенных его людьми, и монастырь Святой Тишины среди них первый.

- Мы вещи госпожи принесли. - Двое лакеев стояли в дверях, держа сундук и саквояж тихони.

- Поставьте и идите. - Голос монашки был тих и бесцветен, но что-то прозвучало в нем такое, что слуги выполнили ее приказ, не дожидаясь подтверждения Олтерна.

- Пусть бы отнесли в комнату, - недовольно поморщился герцог, не терпевший, когда кто-то при нем отдавал распоряжения его слугам.

- Интересно, зачем они несли мой багаж вдвоем? - не обращая внимания на советника, Эста осматривала сундук. - Хм, какие любознательные у тебя слуги!

- С какой стати ты начала говорить со мной, как с ровней?! - В голосе герцога отзвуком грозы прокатилось недовольство.

- Ты первый предложил, - не поднимая головы, завозилась со своим сундуком девушка, - с моей стороны это только знак согласия.

- Да?! Тогда почему ты не сразу начала так разговаривать?

- Просчитывала, - спокойно сообщила монашка, - выгодно мне это или нет.

- И оказалось, что выгодно? - Советник с интересом наблюдал за ее ловкими пальчиками, за тем, как девушка легко подхватила сундук и саквояж и понесла в свою комнатку.

Давненько ему не встречался такой интересный и необычный человек, смело выражающий собственные мысли и желания и при этом пытающийся доказать, что действует в интересах самого Олтерна.

- Не очень. Больше потерь, чем приобретений, - скептически фыркнула она, появляясь в

дверях, – а вот лакеев тебе придется предупредить, чтобы больше не пытались открыть мой сундук. В следующий раз последует наказание, и весьма строгое.

– Ты проносишь в мои комнаты сундук, полный неизвестно чего, – желчно ухмыльнулся Олтерн, споривший скорее ради желания услышать ответ тихони, чем всерьез страшась содержимого ее багажа, – и отказываешь моим слугам в праве проверить, нет ли там чего-то смертельно опасного?!

– Ваша светлость! – Монашка остановилась как бы в изумлении и даже руками всплеснула. – Ну неужели вы всерьез считаете, что самые опасные вещи я могу оставить в сундуке?!

– То есть, – пораженный этим простым объяснением, уставился на нее герцог, – они все при тебе?! И много там всего?

– Минут на пять продержаться, если внезапно нападут, хватит, – серьезно ответила девушка, – но все это в большинстве не смертельное, а ошеломляющее.

Олтерн вспомнил жуткое, в багрово-синих разводах лицо тихони, с которого как будто недавно живьем содрали кожу, и почувствовал, как по спине скользнул холодок при мысли о том, сколько таких сюрпризов может встретиться в монастыре Тишины. Похоже, правильнее будет отложить его проверку на самый крайний случай.

– Идем, – не желая больше затрагивать эту тему, сухо кивнул советник и шагнул к двери, ничуть не удивившись, что монашка тут же оказалась впереди.

Пусть идет, где хочет, но вот как ее представить гостям? Телохранительница – действительно звучит неудачно.

– Секретарю скажите, что я ваш новый сопровождающий писарь, – от самой двери оглянулась тихоня, словно угадав его мысли, – имя можете называть смело.

Значит, оно неистинное, утвердительно кивнув в ответ, задумался герцог, хотя этого и следовало ожидать. Кто же из женщин возьмется за такую работу под собственным именем?! Впрочем, это вовсе не недостаток, зато реакция и сообразительность у этой особы, как у опытного дознавателя. И значит, пока он не прогадал и не переплатил, хотя, если честно, ничего и не потерял. Просто отдал Геверту Адерскому и графу Феррезу уже подписанные указы, до времени затерявшиеся в его столе. Ну, а насчет будущего контракта решит все с утра. Хотя уже точно уверен, что отпускать глупышку, или, нет, тихоню, из замка он не собирается.

По коридору они прошли так, как она хотела, и вскоре Олтерн понял, что если отбросить ложное самолюбие, никогда особенно его не волновавшее, то следует признать, что девчонка права. Она приостановилась всего один раз, и он уже готов был пошутить, что ей со страху что-то померещилось, но тут из неприметной дверцы черного хода, которым пользовались лакеи, вышел один из слуг с корзинкой цветов в руках. Фрейлинам, жившим в противоположном крыле этого этажа, меняли букеты каждый день.

Кабинет находился этажом ниже, занимая не одну, а сразу три просторные комнаты и примыкающую к ним умывальню. Стол и кресло герцога находились в среднем помещении, и пройти туда можно было из комнаты секретаря, вторая дверь из которой вела в умывальню. Позади кабинета Олтерна располагалась его личная библиотека, в которой не было ни познавательных книг, ни любовных романов. Только своды законов и правил да исторические труды серьезных ученых, заслуживающие доверия и внимания советника.

Монашка подождала, пока Олтерн представит ее Занберу, уже почти двадцать лет бессменно служившему герцогу секретарем, и скромно устроилась в кресле, выбрав то, где ее не сразу обнаружил бы вошедший в дверь кабинета.

Некоторое время Занбер спокойно записывал указания господина и подавал на подпись заготовленные указы и письма, затем вскользь поинтересовался, не скучает ли госпожа Эсталис и не трудно ли ей написать несколько простых писем по заготовленному образцу.

– Госпожа Эсталис будет сопровождать меня на приемах и балах и записывать сведения,

которые у меня самого в такие моменты нет возможности записать, – строго заметил герцог, знавший за секретарем привычку оценивать людей по почерку и скорости написания писем.

– Если мне доверят, я с удовольствием напишу, – кротким голосом произнесла тихоня, в душе посмеиваясь над недоверчивым секретарем.

Пользуясь тем, что герцог занят чтением важного послания от командира тайной стражи, Занбер лично принес Эсте маленький столик и стопку бумаги, и девушка принялась за работу, стараясь писать не слишком быстро и красиво. Иначе секретарь обязательно найдет для нее работу, которую Эста вовсе не горит желанием выполнять.

Переписывая письма, тихоня старательно делала чрезвычайно занятой вид, сожалея о невозможности снять вуаль и продемонстрировать Олтерну сосредоточенное лицо человека, полностью поглощенного работой. Однако и без этого очень скоро поняла по обрывочным фразам и прозрачным намекам увлекшихся своими делами мужчин, что герцог опасается за свою жизнь не от скуки.

Когда принесли чай и неизменные свежие булочки с изюмом, которые Олтерн имел обыкновение есть с медом и маслом, тихоня успела оказаться возле стола на несколько секунд раньше лакея. И словно случайно протянуть руку с приготовленным письмом как раз в тот момент, когда поднос оказался на столе.

Салатный камень в ее браслете, один из самых ценных, остался нежно-зеленого цвета, и девушка поспешила извиниться и отступить, радуясь, что те, кого так боится герцог, пока не перешли к завершающей части своего плана.

Однако, к радости монашки, очень скоро выяснилось, что Олтерн тоже не собирается пренебрегать правилами безопасности. Достав из кармана уже знакомый ей артефакт, советник проткнул игрушечным узеньким лезвием каждую булочку и обследовал остальную еду.

И только после этого отпустил настороженно ждущего окончания проверки лакея.

– Эсталис, вам не трудно будет налить нам чай? – Стальные глаза посмотрели на девушку испытующе.

– Извините, ваша светлость, но обязанности слуг я не выполняю, – твердо сообщила монашка, складывая на край секретарского стола выполненную работу.

– Тогда вам придется остаться без чая, – проворчал возмущенный такой наглостью Занбер, берясь за чайник, – потому что я тоже не слуга и наливаю его светлости по дружбе.

– Ну а мне налейте в оплату за написанные письма, иначе я вам больше и одной буквы не напишу. – Эста воспользовалась безнаказанностью работника, чей срок контракта стремительно истекает, для установления границ в отношениях со старым секретарем, бывшим, судя по сплетням, большим любителем читать наставления новеньким писарям и лакеям.

– Мне кажется, – словно для себя, тихо проворчал Занбер, – она не очень годится в сопровождающие писари, совершенно не умеет себя вести.

Однако советник сделал вид, что не расслышал его ворчания, отлично понимая, что девчонка задевает Занбера неспроста. Но вот зачем ей это нужно, пока никак не мог понять, все остальные слуги и фаворитки, знавшие о доверительных отношениях герцога и секретаря, обычно пытались всячески задобрить старого брюзгу.

Эста вернулась на свое место и уселась с самым кротким видом, чинно сложив на коленях ручки, с которых так и не сняла перчаток, и вскоре Олтерн раздраженно понял, что все удовольствие от чаепития убивает эта гордо застывшая фигурка. И ведь не был он особо чувствительным или совестливым, мог спокойно смотреть, как наказывают преступников, и прихлебывать вино, но почему-то сейчас сам ощущал себя преступником. Занбер тоже выглядел непривычно мрачным, поглощая булочки, которые успел полюбить за двадцать лет.

- Демон, - первым сдался герцог, - раз уж вы так упрямы, Эсталис, и не желаете налить чай своему господину, то налейте хоть себе!

- Я сам ей налью, - мрачно пообещал секретарь, - а то чувствую себя чудовищем.

Однако, подавая девушке поднос с чашкой чая и булочкой, он даже представить себе не мог, какой важный экзамен сдал минуту назад.

Как каждая тихоня, взявшая контракт на поиск недругов своего господина, Эста обязана была по мере возможности помочь ему выстоять до прибытия подмоги или увести в безопасное место. И имела право решать сама, стоит ли помогать еще кому-то из его окружения, если он в тяжелую минуту окажется рядом. Вот и пыталась заранее рассмотреть в тех, с кем свела судьба, человеческие качества, чтобы точно знать, ради кого стоит рисковать, а на кого не стоит тратить силы и удачу.

Чтобы отпить чаю или проглотить кусочек булочки, Эсте приходилось осторожно приподнимать вуаль, и искоса наблюдавший за ее мучениями Занбер вскоре снова не выдержал.

- Уж если вы, госпожа Эсталис, так волнуетесь о сохранности своего инкогнито и не желаете показывать лица, - заявил секретарь - то я могу и отвернуться. Снимите вашу тряпку и перекусите спокойно.

- Я не сохраняю инкогнито и не стесняюсь, - хладнокровно объявила Эста, - а просто не хочу портить вам аппетит.

- И она права, - вспомнив жуткую картинку, передернул плечами герцог, - отстань от девушки, пусть пьет так. Иначе не будем пить мы.

Занбер с упреком покосился на Олтерна, но смолчал. Секретарь искренне уважал своего господина и один из очень немногих понимал, насколько непросто удерживать в повиновении огромное королевство, которым по закону должен править король, по здравому смыслу - принц, но на самом деле управлял герцог Эфройский, и конца этой странной ситуации пока не было видно. Мирного конца, который устроил бы всех.

Глава 23

После чаепития Олтерн собирался поработать еще с полчаса, подписать письма и указы, просмотреть отчет казначейства. Но один из стражников принес записку от Наерса, старшего дознавателя тайной стражи, устроившего себе кабинет в северной, самой мрачной и неуютной башне.

– Эсталис, мои люди допросили Юсилену, – прочтя эту записку, строго сообщил герцог, – мне нужно сходить туда, и я вполне обойдусь без вас.

И смолк, обнаружив, что новый писарь, невозмутимо засунув руки в карманы, уже стоит у двери.

– Ваша светлость, – слегка оторопело сообщил в этот момент секретарь, наконец добравшийся до написанных Эстой писем, – если вы решите выгнать Эсталис за строптивость, скажите мне. Так и быть, я возьму ее помощником.

Тихоня только расстроено фыркнула про себя, нужно было писать еще небрежнее и медленнее. Хотя она давно заметила, что очень трудно плохо делать то, что уже приноровился исполнять отменно.

– Что она рассказала? – дойдя почти до середины огромного и пустынного приемного зала, который нужно было пересечь, небрежно поинтересовалась Эста, идущая теперь рядом с герцогом.

– А тебе интересно? – пристально глянул на нее Олтерн и выругался про себя, насколько все-таки мешает ее тряпка разговаривать так, как он привык, – определяя по глазам и мимике собеседника, что именно тот чувствует и как реагирует на очередной вопрос.

– Не очень. – Монашка вдруг остановилась. – Стой!

– Что случилось? – недовольно нахмурился герцог, но все же замер на месте.

– Откуда... – тихо прошептала девчонка, настороженно поводя из стороны в сторону головой, и вдруг резко толкнула советника в сторону.

Толчок получился неожиданно сильный, и, сделав по инерции несколько шагов, герцог еле удержался на ногах, а в следующий миг ее пальцы цепко схватили его за руку и потащили еще дальше. Олтерн отлично знал, что здесь, в защищенном гвардейцами зале, ему ничто не может угрожать, и все же бежал рядом с нею, подчиняясь уверенной настойчивости. А через несколько секунд вдруг ощутил затылком резкий холод и услышал позади глуховатый хлопок, словно лопнул болотный пузырь.

– Демон! Что это такое? – оглянувшись, потрясенно пробормотал герцог, обнаружив посреди зала снежный сугроб в человеческий рост высотой.

– Хотела бы я знать, – мрачно пробормотала тихоня, – кого же ты так обозлил, что он не жалеет денег на запретную магию?

– Но как... – Олтерн еще не оправился от ошеломления, а уже пытался понять, почему не успел никто из обученных стражников и где его телохранители, которые должны незаметно следовать в десяти шагах за ним? И почему он ничего не услышал и не почувствовал, а услышала и успела только вот эта странная монашка, которая ничего не рассказывает про себя, зато, едва заявившись, начала придумывать для него свои правила? – Как ты поняла, что будет морозный взрыв?!

И, лишь произнеся эти слова, советник отчетливо осознал, что было бы с ним, если бы монашка не успела оттолкнуть его с того места, где было растянуто смертельное заклинание. Настроенное на кровь приговоренного, оно за несколько секунд замораживало всю воду, что оказывалась в очерченном проклятьем круге.

– У меня артефакт. – Как ни хотелось Эсте смолчать, но скрыть эту тайну не было никакой возможности. Если она не объяснит сразу и убедительно причину своего

везения, правду из нее будет выколачивать дознаватель. – Настоятельница выдала, когда узнала, куда я должна идти.

– Вот как, – чуть прищурился он, – а показать можешь?

– Да. – Эста стянула перчатку и показала кольцо-змею. – Если рядом ловушка, оно сжимается.

– Знаю, – кивнул герцог, рассматривая такое знакомое ему кольцо. – Так вот где оно выплыло.

А ведь четырнадцать лет назад это кольцо едва не попало в его руки. Ну, по-видимому, и хорошо, что не попало, он бы не стал его сегодня надевать... в последнее время все больше уповаю на артефакт, что, не снимая, носил возле сердца, страшась, что однажды прозрачно-голубой камень окрасится в алый или, хуже того, черный цвет.

– Ваша светлость! Вы целы? – Стражники, сбежавшие со всех сторон, встревоженно вглядывались в мрачное лицо господина, гадая, какое наказание ждет их за то, что не уследили за его безопасностью.

Так ведь как уследишь, если ни днем, ни ночью нет покоя: то в одном месте стена падает, то в другом вся мебель разом вспыхивает. А сегодня вот снег... каждому, кто сталкивался с запретной магией или слышал рассказы о ней, понятно, что тут не простой шпион или лазутчик действует. И никто не знает, как с этим бороться, а главное, как определять заранее, где враг ударит в следующий раз.

– Они не виноваты, – твердо сказала вдруг странная женщина с вуалью на лице, – у них не было ни малейшей возможности это предотвратить.

Олтерн бросил на нее хмурый взгляд, он и сам это знал. Но охране такого лучше не говорить, расслабятся, перестанут заглядывать в каждый уголок и проверять каждую вещь, и тогда неуловимый враг подберется, наконец, к своей жертве. А эта жертва он, Олтерн!

– Ваша светлость! – снова пробился в безысходный мрак его мыслей девичий голос. – Нужно проверить, у кого из слуг есть черные свечи.

– Зачем? – словно очнулся герцог.

– Мрамор тут черный. А эти ловушки рисуют воском, и белый или цветной был бы замечен сразу. Вот и рисовали черным, чтобы не очень видна была и не стерлась подольше.

– Слышали? Ищите, – приказал Олтерн сквозь зубы и ругнулся про себя. Демон! Ведь и сам мог до этого додуматься, но холодное дыхание смерти, все чаще касаясь его, заставляло сердце и разум замирать в ледящем ужасе.

Охранники, обрадованные тем, что наказание пока откладывается, ринулись в разные стороны. Лишь двое телохранителей, не успевших разобраться в происходящем, зато успевших понять, что девица под вуалью сделала их работу, остались стоять неподалеку с самыми похоронными физиономиями. И Эсте внезапно стало их жаль. Девушка точно знала, что только тот, кто ни разу никого не охранял, ни озорного ребенка, ни шуструю собачку, ни одну из кокеток, которые помогали тихоням тренироваться, может считать труд телохранителя простым и легким. А вот ей известно, как устаешь, когда несколько часов подряд напряженно всматриваешься и вслушиваешься в происходящее вокруг тебя и пытаешься предугадать, не только откуда вывернется нападающий, но и куда внезапно вздумается повернуть подопечному.

– Ваша светлость, отдайте мне командование телохранителями, – тихо, но безапелляционно отчеканила монашка и снизошла до объяснения: – В команде работать легче и пользы намного больше.

– Хорошо, – не мог не признать очевидности этого заявления герцог и повернулся к охранникам: – Рис? До завтрашнего утра подчиняетесь госпоже Эсталис, моему сопровождающему секретарю.

Эста сделала вид, что не заметила, как стремительно поднялась от простого писаря до секретаря, и кротким голосом выдала телохранителям четкие и простые инструкции, как действовать, если она остановится или поднимет руку.

До башни они добрались без происшествий, встретив на полпути Наерса с помощниками. Дознаватель, узнав от стражников о новом покушении, уже спешил на помощь к господину.

- Все обошлось, - махнул ему герцог, следующий в трех шагах позади Эсты и подсказывающий, куда свернуть.

Всего в паре шагов от Олтерна двигались телохранители, опасавшиеся пока верить своему счастью, и дознаватель сообразительно уступил им дорогу.

В его кабинет монашка тоже вошла первой, осмотрела зловеще поблескивающие инструменты палача, разложенные на полках, и едко усмехнулась, пыль стирать нужно почаще. Хотя вряд ли приведенным сюда подозреваемым до изучения слоя пыли на пыточных приспособлениях.

- Можно входить, - тихо шепнула девушка герцогу и встала рядом с его креслом, едва он уселся.

- Что там было? - знаком оставив телохранителей за дверью и рассмотрев незнакомку, решился спросить дознаватель.

- Морозный взрыв, - сухо ответил герцог, успевший полностью взять себя в руки и просчитать все выгоды происшедшего.

А их, как выяснилось после спокойного разбора советником ситуации, было не так уж и мало. Кроме того, что он не пострадал, еще и имеет теперь в запасе два-три дня. Хотя покушения и случаются все чаще, однако лазутчиков явно мало, или он вообще один, и потому ему потребуется время приготовить и настроить новую ловушку. И он, Олтерн, очень постарается такой возможности врагу не давать.

- Похоже, он скупил все, что нашел, - тихо выдохнул Наерс, все больше убеждаясь, что незнакомка почему-то входит в число доверенных лиц, хотя его людям не приходилось собирать о ней сведений, - вам показать допрос вашей... фрейлины?

- Давай, - протянул Олтерн руку и замер, обнаружив, что поверх нее к листкам тянется ручка тихони, все так же спрятанная в перчатку.

- Эсталис? - недовольно протянул советник, но девушка словно не слышала.

Решительно забрала бумаги, отвела от себя подальше и поводила над ними рукой. После чего бегло просмотрела и бросила на стол.

- Она просто интриганка. Но мстить будет.

- Не получится, - прищурился герцог и сам давно замечавший мелочную злобу и мстительность фаворитки. - Наерс, объявите Юсилене о помиловании, и пусть несколько лет проживет в своем поместье. Воздух провинции так целебен.

- Будет сделано, - коротко ответил Наерс, начинавший подозревать, что присутствует то ли при появлении новой фаворитки, то ли при начале изощренной интриги господина, о которой тот, разумеется, не намерен ставить в известность своих слуг и охранников даже самого высшего ранга.

- Тогда я успею просмотреть еще пару дел, - глянул в зарешеченное окно Олтерн, - что там с поиском наказанных, сбежавших с восточной границы?

- Вот. - Дознаватель щелкнул ключиком кованой шкатулки и протянул господину толстую пачку отчетов.

Однако тихоня снова забрала их, так быстро пролистала, что ни у кого не возникло подозрения, что можно хоть что-то прочесть за эти мгновенья, положила документы перед герцогом и скользнула в сторонку, к окну, откуда отлично видела весь кабинет и

входную дверь. У нее возникло несколько важных подозрений и предположений, и девушка желала спокойно все обдумать.

Как выяснялось, опасность Эфройскому грозила нешуточная, и хотя с первого раза можно было подумать, что тут действует одиночка, тихоня никак не желала поверить в существование такого неуловимого мстителя. Уж слишком много он должен был бы уметь. Быть знакомым с видами и приемами магии хотя бы на уровне знахарки или сыщика, знать каждый уголок замка, как его зодчий, и помнить расписание герцогских занятий, смен патрулей, прохода слуг и приема гостей, как самый вышколенный секретарь.

Святая Тишина! – едва не охнула тихоня вслух, вот оно! И как она сразу не поняла, что это и есть самая главная опасность!

Теперь Эсте оставалось только припомнить все заученные правила и свести их в стройный план, посвящать в который она собиралась только одного человека, самого герцога. Все остальные, не исключая секретаря и телохранителей, будут проходить небольшие проверки, прежде чем получают информацию. Каждый – свой собственный кусочек.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – покосившись на неподвижно застывшую монашку, объявил герцог, он чувствовал себя уставшим и желал полежать полчаса в теплой воде с отварами и настоями трав, которую к этому часу уже готовят в его мыльне. В локани удобной формы, специально для этого выдолбленной из цельного дуба.

– Что там за дверь? – едва выйдя из кабинета, коротко осведомилась Эста.

– Вниз, к камерам и выходу на улицу, – с недоумением ответил Наерс, покосившись на молчавшего господина.

– Бен, – скомандовала девушка, и герцог изумленно приподнял бровь, оказывается, она знает имя телохранителя, а он не помнит, чтобы их знакомил, – иди и охраняй дверь, в которую мы вошли. Ровно полчаса никто не должен ни входить, ни выходить. И запомни: никто – это значит никто. Ни слуга, ни лакей, ни принц, ни мышь в короне.

– Понял, – кивнул телохранитель и метнулся к двери.

– Вы на полчаса остаетесь в своем кабинете, – кротко пояснила монашка дознавателю, – потом можете идти, куда желаете. А вы следуете за мной.

Последнее относилось к герцогу и второму телохранителю, и насторожившиеся мужчины, бегло переглянувшись, опасливо пошли следом за нею.

Эста уверенно провела их вниз, не оглянувшись на Олтерна, спросила, где выход на улицу. Его светлость кивнул вытянувшемуся при виде неожиданных гостей тюремщику, и тот, пощелкав засовами, толкнул тяжелую, обитую коваными полосами дверь. Через огороженный высокими стенами тюремный дворик они попали в более просторный тренировочный двор, куда выходили окна и двери казармы и заднее крыльцо кухни. Вот к нему и направилась тихоня так уверенно, словно провела тут не один месяц.

– На первом этаже есть выход в сад?

– Так выход и из этого двора есть, так короче, – мрачно обронил герцог, подсчитывающий в уме, на сколько минут меньше ему удастся полежать в теплой воде.

– Короткие дороги не для нас, – загадочно обронила Эста, пробираясь мимо стоящих в кухонном коридоре бочек, – а вот здесь можно было бы убраться.

– У меня в подвалах все не поместилось, в этом году урожай был богатый, – еще мрачнее процедил Олтерн, начиная подозревать, что слишком рано так полно доверился монашке.

– Где выход в сад для слуг? – не обратила никакого внимания на его неудовольствие тихоня.

– Тут, – показал Рис, и через две минуты они стояли на крылечке.

– Ты остаешься тут, – скомандовала девушка телохранителю, – и никто ни по какому делу не должен выйти из дома. А если ты не выпустишь, и он пойдет к парадному выходу – свисти.

– Я правильно понял, – холодно осведомился герцог, когда они прошли по дорожке полсотни шагов, – что ты устроила ловлю на живца?

– Конечно, нет, – фыркнула девушка, высматривая место, где можно было неприметно поговорить и одновременно сразу засечь любого, кто захочет подойти ближе. – Я просто сломала все планы твоих врагов.

– Спасибо, – язвительно ухмыльнулся Олтерн, – я успел это заметить.

– Я тоже кое-что увидела, – не менее язвительно сообщила Эста, сворачивая к небольшой беседке с высокими арками, закрытыми ажурными деревянными решетками в филдийском стиле.

В неярком свете осеннего заката сквозь них трудно разобрать снаружи, есть кто-то внутри или нет, а вот заметить сквозь кружевную резьбу незваного гостя проще простого. Войдя в беседку, девушка бдительно осмотрела ее, заглянув даже под широкие скамьи, огибающие строение по периметру, и предложила наблюдавшему за ней советнику сесть.

– Ну, как я понимаю, ты мне сейчас все объяснишь? – устраиваясь на жесткой скамье, чуть ворчливо осведомился Олтерн.

– Вообще-то я думала, – не собиралась щадить его самолюбие Эста, – это ты мне объяснишь, зачем так облегчил задачу тем, кто за тобой охотится. Но раз требуешь...

– Ну-ка стой. И чем именно я облегчил? – еле сдерживаясь, чтобы не взорваться, рыкнул герцог. – А то не посмотрю, что отдал за тебя такие деньги.

Эста только усмехнулась под вуалью, конечно, посмотрит. Только тот, кто торгуется так рьяно, верит, что деньги могут купить все. И потом очень по-детски обижается, обнаружив, что иногда это не так.

– Ты ведь воин? – самым кротким голоском осведомилась девушка. – Ну, был когда-то. Следовательно, знаешь, насколько проще устроить ловушку элитному гвардейскому полку, завтракающему точно по расписанию, чем маленькому отряду наемников, каждый день выбирающих для обеда новую полянку и наиболее удобное время. Поэтому ничего объяснять не стану, но сегодня твоя светлость больше не сделает ни одного шага по заранее продуманному плану. И спать в своих покоях тоже не будет. В самый последний момент выберем комнаты подальше от прежних. И еще, я понимаю, что такое трудно заметить, когда привык видеть каждый день, но все черные входы для слуг и охраны нужно срочно забить. Именно забить, а не запереть, отмычки продаются во всех магических лавках.

Олтерн молчал значительно дольше, чем нужно было, обдумывая это сообщение и решая, где он ошибся. Только новый человек, приученный все планы строить с пустого места, смог бы заметить этот просчет в так хорошо налаженной и продуманной системе охраны. Именно ее стройность и продуманность, а также удобство для него лично делали мощную защиту уязвимой для нападений врага. И, разумеется, тот знал, что ради сокращения дороги герцог всегда проходил через центр зала. Великие духи, как все просто. И противно.

Теперь он должен будет ходить каждый раз новой дорогой, как хорек, избегающий хоженных троп, ночевать на чужих неудобных постелях, купаться в холодных каменных бадьях, среди ночи вспоминать, с какой стороны от кровати стена, а обедать то до полудня, то на закате. И зачем ему вся эта суeta и неудобство, ради чего он уже который год тянет непосильную ношу?

– Ваша светлость, – тихий голосок монашки вернул герцога к действительности, – мне говорили, что у тебя в саду есть грот с горячей водой. Иди, купайся, а я отправлю Занберу письмо с приказанием принести туда свежий костюм. Какого цвета ты приказал приготовить?

- Синего, - обреченно вздохнул герцог, понимая, что пора задуматься, чем можно заманить ее сюда хотя бы на годик... или два.

- Значит, я прикажу нести вишневый, - достав из кошелька маленький листок и пенальчик, кивнула монашка, и герцог ядовито ухмыльнулся.

Вот именно это он и предвидел.

Глава 24

– Ну а теперь мне что-нибудь объяснят или я недостойн?

Геверт виновато взглянул на друга, сквозь зубы цедившего ледяные, полные сарказма слова, и несчастно вздохнул:

– Змей, прости, но это тайна Лаутра. Он старый друг... нашего дома, и я слишком давно его не видел, потому и не узнал. А он мне ничего напоминать не стал, не счел себя вправе. И когда его друзьям понадобилась помощь, провел их сюда без моего ведома по той же причине... не хотел впутывать меня в свои дела.

– А где они теперь? Где тот блондин, с которым так нежно обнималась наша монашка?

– Он ушел вместе с ней. Она взялась отвести его в столицу, – кисло морщась, соврал герцог, презирая сам себя за эту ложь, но тем не менее твердо зная, даже если Змей плюнет сейчас ему в лицо, он все равно не выдаст брата с сестрой.

– А она ушла окончательно? – недоверчиво осведомился Дагорд и оскорбленно поджал губы: вот с самого начала была в ней какая-то тайна, как спрятанная в ровной зеленой травке болотная ловушка, и не зря он так до конца и не поверил этой глупышке.

– Ей нужно отработать на Эфройского один день, и она приступит прямо сегодня, – тихо сказал Герт и вдруг взглянул на Змея так тоскливо, что у того что-то сжалось в груди от нехорошего предчувствия, – но я боюсь, что она согласится взять у него еще контракт, Даг!

– Но ведь это ее работа, – осторожно пробормотал Змей, очень надеясь, что он ошибается и Геверт сейчас так сказал просто из присущего ему сострадания.

– Разве это подходящая работа для молодой девушки?! – возмущенно фыркнул герцог. – Тем более она такая отчаянная! У меня от воспоминания, как Эста стояла тогда в окне и доставала кошель, все в душе переворачивается! Если бы еще и она упала на камни... я бы не перенес!

Демон, стиснул зубы Змей, ну надо же было на них такому свалиться! Все, теперь сомнений нет, Герт в нее влюбился! Ну что за невезение! И как раз тогда, когда железный Олтерн дал ему право самому выбирать себе невесту! Но ведь среди знатных девиц, с титулами и всем, к ним прилагающимся, а не из простых монашек! Да еще с дурацким ремеслом – глупышка. Да в такую нельзя влюбляться даже ему, почти нищему обладателю фамильных руин, потому что на восстановление этого разрушенного гнезда нужно солидное приданое.

Змей вдруг вспомнил, как она бежала к нему от двери, срывая с головы нелепый шиньон, и невольно ухмыльнулся. Это было приятно, черт возьми, очень приятно – держать ее в объятьях и целовать в неумелые, но горячие губы.

– Тебе смешно, – обиделся Герт, заметив эту ухмылку, – ты вообще невзлюбил Эсту с первого дня, Дагорд. Но я счастлив, что в тот вечер она от тебя ушла... иначе сегодня мне пришлось бы вызвать тебя на поединок.

– Может, мне вообще пора уйти из замка?! – сразу подобрался Змей. – Так скажи прямо. Не зря ведь они так старались меня убить, дружки Лаутра!

– Они не старались тебя убить, поверь мне, – сразу остыл Геверт и расстроено стукнул кулаком по спинке дивана, подняв тучу пыли. – Где дворецкий? Пусть немедленно пришлет слуг навести порядок в этой половине дома. А перегородки в коридорах пусть ломают... Может, она все же вернется?!

В его последних словах снова прорвалась тоска, острая, как вой волка в ночи, и отозвалась в душе Змея внезапно нахлынувшим сожалением. Демон, если бы все знать загодя! Никогда бы он не позволил себя уговорить на эту глупышку! Лучше бы сам потихоньку разбирался, ну не дурак же? Постепенно все раскопал бы. И хотя драгоценности вряд ли нашел так быстро, но вот этих шутников, писавших ему на стенах кровавые угрозы, отлавливая в подвалах крыс, обязательно бы поймал.

Дагорд вспомнил слова Герта, что Лаутр старый друг дома, и помрачнел. Вот теперь ему совершенно ясно, насколько старый. Из тех друзей, что пропали бесследно четырнадцать лет назад, и тогда понятно, почему герцог его не узнал. Он и сам в тот момент был мальчишкой. И этот Лаутр, несомненно, звался по-другому. А скорее всего и выглядел иначе, а у Герта никогда не было особенно хорошей памяти на лица.

Змей прошел к запыленному окну, постоял, глядя в сад, и невольно отметил, что с этой стороны вид намного лучше, чем из нынешних покоев герцога. Хотя он и раньше знал, что Геверт не хочет здесь жить, чтобы не бередить себя воспоминаниями о погибшей в один день семье. А вот ради монашки даже приказал убрать эту часть дома! Как сильно, оказывается, зацепила Герта глупышка, если в угоду ей он так резко переменил собственное, много лет остававшееся неизменным решение.

И как теперь с этим бороться? Или бороться вообще не нужно?! Пусть она возвращается, пусть флиртует... ну, не настолько же Герт наивен, сразу жениться?! И вот это полностью его, Змея, заслуга. Не зря за эти четыре года перетаскал сюда кучу самых смелых и ловких горничных и белошвеек, помогая другу пройти ту школу, что другие проходят много раньше, чем женятся.

Демон, снова скрипнул зубами граф, припомнив договор с советником принца, а ведь девчонка и точно может взять новый контракт! Что она там говорила про необходимость заработать?

– Нужно было предложить ей часть гонорара, который вернул нам советник, – произнес он с раскаянием, – возможно, тогда она не стала бы брать новый контракт.

– Я не успел тебе сказать, – безнадежно вздохнул Герт, – что велел дворецкому поделить эти деньги на три части. Одну вернуть в банк на мой счет, а остальные поровну на ее счет и на твой, как премию за хорошую работу.

– Герт!

– Не спорь! Ты столько для меня делаешь... а тебе еще дом отстраивать! Кстати... я не хотел говорить заранее, мы с Рессой посоветовались... – Он привычно скривился от старой боли, но почти сразу взял себя в руки. – И еще шесть лет назад взяли твоё имение в аренду на имя моего управляющего. Он нанял семью... они там живут и охраняют от воров и селян.

Демон! А вот этого он не ожидал... хотя точно знает, что додуматься до такого могла только Ниресса с её самоотверженной заботливостью.

– Спасибо... – в горле внезапно запершило. – И, Герт, я тут подумал, раз я могу полностью доверить охрану замка этому Лаутру, может, мне взять отпуск? На несколько дней, не больше.

– Конечно, бери, – сразу откликнулся его светлость, – о чем ты говоришь. И не на несколько дней, а столько, сколько понадобится. Я вообще не помню, когда ты отдыхал.

– Я постараюсь управиться за несколько дней, – твердо пообещал Дагорд, решительно шагнув к двери, – можешь не волноваться. Сейчас и поеду, пока собираюсь, лошадей оседлают. А в Адервилле возьму портал. Я тебе буду писать.

– Все мне будут писать, – вздохнул Геверт, уныло провожая его взглядом, – а мне, как принцессе из сказки, только и остается теперь, сидеть у окна и ждать писем!

Прямо с порталной башни Змей, забросив за спину простой вещевой воинский мешок, с коим он когда-то явился в замок Геверта, уверенно направился в сторону торгового ряда. Но первым делом, прежде чем зайти в призывно распахнутые двери хоть одной лавки, Дагорд отыскал один из тех теснящихся вокруг площади домов, где на окнах белел нарисованный мелом крестик, – знак того, что хозяин сдает комнату.

– Есть комнаты, – жуликоватого вида простолудин, одетый поверх темной рубахи в подбитую мехом безрукавку, осмотрел гостя цепким взглядом выпуклых глазок, – вам какую? С отдельным входом дороже, со столом тоже.

– С отдельным входом, умывальней и без стола, – четко отрезал Змей, – пока на два дня, там видно будет.

– Есть такая, вот ключ, зеленое крылечко во дворе слева, а я Тобер. – Хозяин сразу понял, что с этим постояльцем лучше не спорить и ничего не предлагать, такой и сам требует, если ему понадобится.

И уже в следующую минуту получил вполне очевидное подтверждение своей догадливости.

– Цирюльник знакомый есть? Пошли слугу, пусть передаст прийти через час, – поглядывая в окно на предзакатно желтеющие облака, приказал Змей и направился к выходу, бросив на стол несколько серебряных монет.

И снова хозяин порадовался, что не стал заикаться насчет цены, новый квартирант платил, не мелочась. И это значило, кроме всего прочего, что кроме чистых простыней и горячей воды в мыльне, от него, Тобера, ждут полного молчания о тех догадках, которые просто не могут не появиться в голове при первом же взгляде на гостя.

Хозяин пересчитал монеты, спрятал и довольно ухмыльнулся: таких ушлых, как он, вообще трудно обмануть потертым мешком за плечами и невзрачным дорожным костюмом. Да от этого господина знатностью и уверенностью, присущей только людям, занимающим важное положение, веет за лигу.

Долго задерживаться в уютной, но маленькой комнатке, из которой имелась дверь в такую же маленькую умывальню, Змей не стал. Просто вывалил в шкаф содержимое своего мешка, где самой ценной вещью была пара ладных сапог, рассовал монеты по карманам и, заперев дверь, отправился в торговые ряды. Как выяснилось при сборах, все его самые хорошие костюмы остались в особняке Геверта, а появляться там Дагорд пока не хотел. По многим причинам, главной из которых было желание скрыть от Герта, как его советник проводит свой отпуск. Пусть думает, что Змей лазит по руинам графского замка и подсчитывает, сколько бревен, скоб и черепицы нужно заказать для восстановления сгоревшей крыши.

Костюм он купил почти сразу, всего в третьей лавке. Пронырливый торговец, едва рассмотрев клиента, скептически изучающего развешенные по стенам камзолы и штаны, просто широким жестом отворил перед ним дверь в примерочную комнату и заявил, что есть костюм, который шили как будто на него.

Дагорд вначале не очень поверил, однако понял, что торговец не лукавит, едва оказался в примерочной и увидел в распахнувшейся дверце шкафа костюм из дорогого синего плотного бархата, отделанный сафьяном того же цвета и серебряной вышивкой. Настолько знакомый, что Змею пришлось собрать всю выдержку, чтобы не расхохотаться. Именно из-за этого костюма он и расстался с Тоселлой Шордон, решившей, что она уже имеет право делать Змею такие нескромные подарки. Так значит, она велела продать костюм... и, стало быть, убеждена, что граф аш Феррез к ней не вернется. И правильно, в общем-то, рассудила, снова начинать приостывший роман он совершенно не намерен. Как и покупать эту одежду, которую не так давно ему пытались всучить в виде залога долгих отношений.

И Змей даже сделал шаг к выходу из примерочной, как внезапно новая идея возникла в его мозгу, и уже через несколько секунд он выходил из лавки, унося в мешке невезучий костюм.

В лавке белошвейки граф обзавелся несколькими новыми батистовыми рубашками с дорогим кружевом, а у бородатого кожевника приобрел короткий замшевый плащ, шляпу и перчатки отличного качества, но очень строгого вида. И ничуть не походившие на те, в каких он ходил обычно. Для исполнения задумки Дагорду требовалось как можно дольше оставаться неузнанным. И последняя покупка, причудливо расшитая узорами полумаска, как нельзя лучше соответствовала его замыслам.

В снятую комнату Змей вернулся за четверть часа до назначенного времени, умылся и сменил рубаху на одну из старых, принесенных с собой, а затем сел к столу и открыл купленный на рынке простенький берестяной ларец. Хозяйка мясной закусочной положила в него жареные свиные ребрышки, завернутые в красноватые малосольные

капустные листья, и присыпала отваренными стручками фасоли и грибочками острого посола. Сверху лежал толстый ломоть душистого хлеба, и, когда все это оказалось на большом блюде, Дагорд понял, что зверски проголодался и цирюльнику придется подождать, если он хочет получить свои монеты.

Однако, едва рассмотрев в окно важно шагавшего к крылечку худого беловолосого человека в рыжем плаще, сообразил, что снова ошибся. Ждать придется недоеденным ребрышкам, если этот полукровка не согласится разделить с графом трапезу.

Их не так много было в королевстве, приходивших из своих лесов молчаливых одиночек, потомков великой расы, некогда населявшей долину Эмаельгейл, и они не подчинялись никому и ничему, кроме собственного желания. Могли жить в шалашах рыбаков и в домиках селян, могли остановиться на месяц или год в чьем-то замке, но только в том случае, если это заблагорассудится самим светлым эльфам. А потом так же молча и равнодушно уходили, ничего не объясняя и ничем не прельщаясь, как однажды ушли неизвестно куда их предки.

- Добрый день тебе, сын великого народа, - поспешил первым приветствовать вошедшего Змей, - если желаешь разделить со мной трапезу, садись к столу, вот тарелка, вот вилка.

- Я Алн, - обронил полукровка, садясь к столу и бесцеремонно берясь за вилку.

- А я Даг, - радуясь, что гость не стал привередничать, широко улыбнулся граф и разлил по кружкам брусничный отвар с медом, купленный к ребрышкам.

- У тебя две кровати, - прожевав несколько кусков мяса и осмотревшись, заявил вдруг Алн, - я бы пожил тут.

- Живи, - не стал отказывать Змей, хотя узкий диванчик не очень тянул на вторую кровать, но всегда можно что-нибудь потребовать с хозяина, - только я и сам пока не знаю, надолго тут или нет.

- Угу, - не отрываясь от еды, кивнул полукровка, и на этом оба сочли договор заключенным.

А еще через пару часов, когда солнце уже село, но небо еще было освещено бледным осенним сумраком, Змей в нанятой коляске подъезжал к внушительным воротам замка герцога Эфройского, гадая, в силе ли еще пропуск, присланный Олтерном полгода назад в последнем письме вместе с весьма заманчивыми предложениями.

Глава 25

После недолгого спора о том, кто будет идти впереди, Эста нехотя уступила настойчивым заверениям герцога, что он не будет шагать очень быстро и сворачивать, не предупредив ее. Взамен она взяла обещание, что сегодня он не пойдет ни танцевать, ни дышать свежим воздухом с кем-либо из придворных дам.

– Да с меня даже жена таких обещаний никогда не брала, – лицемерно оскорбился Олтерн, и тихоня только ехидно похихикала под своей вуалью.

Как, интересно, ее светлость могла бы взять обещание, если она видит мужа не больше пары раз за год? А тем более проследить за исполнением?

Однако по коридорам и лестницам из маленькой гостиной, где озадаченный камердинер помогал его светлости переодеться и причесаться, они прошли в прежнем порядке, и только перед выходом на лестницу, ведущую в зал для малых приемов, девушка отступила назад.

Ярко освещенный просторный зал казался воздушным и хрупким благодаря широким и высоким стрельчатым окнам и накрывшей его чаще застекленного купола. Перед окнами в полу были устроены засыпанные почвой выемки, и в них пышно цвели редкие растения с южных островов, а между стройных малахитовых колонн стояли огромные бочки и чаши с диковинными деревьями и лианами. Гости, гуляющие между ними, казались яркими жуками и бабочками, затерявшимися в сказочном лесу. Этот зал был любимым детищем герцога и изначально строился как оранжерея. Однако позже сюда стали приглашать погулять перед ужином самых знатных и важных гостей замка, и постепенно эти прогулки стали традицией.

– С завтрашнего утра нужно закрыть этот зал на ремонт, – безжалостно объявила Эста, едва окинув взглядом переплетение колонн, стволов, лиан, узких тропок и небольших полянок, пышно цветущей зелени и драпирующих арочные входы шелковых занавесей с изображением листьев причудливой формы.

– Посмотрим, – нехотя prorонил советник, отлично знавший, что она снова права.

Но он так привык, что можно перед ужином немного отдохнуть в укромном уголке и полюбоваться на распускающиеся бутоны или новые робкие и нежные ростки! Что можно забыть про дела, государственные проблемы и неурядицы в личной жизни и просто посидеть на мягком диванчике, потягивая холодный сок или отвар.

– Где вы обычно сидите? – тихо прошипела неугомонная монашка, и Олтерн, почти свернувший к любимой нише, с досадой скрипнул зубами и остановился.

Демон! Да так он скоро и жить не захочет... по крайней мере здесь.

– Идите прямо, потом резко налево, – поступила новая команда, и его светлость с самым кислым видом направился в указанном направлении, гадая, как ей удалось так верно угадать самый неприятный ему угол.

Именно там рос стройный куст азалии очень редкого вида, с темно-синими бархатными цветами, напоминающими его светлости об одном из сильнейших жизненных разочарований.

Однако в этот раз советника ждал довольно приятный сюрприз. Мало кто знал, что он обладал хорошей памятью на лица, причем больше на мужские, чем на женские. Так уж сложилось еще с той поры, когда он был адъютантом у его величества и должен был помнить в лицо несколько сотен военачальников, офицеров, адъютантов и посыльных. И сейчас почти сразу узнал гордый профиль человека, которого уже несколько лет тщетно стремился вернуть в число личных подчиненных, а видел не далее как сегодня утром, причем в довольно неприятной ситуации.

Разумеется, Олтерн сразу сообразил, что обязан этой встрече вовсе не собственным предложениям и интригам, и осторожно покосился через плечо на сопровождавшую его тихоню. И в который раз помянул злым словом проклятую тряпку, не позволяющую ему разобрать выражение лица своей спутницы.

А Эста, заметив стоявшую вполоборота знакомую фигуру, в тот же миг, как они свернули в эту сторону, лихорадочно принялась осматривать ближайшие ниши, диванчики и проходы в поисках второго мужского силуэта, который в ее представлении обязательно должен был быть где-то рядом или, в крайнем случае, неподалеку.

Однако уже через полминуты, так никого не обнаружив, девушка снова вернулась взглядом к Змею, только теперь начиная постигать то, что увидела сразу, но, охваченная своими тревогами, не оценила в полной мере.

Он был сегодня непривычно наряден в изысканном модном синем костюме, и темно-русые волосы, обычно просто зачесанные назад и завязанные черным шнурком, были распущены и уложены пышной гривой со слегка подвитыми концами. Усики ровно подстрижены, кружевной ворот рубашки сколот драгоценной брошью, а висящие на поясе ножны поблескивают драгоценными камнями.

Дамы, прогуливающиеся неподалеку, стреляли в графа очень заинтересованными взглядами, а мужчина средних лет, с которым он о чем-то беседовал, выглядел слегка ошеломленным.

Значит, не так часто он тут появляется и одевается обычно тоже не так, сосредоточенно размышляла тихоня, направляясь вслед за своим господином прямо к Змею, и в таком случае почему он изменил своим правилам и что задумал? А главное, куда дел Геверта?

– Ах, ваша светлость! Какая прелесть, ваша бело-розовая фоленсия расцвела!

– Добрый вечер, ваше сиятельство, вы прекрасно выглядите, вам так идет этот цвет!

– А что это за чучело вы водите за собой?

Налетевший на герцога смерч из шелестящих юбок, рискованных декольте, стыдливо прикрытых россыпями драгоценностей, и локонов всех цветов на несколько мгновений заслонила Эсте вид на дорожку, где стоял граф аш Феррез.

А когда она ловко протиснулась между ними, там никого уже не было. Тихоня даже кулачки сжала от возмущения, ну действительно, Змей! Мало того что непонятно зачем примчался сюда, так еще и в прятки начинает играть! Ведь вряд ли он мог ее не заметить, Эста и сама знает, что, несмотря на скромность и темный цвет платья, она отличается от остальных женщин так резко, что невольно становится как бы ярче остальных дам в их блестящих шелках, парче и украшениях. Но это тоже имеет свой смысл, как только все привыкнут постоянно видеть ее рядом с господином, можно будет в случае необходимости просто сделать от герцога несколько шагов в сторону, и он станет невидимкой.

– А почему вы ее прячете под вуалью? – Хорошенькая блондинка с бесцеремонностью избалованного ребенка схватила за край кружева и заглянула под него.

Рассерженная такой наглостью Эста не осталась в долгу, скорчила жуткую гримасу и оскалилась как можно шире, отлично зная, как это выглядит.

От короткого, но пронзительного визга на миг заложило уши, и следом в резко наступившей тишине послышался глухой стук упавшего тела.

– Ох, святые духи, Имгелина!

– Что с ней? Помогите!

– Воды!

– Пожалуйста!

– Да не мне воды, а ей!

Тихоня отступила за спину герцога и, не обращая внимания на суету вокруг явно не без умысла политой водой блондинки, тщательно обшаривала взглядом кусты и колонны. А не найдя никаких следов исчезнувшего Дагорда, решительно подвинулась к его светлости почти вплотную и прошептала:

- Пора в столовую.

Они еще по пути из сада договорились, что никакого заранее прописанного этикета и распорядка сегодня герцог придерживаться не будет и, хотя в тот миг Олтерн принял это с большой неохотой, теперь был несказанно рад уйти подальше от толкотни и суматохи, поднятой скользящими придворными. И потому кивнул дворецкому, озадаченному странным распоряжением, и, не ожидая объявления, двинулся к двери.

Через несколько минут оранжерея опустела, и вскоре последние гости, изо всех сил старавшиеся не показать нетерпения, протиснулись мимо расписной занавеси, за которой стоял Змей.

Дагорд в последний раз осмотрел ближайшие дорожки через бессовестно проковырянную в дорогом шелке дырку и совсем уже собрался выскользнуть из своего укрытия, как заметил две торопливо идущие к выходу фигуры и расслышал очень странные слова:

- ...и немедленно выясни, откуда взялось это пугало и почему оно командует Олом. И если у них что-то серьезное - убирайте немедленно.

Змей прикинул к дырке, стараясь как можно лучше рассмотреть говоривших, но они уже почти прошли, и граф отметил только, что один был в лакейской ливрее. А вот второй оказался женщиной, и это вызвало у Дагорда больше вопросов, чем ответов. Выходить следом за ними он не спешил, примыкающий к оранжерее зал к этому моменту почти опустел, и если заговорщики окажутся там, то сразу поймут, что их могли услышать. Поэтому, выйдя из-за портьера, Змей направился не к выходу, а в противоположную сторону, если он хорошо помнит и за последние два года тут ничего не изменилось, там есть дверца в сад.

Дверца и действительно была, но, похоже, ею давно не пользовались. На кольцах засова висел внушительный замок, и, видимо, для того, чтобы не портить дамам настроение его грозным видом, почти вплотную к дверце стояла бочка с кудрявеньким растением, усыпанным мелкими белыми душистыми цветочками и спицами колючек. Однако запертые замки уже давно не были преградой для графа, привыкшего вмешиваться во все хозяйственные дела и влезать во все кладовушки и чуланы, и, бдительно оглядевшись, не следит ли кто за ним, Змей решительно двинулся вперед.

К дверце он протиснулся возле самой стены, прижимаясь спиной к прохладному камню, и облегченно вздохнул: ни одна колючка не достала ни кружев рубашки, ни отделки нового костюма.

Вынув из кармана очень осмотрительно прихваченный любимый дорожный нож с несколькими потайными лезвиями, Змей повернулся к замку, приподнял его на ладони и ошеломленно замер. Вот таких сюрпризов он не встречал в замке Герта за все одиннадцать лет ни разу. Даже в эти два последних года, когда обстановка в доме герцога становилась все более угнетающей, графу не приходилось так явно чувствовать на спине холодное дыхание умного и безжалостного врага.

Внушительный на вид замок на самом деле не мог задержать того, кто желал беспрепятственно проникнуть внутрь, потому что петля засова была очень аккуратно спилена у основания, и от легкого движения руки дверца плавно и бесшумно приотворилась.

Это открытие заставило графа мгновенно сообразить, что колючий цветочек стоит так удобно вовсе не случайно, и заодно пересмотреть все свои прежние намерения и планы.

Теперь ему было понятно, что Олтерн не отпустит Эсту ни за какие деньги. Уже одно то, что он ходил под ее присмотром, как ребенок рядом с няней, сильно озадачило Дагорда, отлично знавшего, как властен и самолюбив герцог. Но лишь теперь граф начал понимать, что такое поведение вовсе не прихоть и не интрига советника и что для подобных экстравагантных поступков у него было достаточно причин.

Змей ловко выскользнул за дверь, аккуратно прикрыл ее, постоял на небольшом крылечке в одну ступеньку, привыкая к сгустившейся темноте, разбавленной бледным светом масляных фонарей, и решительно направился ко входу на окружающие бальный

зал галереи и балкончики. В дни приемов тот обычно оставался открытым, предоставляя гостям возможность подышать свежим воздухом и погулять по дорожкам сада.

Однако вскоре выяснилось, что добраться до намеченного входа никем не обнаруженным Змею не удастся. Гвардейцы стояли и прогуливались на всех широких аллеях, и, понаблюдав за вооруженными, как во время боевой вылазки, воинами, Змей понял, что попытка проникнуть в замок незамеченным может обойтись ему очень дорого. Пришлось небрежно заложить руки за спину и, соорудив самое невозмутимое лицо, выйти из-за густого самшитового куста на аллею и спокойно направиться к дому.

– Кто такой? – повелительный вопрос командира патруля прозвучал через несколько секунд, и Дагорд с досадой поморщился.

Уж если не везет, то сразу во всем, это он давно заметил.

– Кто тебя учил, Бертис, так обращаться к гостям его светлости?! – ледяным тоном осведомился Змей. – И почему вы стоите, как мишени, посреди аллеи, да еще и под фонарем?! Ты знаешь, что достаточно мне было иметь арбалет и с десятков стрел, и твоя женушка примеряла бы черную шляпку?

– Змей! – ошеломленно выдохнул тот, кого называли Бертис, и попытался вернуть себе право командовать. – Но теперь тут ночью запрещено гулять гостям, только по веранде. У нас особый режим.

– А кто тебе сказал, что я – гость? – Проходя мимо, граф одернул на бывшем сослуживце форменный китель и полюбовался на его ошеломленное лицо. – Просто вы еще не видели приказа.

Вообще-то он и сам его пока не видел, усмехался Змей, поднимаясь по ступеням, но им этого знать вовсе не положено.

Глава 26

– Ты его видела? – тихо спросил советник, жестом отослав от стола раскладывающего блюда лакея, и взялся за вилку.

– Змея? – Эста, спокойно стоявшая чуть позади его кресла и осторожно поглядывавшая на браслет, вовсе не собиралась строить из себя тупицу.

– Вот именно, – желчно фыркнул герцог и поднял в воздух кубок, знаком желая гостям приятного аппетита.

– Я его и сейчас вижу, – меланхолично сообщила девушка, рассмотрев решительно вошедшего в зал графа.

Она успела за тот краткий промежуток времени, пока гости рассаживались и слуги раскладывали на их тарелки выбранные блюда, внимательно проверить все столы и убедиться, что Геверта нет. И теперь размышляла, какие обстоятельства могли заставить Змея прибыть сюда одного, и хмурилась все сильнее. Ни одно из приходивших девушке на ум предположений ей не нравилось. И потому, что каждая из причин лишала брата поддержки друга в эти нелегкие для него дни, когда, едва успев найти родных, он снова их потерял, и потому, что Арви с друзьями могут уйти в любой момент, и не стоило оставлять замок под их защитой.

Но не могла она и не догадаться, что переупрямить Змея будет очень трудно, особенно если он успеет понять, что тут сейчас не самое безопасное место в столице. И что хуже всего, не будет у нее для этого ни времени, ни способа, судя по тому, как он неторопливо и несколько картинно вышагивает по проходу вдоль стены прямо в сторону Олтерна.

– Где?!

– Идет сюда, – также ровно сообщила Эста, понимая, что его светлость тоже ни за что не откажется от долгожданной возможности заполнить Дагорда в личную охрану.

– Пригласи графа аш Феррез к моему столу, – взглядом подозревая не сводившего с него глаз дворецкого, распорядился моментально принявший решение герцог. – Надеюсь, ты будешь не против?!

– С какой стати? – откровенно изумилась тихоня. – В этом зале он единственный, в ком я точно уверена.

– Потому что я отдал ему поместье, – насмешливо предположил герцог, – или ты успела так хорошо его изучить?

– Потому что у него не было ни времени, ни возможности устраивать все те нападения, что случились тут за последнее время, – строго отрезала Эста.

Раз эти двое так желают заключить перемирие или сделку, ей остается лишь поразмыслить, как лучше использовать неожиданно свалившуюся помощь.

– Ты снова права, – примирительно вздохнул Олтерн и уставился на подошедшего Змея.

– Приятного аппетита, ваша светлость. – В тоне графа не было и капли любезности, скорее скрытый вызов. – Вы желали меня видеть?

– Желал, Дагорд, – подтвердил Олтерн тем же мирным тоном, каким разговаривал с монашкой, – садись, поужинай со мной.

– А госпожу Эсталис вы не приглашаете? – усевшись на стул и дождавшись, пока подскочивший лакей заполнит его тарелку, колко осведомился граф.

– Где ты видишь госпожу?! – так же едко и тихо отозвалась Эста. – Я тихоня при исполнении обязанностей.

– Новое звание? – иронично поднял бровь Змей.

– Пункт второй, – ехидно отозвалась монашка.

- М-да? – задумался он, не донеся до губ вилку. – Ну, это смотря как его толковать.

- Только однозначно.

- Как познавательно вы беседуете, – не выдержав, желчно заметил его светлость, – а объяснить старому и больному сотрапезнику про эти пункты никто не желает?

- Нет, – в один голос сообщили граф и тихоня, но Эста сразу поправилась: – Не сейчас. Я все напишу вам утром.

- Значит, все же решила, – укоризненно бросил Змей, почувствовав невольный укол обиды.

- Почти, вопрос в оплате. – Надежда, что он начнет ее презирать и вернется к Геверту, мелькнула в душе девушки.

- У меня тоже, – одним махом убил он эти мечты.

- Даже не сомневайтесь. – Герцог отлично понял, что эти двое чего-то не договаривают, но сейчас это было ему на руку. – Заплачу, сколько скажете, и премию добавлю.

- Договорились, – кивнул Змей. – Но одно условие: как только я решу уйти, вы даете расчет.

- Я напишу тебе контракт, – невозмутимо пообещала Эста.

- Указ нужен с сегодняшнего дня, я выдал стражникам в саду нагоняй за то, что стоят под фонарями.

- Эсталис, у тебя нет гербовой бумаги? – просто на всякий случай поинтересовался герцог.

- Есть, – скромно отозвалась Эста, – я захватила.

Его светлость никак не мог припомнить, когда это у нее была такая возможность, но решил сейчас этого не выяснять.

- Напиши указ. Назначить командиром всех подразделений замковой охраны графа Дагорда аш Феррез.

- Готово, – на несколько секунд склонившись над листом, тихоня подала ему готовый указ.

Герцог пробежал взглядом, подписал и отдал Змею.

- Тогда я вас покину, – поднимаясь, сообщил тот, – ваша спальня там же, где и прежде?

- Нет, мы ночуем в случайных местах, – тихо предупредила монашка, и граф понимающе нахмурился.

- Я пришлю надежного человека с запиской. А стражу хорошенько перемешай и проследи, чтобы забили черные ходы для слуг.

- Непременно, – остро блеснул глазами граф и ушел.

- Вы заранее договорились, что он приедет? – не выдержал герцог к концу ужина, но Эста только усмехнулась про себя и ничего не ответила.

Разве теперь это имеет значение?

После ужина гости, не на шутку озадаченные происходившим, вели себя намного тише и скованнее обычного, и, хотя музыканты старались вовсю, желающих танцевать было мало. Большинство гостей, разойдясь небольшими группами по примыкающим к столовой гостиным, сидели за столиками, развлекаясь легкими винами, сладостями и играми в лото. Парочки потихоньку флиртовали и назначали свидания, смуглокожий певец, которого привез один из гостей из Торема, негромко пел протяжную песню своей родины под аккомпанемент потемневшего от времени непривычного тут шестиструнного

инструмента.

– Пора уходить, – тихо объявила Эста герцогу, когда он, выиграв партию в лото, собрался идти в соседний зал.

Это действие они тоже обговорили заранее, его светлость пойдет помыть руки и выйдет через другой вход. В герцогскую умывальню девушка скользнула первой, окинула взглядом до блеска отмытые вазы и лохани и вышла во вторую дверь. Сделала по привычке несколько шагов в сторону, спрятаться в тени колонны, и едва не столкнулась с неподвижно замершим там человеком.

Лишь вблизи услышала его дыхание и стук сердца и замерла.

– Это я, – тихо прошелестел шепот, и девушка бесстрашно шагнула ближе, встав почти вплотную.

– Что случилось?

– Ты же еще не подписала контракт? Вернись к Геверту, ему тяжело. Я сам тут останусь, – тихо шепнул граф ей на ухо, притянув к себе за талию.

– Змей, – в душе тихони как будто вдруг повеяло теплым весенним ветерком, и она невольно вздохнула, – лучше бы ты его не бросал. А про остальное поговорим в другом месте.

Разумеется, Эста не собиралась рассказывать ему ни про братьев, ни про то, что у нее пока нет окончательного решения, брать ли контракт, потому что ждет совета настоятельницы, которой отправила подробный отчет. Сообщить она хотела всего лишь про методы, какими действуют неизвестные злодеи, да про сделанные выводы. Раз уж он выпросил указ, нужно поделиться всей информацией, вдруг что-то окажется ему полезным в тяжелый момент.

Услышав скрип открывающейся двери, тихоня решительно вывернулась из рук Змея и метнулась навстречу его светлости. Выдавать господину присутствие графа она вовсе не собиралась. Если Дагорду будет нужно, он и сам объявится.

Однако он не объявился, проследил издали, как они ушли, монашка на несколько шагов впереди, за ней герцог, и правда, немного сдавший за последние полгода, хотя выглядит довольно молодо в свои сорок восемь. Позади теньями скользили телохранители, от которых Дагорд и узнал, где нужно ожидать появления его светлости.

Проводив их взглядом, граф тяжело вздохнул и отправился проверять, как плотники выполнили его приказ. На душе у него было так паршиво, как не было даже весной, когда секретарь Олтерна, сочувственно кривясь, объявил, что рассмотрение решения по его имени откладывается. И после этого расторжение помолвки с денежным мешком оказалось скорее облегчением, чем ударом, это Герт все понял по-своему, а Даг не стал разубеждать друга, потому что вообще не желал разговаривать на эту тему.

А вот сейчас внезапное понимание того, как крупно он влип, просто ударило по голове, пришлось острыми когтями по душе, оставляя там саднящие раны. Змею не раз случалось влюбляться, и он слишком хорошо знал все признаки этого сжигающего сердце огня, чтобы не понять минуту назад, когда прижимал Эсту чуть сильнее, чем нужно было для секретности, что снова попал в буйно цветущее болото, невероятно заманчивое поначалу. словно все прелести мира резко сосредоточились в совершенно незаметной прежде девице. Возле нее ярче светило солнце и сильнее пахли цветы, рядом с ней хотелось быть самым сильным и умным.

И ни один из испытанных способов, как быстрее избавиться от этого совершенно ненужного ему чувства, теперь не годился.

В последние разы, когда с ним такое случалось, поднабравшийся опыта Змей действовал очень просто. Заваливал предмет внезапно вспыхнувшей страсти цветами и небольшими, но многозначительными подарками, настойчиво сопровождал на все приемы и балы и нахально напрашивался в гости. И уже через несколько дней получал в ответ на старания в полную собственность и сердце, и ласки прелестницы.

Ну а дальше все обычно происходило одинаково и скучно. Как-то очень скоро восторженная возлюбленная превращалась в очень практичную и целеустремленную даму. Все чаще начинавшую интересоваться его доходами и возможностью возврата имения, намекать, что пора объявить всем о помолвке и назначить день свадьбы. И у самостоятельного и вольнолюбивого Дагорда появлялось и с каждым днем крепло ощущение, что цветы с болота исчезли, зато черная вязкая тина, скрывавшаяся под ними ранее, затягивает его все сильнее.

И он начинал придумывать важные дела и неотложные поездки, уходить на несколько дней, а возвращаться на пару часов, чтобы, выслушав кучу упреков, окончательно убедиться в своей правоте. Очередное увлечение, наконец, принимало свой истинный вид и оказывалось именно тем болотом, оставаться в котором всю жизнь он не согласился бы никогда.

Но теперь этот способ не годился совершенно. Геверт слишком переживал за чертову глупышку, и начать дарить ей цветы или колечки было все равно что подло предать доверие друга. Значит, придется просто держаться от монашки подальше, и, хотя в таком случае излечение от болотной лихорадки будет более долгим и болезненным, ради Герта граф готов и потерпеть.

Покои для важных гостей, расположенные на третьем этаже гостевого крыла замка, которые выбрала для ночлега Эста, состояли из четырех комнат и умывальни. Дверь, находившаяся прямо против входа, вела в небольшую столовую, а из двери в дальнем углу гостиной был выход в коридорчик без окон. Оттуда еще три двери вели в главную спальню, умывальню и комнатку для прислуги. И это было удобно тем, что можно было оставить телохранителей и Змея караулить в гостиной, диванов и кушеток тут хватало. Сама же Эста намеревалась занять дальнюю комнатку.

Хотя больше всего в этих покоях девушку привлекло, что камин был только в гостиной, а большая спальня, находившаяся по соседству, обогревалась общей с ним тонкой стенкой. Запретная магия черных магов слишком часто использовала огонь и разные печи для пробуждения очень неприятных проклятий и ловушек.

Пока герцог умывался и переодевался, девушка тщательно осмотрела выбранную для него спальню, сама перестелила постель и вылила воду из кувшина, намереваясь позже принести свежей. Заодно выдала одеяло и подушку телохранителям, притащившим ее и герцога вещи, сообщив, что один из них может уже ложиться спать на диване в столовой, а второй останется охранять вход вместе с графом.

Сама она собиралась заступить на пост под утро, а Змея на это время отправить отдыхать в свою комнату.

Однако едва свежееумытый герцог, облаченный в длинный бархатный халат вызвал в свою спальню тихоню и устроился в самом удобном кресле, приготовившись выслушать все ее объяснения, появился Змей. И, едва выслушав доклад Эсты о ее планах, твердо заявил, что дежурить она не будет. Он уже поставил на лестнице и в прилегающем зале самых надежных гвардейцев, потому для охраны комнат изнутри достаточно и телохранителей. А сам он ляжет спать на одном из диванов в гостиной, и в случае тревоги ему не нужно будет куда бежать.

Дагорд говорил все это самым сухим и деловым тоном, с подчеркнутым небрежением глядя на серую вуаль монашки, и, скрывая тревогу, ждал, что она начнет спорить и доказывать свою правоту. Однако Эста только согласно кивнула и вдруг напрямую спросила, что произошло в оранжерее. Змей даже задохнулся на миг от изумления, откуда?! Затем ему внезапно пришла в голову мысль, что она каким-то образом подсмотрела или подслушала, успел уже убедиться в ее ловкости, но уже через миг граф был вынужден признать, что такое просто невозможно. Все гости толпой топали следом за герцогом и его новым секретарем, и вернуться или спрятаться монашка никак не смогла бы.

- Но сначала хочу сказать, - давая ему время прийти в себя, невесело сообщила Эста, - по моим наблюдениям, в замке действует вовсе не маг-одиночка. Это заговор, и участвуют в нем по меньшей мере несколько лакеев и стражников. И кто-то из них имеет

довольно высокое положение.

Это заявление как нельзя лучше подошло под то, что подслушал в оранжерее Змей, и в его душе снова проснулась робкая надежда. Совершенно не женское дело – ввязываться в заговоры и хвататься за оружие. И даже монашкам, имеющим навыки ищеек и сыщиков, лучше переждать такое время в каком-нибудь спокойном местечке. Может, ему удастся убедить ее вернуться под бочок к Герту, пока он сам очищает этот замок от предателей?

И, возможно, для этого достаточно поведать ей, что кто-то из заговорщиков уже получил приказ ее убить?!

– Значит, их даже больше, чем я полагала, если они не стесняются действовать почти в открытую, – задумчиво отметила Эста, выслушав рассказ графа, и обратилась к угрюмому герцогу, ошарашенному такими новостями: – Ваша светлость, напишите на листке имена тех, кого считаете самыми преданными своими людьми. Человек десять, но не из тех, кому вы хорошо платите. Вспомните тех, кто честен по характеру и имеет твердые принципы. Змей напишет свои имена, а я свои, хотя у меня их будет очень мало. И попробуем собрать хоть маленький отряд, который начнет действовать прямо сейчас.

– Демонская сила, – еще никогда в жизни герцог не чувствовал себя таким униженным и ограбленным.

И если бы один из сидящих перед ним людей не спас его много лет назад, а вторая не вытолкнула из смертельной ловушки сегодня, он бы ни за что им не поверил. Как это могло случиться, что в его замке, набитом охраной и соглядатаями, нагло действуют заговорщики, и никто этого не замечает?

А если могло, значит, или замечать бояться, или просто не хотят, уже поставив на хозяине крест, как на загнанной лошади.

Глава 27

Непреклонное намерение монашки остаться в Эфро было столь очевидно, что разочарованному Змею пришлось согласиться с ее предложением и написать на листке десять имен. И когда у него оказалось столько же совпадений с Эстой, сколько с советником, граф лишь саркастически усмехнулся. Он давно начал замечать, что Олтерн все больше верит тем, кто много и красноречиво клянется в преданности и с удовольствием топит оступившихся. Потому даже не задумывался о том, чтобы вернуться, зная, сколько лизоблюдов, трясущихся за свои места, начнут строить ему козни и устраивать всякие подлости.

На счастье, в трех случаях из пяти мнения совпали. Тщательно обсудив слуг, недобравших одобрения монашки, Дагорд отправился к охранникам, намереваясь послать гвардейцев за прошедшими отбор.

– Пока посыльные собирают всех в это крыло, – проследив, как он уходит, решительно заявила герцогу Эста, – расскажите мне, ваша светлость, сколько человек в замке, по вашему мнению, знает план потайных ходов.

Олтерн мгновенно напрягся и уставился на нее самым подозрительным и пронзительным из своих взглядов.

– А тебе откуда про них известно? Да сними ты, наконец, эту тряпку, не могу я разговаривать, когда не вижу глаз человека.

– Мне нетрудно, – безразлично отозвалась монашка, – только не падайте в обморок. А про тайные ходы известно от одной из сестер, она когда-то тут жила.

Эста откинула вуаль и приветливо улыбнулась герцогу. Он непроизвольно поежился и отвел взгляд, некстати вспомнив про бедняжку Имгелину.

– Как ее имя?

– Откуда мне знать? – В голубых глазах смотревшего на советника чудовища светилось искреннее изумление. – Тишина всем дает свои имена.

– Вот как, – отметил герцог, – хотел бы я там погулять.

– Вам там вряд ли понравится, – покачав головой, возразила девушка, – но рассказывайте про ходы. Мне не нужен план, я лишь хочу знать, где ближайший выход из них? Если вы заметили, я выбрала на сегодняшнюю ночь покои более поздней постройки, чем основное здание, специально проверяя, чтобы стены были недостаточной для устройства проходов толщины. Но стража должна знать, откуда можно ждать удара. Надеюсь, вы не склонны считать ваших противников глупее, чем вы сами?!

Змей, вошедший в этот момент в комнату, услышал последние слова и отлично рассмотрел, каким оскорбленным возмущением полыхнул взгляд герцога. А в следующую секунду Олтерн заметил насмешливую ухмылку графа и с досадой скрипнул зубами.

– Демонская сила! Мне все чаще кажется, что лучше бы меня прибили, чем выслушивать ваши оскорбительные намеки и указания, – язвительно заявил он, имея в виду обоих наемников.

– Еще не поздно попрощаться, – мигом отозвался Дагорд, – контракт мы пока не подписали.

– И у вас хватит совести бросить меня и сбежать? – пошутил Олтерн, но, посмотрев на серьезное лицо Змея, вдруг почувствовал, как по спине уже второй раз за день скользнул ледяной ветерок.

– Ваша светлость, – очень тихо и очень укоризненно произнесла девушка, мгновенно начинавшая обращаться с Олтерном официально, едва появлялись непосвященные или герцог начинал ее сердить, – как говорит одна моя старшая сестра, во время бедствий громче всех к чужой совести обычно зывают те, кто в благополучные времена не

помнят, где хранят свою. Но лично я останусь тут, хотя и запрошу с вас очень высокую цену. И не думайте, что это будут только деньги или что я остаюсь ради оплаты. Это не так. Некоторые люди... считают, что ваша гибель может послужить поводом к новому перевороту, а наше королевство еще от прошлого не оправилось. Поэтому постарайтесь помогать нам и перестаньте делать тайну из тех сведений, которые не являются секретом даже для поварят. Все знают, что основной части вашего замка более трехсот лет, а в те времена все зажиточные господа строили замки с потайными проходами.

– Я догадываюсь, где ближайший выход, – снова обманувшийся в своих надеждах Змей прошел к стулу и только тут разглядел лицо монашки. Что-то оборвалось в груди, когда он решил, что так отразилось на ней запретное заклятье. – Ох, демон! Эста, что у тебя с лицом?!

– Все в порядке, – успокаивающе отозвалась тихоня, не отводя взгляда от угрюмого советника, – это маска. Мне вовсе не нужно, чтобы кто-нибудь из пособников заговорщиков после меня узнал.

Граф перевел дыхание и успокоенно кивнул, это было так же разумно, как все, что она делала. И снова тайком обреченно вздохнул, именно такая жена нужна Герту. И если у нее все-таки нет титула, надо будет вместо премии выпросить у Олтерна указ.

– А ты откуда знаешь? – Герцог еще не желал сдаваться, хотя понимал, что девчонка права.

И это было очень горько и обидно осознать, что его жизнь имеет ценность только как залог мира в королевстве и что сам по себе он не нужен и не важен ни для одного человека.

– Видел, как один господин появляется ночью в коридоре нижнего этажа, если там гостят хорошенькие особы. – Змей считал, что про старые похождения его светлости можно говорить спокойно, столько лет прошло. В то время Дагорд был юным сержантом королевских гвардейцев и одним из преданных адъютантов Олтерна.

Однако Олтерн вдруг побледнел, как полотно, и хрипловатым голосом попросил воды. А когда граф встал и повернулся к столу за кувшином, выхватил кинжал и тигром бросился на него.

Ловкая ножка, выскользнув из-под юбки, умело ударила его светлость в колено, а едва герцог, оступившись и ища опоры, взмахнул рукой, тонкая игла вонзилась в его предплечье.

– Ох, герпень! Он с ума сошел? – еле успев отскочить, выругался Змей, глядя на медленно заваливающегося боком на кресло герцога.

– Тсс! Быстро убери кинжал и уложи его в постель. – Девушка торопливо метнулась к кровати и откинула одеяло. – Видимо, он считал, что о тех его шалостях никто не знал. Мне придется остаться здесь, иначе телохранители могут зайти, проверить, как он спит, и поднять шум. Иди к слугам, устрой их в соседних покоях и начинай собирать отряд самых верных гвардейцев. Потом запрете остальных в спальнях, к утру везде должны стоять только твои люди. Обещай премии, чины и внимание к прошениям. Возьми одного из телохранителей, раз я остаюсь, он нам тут не понадобится.

– Демон, – еще раз выругался Дагорд, направляясь к выходу, ведь как не хотелось ему возвращаться в этот проклятый замок!

Хорошо еще, что здесь осталось несколько командиров из тех, с кем он когда-то начинал службу и потом поддерживал дружеские отношения. План монашки хоть и не такой уж простой, но выполнимый. Сейчас главное, чтобы каждый из тех, кому верит Змей, привел несколько самых надежных из своих людей.

А Эста, едва он ушел, заперла дверь изнутри, вытащила из шкафа свой саквояж и достала пирамидку. Ей нужно было срочно отправить отчет и получить ответы на возникшие вопросы. И неплохо бы еще парочку советов, ситуация с каждым часом казалась тихоне все более запутанной и безнадежной. Даже если они захватят всех предателей во дворце, нужно будет еще отыскать того, кто имеет деньги на запретные

заклятья, подкуп слуг и охраны и, самое главное, горячее желание убить советника.

Проснулся Олтерн от горечи во рту, и она не была тем мерзким ощущением, что появляется по утрам после позднего ужина, обильно сдобренного душистым мускатным ромом. И не похожа на ту, что начала иногда возникать после щедрой порции жаренной на вертеле кабанины. Эта горечь была прохладной и приятной, с травяным запахом и еле заметной кислинкой, и очень скоро Олтерн осознал, что его поят этим снадобьем, капая понемногу на губы с ложечки.

А потом пришло воспоминание о том, как он ринулся на графа, одержимый внезапно вспыхнувшим желанием убить. Убить потому, что Змей так просто, усмехаясь, говорит о том, что стало самым главным, самым важным и самым несбывшимся в его жизни.

И почти сразу вместе с памятью в душе вспыхнула злость на себя, что так глупо и не вовремя сорвался, а главное, вовсе не на того человека, который во всем виноват. Бросаться нужно было на себя, ведь именно он, Олтерн, когда-то давно, пятнадцать лет назад, не понял простой истины. Если судьба делает подарок, нужно хватать его и держать изо всех сил, невзирая ни на что. Потому что за отказ от таких даров жизнь наказывает очень сурово и бьет не только чужими руками и делами, но и своими собственными.

– Где он? – открывая глаза, спросил Олтерн, вглядываясь в сидящую рядом женскую фигуру, нечетко видимую в бледном свете раннего утра.

– Кто тебе нужен? – мягко спросил незнакомый женский голос, настолько доброжелательный и спокойный, что его светлость как-то сразу поверил, что незнакомка не враг.

– Граф Феррез.

– Зачем? – Она спросила так строго и ровно, что не возникло никакого желания ни осадить это любопытство, ни смолчать.

– Извиниться. Сам не понимаю, что на меня нашло...

– Я передам твои извинения и скажу, что это было первым желанием, когда ты проснулся, – веско пообещала загадочная гостья и как-то по-доброму усмехнулась, – а не сорваться ты просто не мог, не твоя в том вина. Мало того что охотились за тобой, душу рвали, да еще и травили потихоньку. Очень хитро травили, зелье, что тревогу и злость вызывает, понемногу в воду капали. Свойство у него такое, сказывается не сразу, и действие его проходит очень медленно. Вот ты и становился к вечеру все злее и мнительнее.

– А ты кто такая? – До герцога вдруг дошло, что женщина слишком фамильярно с ним разговаривает, и это почему-то не вызывает у него никакого возмущения.

– А я та, с кем ты давно мечтал познакомиться.

– Я?! – Герцог на несколько минут задумался, а женщина тем временем спокойно сунула ему в рот еще ложечку своего напитка. – А чем ты меня угощаешь?!

– Очищающим и успокаивающим зельем. – Незнакомка встала с края постели и направилась к выходу. – Сейчас придет камердинер, поможет тебе одеться, а потом приходи в столовую, мы тебя ждем.

Змей неторопливо ел хорошо прожаренное мясо, запивал отварами и упорно молчал. Он сразу ее узнал, эту ехидну в монашеской одежде, и вовсе не желал получить еще пару ударов по самолюбию. Наверное, он бы поспорил с тихоней, щеголявшей с утра своей мерзкой вуалью, под которой скрывалась еще более мерзкая маска, когда она в предрассветный час вышла из спальни и заявила, что пойдет на порталную башню, встретить настоятельницу, которая решила прибыть им на помощь. А он в тот момент, наоборот, обрадовался, потому что работы было много, а выпускать Эсту из поля зрения

он не собирался. Злясь на собственную, такую несвоевременную влюбленность, каковой, как ни странно, не мешала даже жуткая маска тихони.

- Сколько у вас надежных дознавателей? - Вопрос гостьи явно был адресован Змею, и тот тайком вздохнул, похоже, отмолчаться не получится.

- Трое, - сообщил граф сухо. - Эста почему-то сомневается в Наерсе.

- Не в нем, - поправила девушка, - он верный человек. А вот его методы показывают, он из тех, кто всеми силами постарается подозреваемого утопить, потому что загодя видит во всех преступников.

- Ну, это болезнь большинства сыщиков и дознавателей, - добродушно кивнула настоятельница, словно не замечая, как в столовую вошел герцог, - которым приходится часто встречаться с ворами и жуликами. Через некоторое время им кажется, что среди окружающих таких мошенников большинство. А как ты это определила?

- К нему отправили на проверку мешавшую мне работать фаворитку, - ни капли не смущаясь, деловито сообщила Эста, - так он умудрился по поводу мотка бечевки написать два листа вопросов.

- Тогда посадим его неподалеку от меня, - решила монахиня и достала маску, - я присмотрю.

- А можно мне узнать про бечевку? - осторожно спросил герцог, чувствующий себя довольно благодушно, несмотря на то что отлично осознавал: эта женщина, которая так и не представилась, командует в его замке, как в собственном доме.

- Ну, это простой, старый и очень подлый фокус, - ответила его светлости тихоня. - Темную бечевку заранее незаметно кладут в гостиной вдоль края ковра, и резко дергают, когда через нее проходит соперница в длинном платье. Дама, конечно, падает, а веревочка под шумок втаскивается в карман. Потому она и длинная, чтобы держать в руке два конца. И не стоило тратить время на подробное выяснение простого вопроса. Но Наерс хотел показать свое рвение и не беспокоился, что ожидает за это шутницу.

- Если бы я знал это заранее, - нахмурился Олтерн, - наказал бы ее сильнее. У нас был зимой печальный случай, когда одна из фрейлин неудачно упала возле столика, и на нее свалился чайник с кипятком.

- Но ведь не доказано, что в тот раз пошутила именно она? - укоризненно покачала головой незнакомка, которую Олтерн успел довольно хорошо разглядеть.

Темное простое платье, темный чепец, на вид совершенно обычная немолодая дама из небогатого, но явно знатного рода. И только глаза, пытливые и живые, да манера разговаривать, мягкая и властная, выдают человека, который не сидит целый день с вязанием, а занимается более серьезными делами.

- Можно было провести дознание, - еще упорствовал он, а сам уже представил толпу рыдающих фрейлин, кузин, компаньонов и камеристок, как-то незаметно осевших в его замке, и осознал, что пока не желает вникать в их интриги и беды. У него и своих более чем достаточно.

- Сейчас мы первым делом проверим тех из слуг и охранников, кого мы занесли в первый список, по отзывам уже освобожденных, - подтверждая подозрения герцога, уверенно скомандовала старшая из сестер Тишины, - а потом устроим совещание. Граф аш Феррез, вам следует пойти отдохнуть.

- Я собираюсь сходить в город, - поднял на нее усталый взгляд Дагорд, - вчера снял там комнату и оставил свои вещи. Но главное не это, я позволил поселиться со мной одному человеку... Мне нужно с ним поговорить и дать денег.

- Как его зовут? - мгновенно задала монашка именно тот вопрос, на который Змею очень не хотелось отвечать.

Какая-то частица его души, совершенно против воли хозяина, продолжала упорно надеяться на внимание глупышки. С досадой и жгучим раскаянием вспоминала

отвергнутое предложение, тепло обнимавших его рук и искала пути, как вызвать интерес, симпатию или даже ревность.

– Алн, – сухо сообщил Змей, и настоятельница вдруг оживилась:

– Что ты говоришь! Тогда отправляйся немедленно, и лучше порталом, если комнаты в центре города. Передай ему привет от матушки Тмирны и попробуй пригласить сюда... только осторожно, когда зовут настойчиво, они не соглашаются.

Глава 28

Полукровка уже не спал, немедленно отозвался, когда граф предупреждающе стукнул в дверь.

– Доброе утро. – Дагорд шагнул в комнатку, кивнул сидящему у стола полуэльфу и мельком окинул взглядом свое жилище.

Чистенько, словно не мужчина тут жил, а девушка. Или это хозяин присылал служанку убирать?

– Доброе, – отозвался Алн, – ты нашел другое жилье?

«Откуда ты знаешь?» – хотелось спросить графу, но он только фыркнул с досадой:

– Оно меня само нашло. Сейчас переселяюсь. Тебе оставлю денег, живи сколько хочешь. – Помня совет монахини и собственный опыт, приглашать полуэльфа он не собирался.

Да и не представлял, что делать этому безобидному созданию в замке, опутанном незримыми нитями интриг и предательств.

– А куда ты идешь? – неожиданно заинтересовался Алн.

– В замок Эфройского. Он назначил меня командовать личной охраной, – хмуро признался Змей. – Кстати, тебе передавала привет матушка Тмирна.

– Я сам ей отвечу. – Полукровка уже достал из-за диванчика тощий зеленый мешок и складывал туда немудреную одежду. – С тобой пойду. Ты на чем едешь?

– Порталом пришел. – Решение полуэльфа изумило Дагорда. – Но если ты не любишь порталы, могу нанять экипаж.

– Нанимай, – кротко кивнул тот, и уже через несколько минут они сидели в карете, резво катившей к южным воротам, в сторону высившегося в двух лигах от Датрона замка Эфро.

Хотя земли и поместья Олтерна расположены много дальше на юг, именно тут постоянно проживали все унаследовавшие титул герцоги Эфройские. С тех пор, как много лет назад правитель Ардагского королевства, отец нынешнего короля Георгиуса, подарил этот замок отцу Олтерна, своему лучшему другу и кузену юной тогда жены.

– Где тебя лучше поселить? – обнаружив, что колеса повозки уже стучат по бревнам подъемного моста, вспомнил граф про особую требовательность полукровок к жилищу.

– Я погуляю и скажу, – с величием короля заявил Алн, и Змей только пожал плечами, да ради всех святых.

Лично он отправится напрямик в то крыло, где командует неутомимая монахиня, и завалится спать в самом темном уголке.

– Кто такие?! Пароль?! – Перед запертыми малыми воротами остановил коляску дружный и недружелюбный вопрос стражников.

– Придется идти пешком, – хмуро объявил Змей, пароль для карет и колясок он не знал.

– Пойдем. – Полукровка спокойно вылез из коляски со своей стороны, прошел к самым воротам, с детским любопытством рассматривая сквозь их зарешеченный верх подъезд к парадному крыльцу и кусты самшита по сторонам дорожки.

На бдительно следивших за ним гвардейцев он не обращал ни малейшего внимания.

– Железо Олтерна, – мрачно процедил Змей, когда коляска отъехала.

– А на гостя? – непреклонно поджал губы стражник, приоткрывая створку ровно настолько, чтоб прошел лишь командир.

- А для всех полуэльфов отныне вход свободный, без паролей и пропусков, - обозлившись, рявкнул граф. - И не надейся, Вацис, что такими выходками ты заслужишь у меня премию. Я даю ее не за тупое исполнение приказов, а за проявленную сообразительность. Проходи, Алн, ты желанный гость в этом замке.

Полукровка прошел молча, словно не заметив этого маленького инцидента, но направился не к крыльцу, а к кустам, и, уже отойдя на несколько шагов, добавил, что потом сам найдет Змея.

Тот лишь пожал плечами и зашагал к крыльцу, твердо намереваясь отправиться спать. Доверять проверку ночной стражи кому-то, кроме себя, он пока не собирался.

В приемном зале было тихо, и гуляли несколько гвардейцев, но через широкую арку прохода, ведущего к гостиным комнатам первого этажа, было видно, что там довольно оживленно. Стражники подводили слуг и не прошедших еще проверку собратьев, уводили назад тех, кому предстояло ждать решения, и провожали к столовой тех, кто сумел доказать свою невиновность.

Змей на полминутки приостановился, раздумывая, заглянуть хоть ненадолго в гостиную, превратившуюся временно в комнату преподавателей, или все же не менять намерения выспаться, и был наказан за эту остановку.

- Господин полковник! - торопливо побежал навстречу к нему Санг, один из его собственных адъютантов. - Его светлость велели вам передать зайти в третий кабинет.

- Иду, - мрачно кивнул Дагорд и, стряхнув пылинку с рукава нового гвардейского мундира, горько усмехнулся, отметив стремительный рост собственной карьеры. Вчера он вошел в этот замок, имея всего лишь полученный одиннадцать лет назад чин лейтенанта. Который, к слову, герцог Эфройский неоднократно грозился у него отобрать, хотя спустя два года после отъезда Змея сам подписал указ о его отставке по уважительной причине. Без этого граф не мог принести присягу Геверту. Однако он ее так и не принес, Герт тогда оскорбился не на шутку и сказал, что с друзей ни клятв, ни присяг не берет. И этим намертво привязал к себе душу графа.

- Зачем звали? - довольно невежливо осведомился Дагорд, войдя в кабинет и сразу столкнувшись взглядом с сидевшим за столом герцогом.

Несмотря на то что он не воспринял как обиду вчерашнее нападение Олтерна, приветливо улыбаться его светлости пока не имел никакого желания.

- Они сбежали, - сообщил ему мягкий голос матушки Тмирны и тут же предложил: - Чай пить будешь?

Змей и сам уже рассмотрел, что за маленьким столиком у горящего камина сидят монашки вместе с Наерсом и дружно поглощают какие-то пирожные.

- Кто сбежал?

- Четверо подозреваемых. Трое слуг и один стражник. У них были спрятаны порталы.

- Демон, - расстроился Змей, устраиваясь на диванчике рядом с Эстой, - но мы же обыскивали!

- В такой спешке тщательно обыскать было невозможно, - рассудительно заметил преподаватель, - а свидетели утверждают, что камеристка госпожи Юсилены что-то опраляла в нижних юбках, прежде чем исчезнуть.

- Все-таки Юсилена была причастна! - хмуро сообщил со своего места герцог, не принимавший участия в общем чаепитии.

- Я не делаю предположений, - так знакомо заявила матушка Тмирна, что Змей невольно ухмыльнулся, - но здравый смысл подсказывает, что вашу фаворитку просто использовали. Она была капризна и придирчива, и девушки неохотно шли к ней в услужение. Поэтому заговорщице ничего не стоило оказаться в ее камеристках. Всего-то и нужно - стерпеть несколько глупых выходок, зато потом особая свобода как личной служанке приближенного лица. Но раз мы уже все собрались и так и не дали графу

пойти отдохнуть, давайте устроим маленькое совещание. Наерс, вы не обидитесь, если я попрошу вас организовать наружную охрану этого кабинета и присмотреть, как идет дело у ваших помощников?

– Разумеется, не обижусь, – понятиво улыбнулся дознаватель и через несколько секунд покинул комнату.

– Ваша светлость, идите сюда.

Олтерн отреагировал на этот приказ досадливой гримасой, но спорить не стал. Успел понять уровень мастерства этой сестры Тишины. И маску, сделанную по особому заказу известным мастером, тоже оценил по достоинству. Доброе, как у старенькой феи, румяное и чуть морщинистое личико само располагало к откровенности тех, у кого не было за душой никаких особых провинностей.

– Садитесь. – Монахиня сняла маску и уставилась на герцога очень строгим взглядом. – Что вы предпочитаете сделать сначала: подписать контракты с госпожой Эсталис и графом аш Феррез или расплатиться с нами за проделанную работу?

Его светлость почти открыл рот, намереваясь сказать, что он готов заключить контракт, но в последний миг сжал губы. Был во всем этом какой-то подвох, и не почувствовать его Олтерн просто не мог. Поэтому с полминуты подумал и осторожно заявил, что хотел бы сначала расплатиться.

– Хорошо, – невозмутимо кивнула Тмирна, – тогда сначала со мной, потому что меня ждут дела и долго гулять я не могу.

– Все, что хотите, – решительно сообщил Олтерн, – назовите любую сумму.

– Это очень заманчиво, – лукаво усмехнулась она, – и слишком просто. Я пришла к вам без контракта, по просьбе нашей сестры только потому, что вы один из трех известных мне в королевстве людей, кто может заплатить мне тем, что меня интересует. Информацией.

– Но... – Герцог, минуту назад пообещавший этой женщине все, что она пожелает, начал бледнеть от одного только предположения, чего она может не знать.

– Да. Вас всего трое, кто знает правду про события, предшествовавшие всем известной трагедии. И я никогда бы не спросила вас о ней, но постепенно пришла к выводу, что эта тайна повернула в худшую сторону не только вашу жизнь, но и судьбы многих жителей королевства. Как знатных и богатых, так и простых. И она до сих пор подтачивает спокойное существование нашего мирного государства, эта не желающая смириться со своей судьбой тайна. Если кто-то из присутствующих еще не понял, о чем я, могу сказать точнее.

– Лучше скажите точнее, – обливаясь потом, хрипло попросил Олтерн, моля всех святых, чтоб это было не то, о чем он подумал.

– Хорошо. – Монахиня выпила чай, отставила чашку и невесело сообщила: – Когда семнадцать лет назад наша незабвенная королева Елизента неожиданно покинула этот мир, оставив сиротой малолетнего сына, безутешным – мужа и без твердой руки все королевство, мы даже не могли предположить, что это только начало грандиозной беды. Уже через год, отдав положенный срок траура, его величество с нешуточным пылом ринулся на поиски мачехи для шестилетнего Лоурдена. И ваша светлость, еще не имевший в тот момент ни жены, ни невесты, рьяно ему помогал.

Герцог, успевший убедиться, что его мольбы к добрым духам остались неслышанными, сидел с каменным лицом, крепко стиснув зубы. И истово проклинал тот час, когда, выяснив, что Лоурден желает нанять сестру Тишины, решил что и ему неплохо бы иметь в замке такую наемницу. Тем более что странные случаи и грозные происшествя все учащались. Ну почему бы ему тогда не догадаться, что монашка за поиск злоумышленников потребует признания его собственных проступков и ошибок?!

– А еще через год по приглашению короля в его замок прибыла баронесса Зоралда, незадолго до этого получившая огромное наследство от почившего дядюшки. Король уже видел портреты девушки и твердо намеревался сделать ей предложение.

Олтерн резко отодвинул чашечку, и она со звоном упала на пол, но, к его удивлению, не разбилась. А ему так хотелось разбить хоть что-нибудь, как разбилось в те проклятые дни его сердце и вся жизнь.

– Может, возьмете деньгами? – В хриплом голосе герцога прозвучала откровенная угроза.

– А ведь и точно, – задумчиво проговорил вдруг Змей, – все началось именно тогда. Так вот за что он хотел меня убить несмотря на то, что именно тогда я спас ему жизнь.

– Лучше бы я в тот раз сдох, – вырвалось у герцога отчаянное признание, – и все было бы прекрасно.

– Нет, – категорично отрезала настоятельница, – не было бы. Потому и прошу вас рассказать, что хочу найти способ, как распутать эту уродливую историю.

– Поздно, – вздохнул Олтерн и, глядя в ее доброжелательные глаза, вдруг подумал, что он не обязан рассказывать все это Змею и тихоне, с ними он расплатится другим, – но раз вы настаиваете, я расскажу. Но лишь вам одной.

– Поздно, – повторила его слова монахиня. – Эста теперь сама докопается, да и нужно ей знать, потому что иначе контракт не выполнить. Ну и обязан ты и Змею, и ей, если бы она тебя вчера не остановила, натворил бы в ярости бед.

– Только запомните... – помолчав еще немного, холодно уронил герцог, словно не заметив, что она вдруг снова перешла на дружеское обращение, – если узнает еще кто-то, я за себя не ручаюсь.

Он налил себе остывшего чая, выпил нарочно медленно, собираясь с силами, и, глядя в огонь, нехотя сказал:

– Она приехала не одна... а в сопровождении камеристок, компаньенок и юной кузины. Едва я ее увидел, как сразу понял, что это моя судьба.

Вот оно и сказано, главное, что перевернуло его жизнь, в один день сделав ее сказкой, а в другой – проклятьем.

– Это ты про кузину? – подождав с минуту, осторожно уточнила Тмирна. – Но зачем тогда женился на Зоралде?!

– Потому что уже во второй вечер Георгиус пришел ко мне и признался, что влюбился в эту девушку. Так, что жить без нее не может. И попросил помочь, поухаживать за баронессой, – пустым голосом произнес Олтерн, встал с места и ушел к окну.

Змей проводил его мрачным взглядом, начиная с предельной ясностью понимать, по какой грани он, юный адъютант, ходил в тот момент. Да и позже, до самого отъезда в Адер. Потому что он один знал точно: девушка, прибежавшая на тайные свидания в оранжерею в темной накидке, закрывающей лицо, вовсе не была статной и высокой Зоралдой. И его старинные подозрения, что герцог отнюдь не сам по неосторожности сорвался с верхней галереи в ту дождливую ночь, когда в последний раз гулял там с незнакомкой, теперь превратились почти в уверенность.

– Ну, о том, что этой кузиной была королева Леонидия, думаю, мы все догадались, – тихо проговорила Эсталис, – как и о том, что Зоралда не так легко рассталась с мечтой о троне. И то, что произошло дальше, отлично знает и не раз обсудил каждый человек в королевстве.

Змей утвердительно кивнул, да, все именно так. Всех потрясло известие о скоропалительной двойной свадьбе, произошедшей в часовне этого самого замка. Но еще более поразило знатных гостей герцога, когда рядом с королем они обнаружили не статную и состоятельную Зоралду, а почти никому не известную худенькую и серебристоглазую Леонидию. Третью дочь небогатого графа, обладающего маленьким поместьем далеко на юго-востоке, почти под Геркойским хребтом.

Но еще большее потрясение ожидало страну на следующий день, когда стало известно, что отправившиеся после свадебного застолья в свой королевский дворец молодожены

так и не доехали до столицы. Карета была обнаружена под мостом через небольшую речушку перевернутой, юная новобрачная исчезла, как, впрочем, и кучер с двумя охранниками.

А вот короля нашли чуть ниже по течению в прибрежных камышах, однако с тех пор он стал совершенно другим человеком.

Глава 29

– Вот как, – задумчиво произнесла наконец матушка Тмирна, – я всегда считала, что хитрый Георгиус откупился другом от влюбленной в него баронессы, а оказывается, это ею откупилась от Олтерна. И это в корне меняет дело. Ты поняла, Эста?!

– Конечно. Очень самонадеянные мужчины поделили провинциалок по взаимному уговору. – Змей даже поежился от неприкрытой прямоты этого суждения, а от окна до тихони донесся скрип зубов. – Но оказалось, что девушки попались с характером и были не согласны с таким решением. Интересно, конечно, как их заставили пойти в часовню, обманом или зельем, но теперь уже неважно.

– Хорошо, продолжай, – одобрительно кивнула ей наставница.

– Там за дверью что-то происходит, – вместо продолжения сообщила вдруг тихоня.

Змей мгновенно вскочил с места и ринулся к дверям, но открывать не торопился, замер, прислушиваясь.

– Кого-то не пускают, – раздался совсем рядом тихий голос, и Дагорд яростно покосился на невозмутимую вуаль, вот куда она каждый раз лезет вперегонки с мужчинами?!

– Сам проверю, иди на место. – Граф решительно развернул девушку и подтолкнул к столу, чувствуя, как миглом согрелись ладони от этого прикосновения. А в следующую секунду уже распахнул дверь: – Что тут происходит?

– Мы ему объясняли, что у герцога важный разговор, – пояснил гвардеец, но Змей и сам уже узнал полукровку, рассеянно разглядывающего воинов, держащих его за руки, – но он упрямый.

– Если там Алн, то его можно пустить, – подала со своего места голос Тмирна.

– Это еще кто такой? – насторожился герцог.

– Это я, – безмятежно сообщил полуэльф, входя в комнату, – добрый день, хранящая Тишину.

– Здравствуй, Алнервизель, – приветливо улыбалась ему настоятельница, – чай пить с нами будешь? Как раз не горячий. А то я уйду скоро и не поговорю с тобой.

– Буду, – не стал спорить Алн, бросил у стены мешок и сел рядом с Эстой, заставив сердце графа неприятно дернуться. – А у тебя снова ноги болят?

– Немного, – отмахнулась монахиня, но он нагнулся, взял ее лодыжки в руки и поднял к себе на колени.

Несколько секунд сидел молча, полузакрыв глаза, и все, притихнув, наблюдали за ним.

– Не пей больше зелья, – серьезно сказал Алн, возвращая ноги монахини на место, и тряхнул ладонями в сторону.

Змею показалось, что что-то светлое блеснуло у него на руках, но промелькнуло оно так мимолетно, что утверждать что-то всерьез он бы не решился. А Тмирна уже наливала полукровке чай, подвигала фрукты, пирожные и сладости.

– Вы о чем-то плохом говорили, – аккуратно и красиво съев одно пирожное, поднял полуэльф прозрачно-зеленые глаза на монахиню, и она внезапно вздохнула с откровенной тревогой.

– Выясняли, почему король женился на Леонидии.

– Тмирна! – угрожающе прикрикнул герцог. – Ты обещала никому не говорить.

– Так он же не человек, – изумленно подняла брови женщина, – и в наши дела не вмешивается! И никогда ничего не говорит.

– Не говорю, – серьезно подтвердил Алн и взял еще пирожное, – бесполезно. Никто не слушает. Я ему в ту ночь сказал... жалко стало, что погубит истинный дар, он тоже не послушал.

– Что?! – Герцог стремительно прошагал к дивану, шлепнулся напротив полукровки и впериł в него пронизательный взгляд. – Когда?

– Когда обрывались синие цветы, – загадочно обронил полуэльф и спокойно откусил пирожное.

– Так это все-таки ты был, – подозрительно рассматривая странного гостя, процедил Олтерн. – Ну, а куда пропал?

– Ушел, – небрежно пожал плечами тот, посмотрел на герцога и туманно объяснил, – тут боль была... я не мог терпеть.

Змей еще раздумывал, правильно ли он понял, что Алн чувствует не только телесную боль, но и душевную, а монахиня, скорбно вздохнув, начала объяснять:

– Я себе голову сломала, откуда через год после этой странной свадьбы у нас в королевстве взялись заговорщики. Причем совершенно неправильные. Ведь голода и войны не было, урожай в тот год отменный, бедноте не до бунтов. А в знатных семьях такого смутяна, чтобы мечтал о королевском троне, тоже не наблюдалось. И Пэгирт, кузен короля, объявивший себя повелителем, тоже никогда ни глупым, ни самонадеянным не считался. Да и сподвижники его все были из бедных, но законопослушных семейств, и никто прежде не замечен в бунтах или дерзости.

– Зачем ты это рассказываешь, разве кто-то не знает?! – почти с ненавистью процедил Олтерн, почувствовав, что она почти вплотную подобралась к его последним тайнам.

– Да ведь понятно зачем, – сердито бросила вдруг обычно невозмутимая тихоня. – Если вы с королем не поняли, то я теперь отчетливо вижу, кто стоял за Пэгиртом и откуда у сыновей бедных родов было столько денег на наемников и оружие! И почему вы свою жену из поместья не выпускаете, тоже ясно! Но вот одного никак понять не могу! Почему вы так сурово наказали всех, кто случайно или под давлением оказался замешан в том перевороте?! Ведь отправить в темницу нужно было первым делом вашу жену, Олтерн!

– Она и сидит! – не выдержав, рявкнул герцог и с хрустом сломал руками точеную спинку стула. – В башне! Под охраной самых проверенных гвардейцев!

Он пробежался по комнате, выискивая взглядом, что бы еще сломать, и, развернувшись, остолбенел, увидев рядом с собой Тмирну, державшую в руках чашечку.

– Что это?!

– Зелье. Нужно пить, пока не выйдет вся гадость, что накопилась в теле. – Настоятельница смотрела так участливо, что герцог молча выхватил у нее из рук чашечку и проглотил уже знакомую горьковатую жидкость.

– Спасибо, – пробурчал неприветливо, помолчал, потом обреченно и устало сказал: – А отправить ее в темницу я не мог. Должен был бы тогда отстраниться от дел, а кому их разгребать? Лоурден был еще очень мал, а Георгиус после той ночи забросил все дела и ничем не интересуется. Целыми днями сидит и смотрит в окно, спасибо, хоть указы подписывает. А насчет причастных к перевороту... не хочу оправдываться, но в тот раз его как прорвало. Требовал всех повесить... семьи в монастыри, имущество в казну, а дома сровнять с землей. Еле уговорил его на более мягкое наказание, три дня рядом сидел.

Змей знал, что про короля все правда, старые друзья рассказывали. Но раньше он думал, что так повлияла на его величество трагическая гибель юной жены. Ведь все в королевстве были уверены, что новобрачная выпала из кареты и утонула, а охранники и кучер, не сумевшие ее спасти, сбежали от гнева его величества куда глаза глядят. И только теперь граф начал подозревать, что все было намного сложнее и таинственней.

– Эста, пиши указ, – подливая Алну еще чая, скомандовала Тмирна, – придется мне

самой идти с Олтерном к Георгиусу.

– Какой еще указ? – окончательно опешил герцог.

У него все усиливалось ощущение, что он спит и видит невероятный сон. И одновременно он отлично понимал, что все происходит на самом деле. И в его замке отныне командует не он сам, а компания неведомых людей, из которых Олтерн мог поручиться только за Змея, да и то с опаской, после того как почти силой пытался вернуть графа к себе на службу.

– О помиловании, разумеется, – скорбно вздохнула Тмирна, – и не только вы с королем в том грешны, что невинные люди так жестоко пострадали. Все мы, кто имеет хоть немного власти и сообразительности, давно должны были вытрясти из тебя это признание.

– Он не подпишет, – уверенно замотал головой герцог, – бесполезно и пытаться. Он мне даже разговаривать запретил на эту тему.

– Не подпишет этот, значит, подпишет другой, – твердо заявила монахиня и упрямо сложила руки на груди. – Эста, пиши еще указ, об отречении. Я пока пошлю пару писем.

– Кому, если не секрет?

– Патриарху церкви всех святых и главе гильдии целителей.

– И они тебе ответят?! – неверяще вытаращился на нее Олтерн.

– Не только ответят, но и приедут. Алн, а ты с нами пойдешь в королевский дворец?

– Я с ней пойду, – кротко показал полукровка на Эсту.

Дагорд плотнее сжал губы. И этот туда же! Демон, ну и зачем ему понадобилось тащить с собой этого белобрысого? Так ведь даже предположить не мог, что тот с первой секунды приклеится к его глупышке. Вернее, к глупышке Герта.

– Змей, прикажи запрягать карету с гербами и выбери трех человек для охраны. – Услышав уверенное распоряжение, разозленный граф ухмыльнулся, матушка Тмирна командовала, как опытный полководец. – Мы едем во дворец.

Однако спорить не стал, поднялся с места и отправился выдавать указания и назначать заместителей на время своего отсутствия. А попутно размышлял над тем, что собирается устроить настоятельница. Причем ведет себя так обыденно, словно намерена купить воз дров, а не сменить на троне короля и освободить несколько сотен заключенных. Дагорд пока не знал, будут ли среди них его братья и кузены, все сведения об осужденных были строго засекречены. Как говорилось в указе, дабы имена их были прокляты и преданы забвению. Но не думать и не надеяться, что они вернуться, не мог.

Хотя и считал себя еще с юности отрезанным ломтем. Ведь после того, как отцу, младшему брату хозяина родового поместья, удалось пристроить семнадцатилетнего Дагорда адъютантом к одному из старых друзей, семья почти перестала им интересоваться. Змей даже не был уверен, узнали ли они о том, что уже через два месяца он отличился во время переезда короля в южную резиденцию. Выловил сбежавшего от гувернеров принца почти на подходе к болоту. И после этого был переведен в адъютанты Олтерна, а к моменту переворота числился сержантом элитного гвардейского полка.

– Карета готова, – вернувшись в гостиную, доложил Дагорд обнаруженному там герцогу.

– Они пошли переодеваться, – сообщил тот примирительно, – садись, отдохни. Ты так и не поспал.

– Ничего, – суховато отмахнулся граф, но все же сел, – позже посплю.

– Она все нашла в вашем замке? – вдруг поинтересовался Олтерн, и Змей едко усмехнулся про себя:

– А разве вашей светлости не доложили?

– Твой друг вчера выгнал моего последнего доносчика. Предложил уйти по-хорошему. – Олтерн присматривался к давно знакомому воину и командиру с особым интересом.

Контракт так и не подписан, и ничего, кроме указа, у Змея в кармане нет, а работает он так, словно получает тройное жалование. Хотя, как она сказала, эта тихоня? Выбирайте не тех, кому много платили?! Демонская сила, как резко вдруг все повернулось, осветилось с неожиданной стороны, отдаваясь в груди горьким сожалением и болью. И оказалось, что он не только доверял не тем и платил не самым достойным, но и женился не на той, заставив себя поверить, что любовь – это не самое ценное.

И ведь чувствовал же, как кто-то безжалостный вырывает ему сердце, когда смотрел со стороны, как она бежит на назначенную с ним встречу. Не догадываясь, что шляпа и плащ Олтерна надеты на другого. Демон, ну каким же он был дураком!

– Надеюсь, он не попадется мне здесь, – помолчав, холодно ответил Дагорд, – я не терплю шпионов.

– Я как раз хотел тебя попросить... – Олтерну очень не хотелось этого говорить, Змей по-своему прав, но и терять старых, преданных слуг было жаль, не так много их осталось! – Не будь к ним строг. Они выполняли приказ, и, между прочим, я тайно велел им тебя охранять, когда в вашем замке начались беспорядки. Ты не знаешь... но скоро, если король подпишет указ, это не будет секретом. У Герта живы отец и брат, но они были лишены памяти. Согласись, это лучше, чем ломать камень в горах?

– Все хорошо, когда касается не тебя, – хмуро проворчал Змей, представив, как его собственные родичи придут к руинам дома, загорелые, оборванные, с мозолистыми руками... и внезапно истово пожелал, чтобы вернулись все.

И кузен Гартлиб, поддразнивавший его в детстве, и строгий дядюшка Модерз. А еще тетушка и кузины... и вдруг ясно понял, что про женщин мог бы спросить и раньше, но почему-то боялся. Знал историю Герта, которого женили на старой деве, и понимал, что с кузинами должны были поступить так же. Но Геверту хотя бы повезло, Ниресса оказалась милой и кроткой и, как граф недавно узнал, заботилась даже о нем самом, как умела. А вот девушкам могло не повезти... и помочь им он ничем не мог.

– Я постарался устроить всех твоих родственников вместе и на самой легкой из всех работ. В лесу, на заготовке дров и бревен на крепеж, – вдруг неожиданно даже для себя сообщил его светлость сведения, которые придерживал на крайний момент, если Змей будет продолжать упрямиться. – А их женщины живут в соседнем городке. И они имеют возможность видаться. Но там не все. Твой дядя погиб во время подавления мятежа. Кузен в бегах, а старший брат был сильно ранен в ногу. Теперь он хромым и потому работает на кухне.

– Демон, – выдохнул Змей, попытавшись представить старшего брата, спокойного и рассудительного Лаверта, на кухне, – я сам поеду за ними.

Глава 30

– Куда это? – немедленно заинтересовалась вернувшаяся в комнату Тмирна в строгом черном платье и такой же вуали, приподнятой над закрывающей лицо румяной маской, которую монахиня носила во время допроса.

– Если король подпишет амнистию, за отцом и братьями, – ответил Змей откровенно.

Не уточняя, какой из королей, старый или новый. Впрочем, для него это не имело особого значения, хотя принц, конечно же, лучше.

– Нет, – мягко вздохнула монахиня, – это неправильное решение, хотя и благородное. Идем в карету, я все объясню тебе по дороге.

– Они не единственные, кто вернется к разбитому дому, и поверь мне, многим придется намного хуже, – печально сообщила монахиня, когда они устроились в удобной герцогской карете: Олтерн с матушкой Тмирной на заднем диванчике, а Змей, Эста и Алн – напротив.

– Но твоим родичам я сама помогу добраться, у меня есть там надежные люди. Не волнуйся, их и оденут, и накормят, и привезут. А вот ты сейчас нужнее всего здесь, потому что развалил все прежние порядки в охране и пока не закрепил новые указами и пояснениями. Если ты уедешь, начнется крысиная возня. Выяснение, кто сильнее, и борьба за твое место или место твоего помощника. Да и новых гвардейцев вместо тех, что отправил в гарнизон, тоже тебе набирать.

– Змей, – посмотрев сквозь вуаль на нахмурившегося графа, осторожно коснулась его руки Эста, – матушка права. Кстати, я написала для тебя контракт, хочешь почитать? Его нужно подписать, пока мы не приехали во дворец. Ты же понимаешь, что принцу тоже захочется иметь тебя среди своих людей.

– Давай, – нарочито угрюмо буркнул Дагорд, забирая у тихони контракт и поворачиваясь к оконцу.

Показывать всем, что ее тихий голос и простое прикосновение затянутых в перчатку пальчиков мгновенно всколыхнули в душе неведомые надежды и отвлекли от мыслей о братьях, почему-то не хотелось. И настолько непривычным и непонятым оказалось резко возникшее стремление подальше спрятать ото всех не только свои неожиданные чувства, но и глупышку вместе с ее странными нарядами и жуткими масками, закрыть в надежном замке, запереть все ворота и поднять все мосты, что Змей не узнавал сам себя и терялся. Начиная с досадой подозревать, что влип так основательно, как никогда ранее.

Теперь он очень отчетливо понимал, что ощущал Олтерн в те весенние ночи пятнадцать лет назад, и просто не мог не посочувствовать бывшему господину. Да теперь уже и нынешнему. Граф пробежал глазами контракт, ни на миг не сомневаясь, что Эста предусмотрела для него все. И возможность уйти, если от него потребуют несоизмеримых с понятиями о чести действий, и возможность вернуться к герцогу Адерскому, если тому понадобится помощь. Но хотя разумом понимал, что, скорее всего, она сделала бы то же самое и для Геверта, и даже для лукавого Лаутра, благодарное умиление все равно омывало душу незнакомым теплом.

– Вот, – поставив широкий росчерк, передал он бумаги герцогу, – я подписал.

– Спасибо, – кивнул Олтерн, неожиданно почувствовав в горле комок, сам он ни за что не присягнул бы человеку, еще вчера бросавшемуся на него с кинжалом.

– Я тоже подписала, – протянула свой лист Эста, наблюдая из-под вуали за герцогом.

За последние сутки с ним произошли разительные перемены. Олтерн больше не был жестким и непреклонным интриганом, смотревшим на всех с такой холодной высокомерной властью, что каждый сразу понимал: перед ним почти единоличный правитель страны. Теперь словно что-то сломалось или растаяло внутри него, несомненно, делая герцога Эфройского более уязвимым, но одновременно и более человечным. Отныне тихоня уже не считала работу на него возвратом долга за хорошо

оплаченный договор и готова была работать за обычное вознаграждение, лишь бы помочь хоть немного исправить последствия давнего самонадеянного поступка. Или, скорее, фатальной ошибки из разряда тех, что меняют границы и судьбы целых стран.

– Дагорд, а тебе не нужно получить у Геверта освобождение от клятв? – прочтя контракт и не найдя в нем никакого упоминания об особой оплате, деликатно поинтересовался герцог.

– Герт не принимал у меня присяги. – В голосе Змея невольно проскользнули нотки превосходства. – Сказал, что с друзей клятв не берет.

– Из мальчика вырос хороший человек, – мягко подтвердила матушка Тмирна, – несмотря на все свалившиеся на него несчастья.

Эста только печально вздохнула, вспомнив, как Геверт не хотел ее отпускать. Ей и самой хотелось бы еще хоть пару дней пожить в родном замке, обойти знакомые стены и башни, постоять на западной галерее, провожая гаснущий закат. Но пока не стоит об этом и мечтать, поход с настоятельницей в спальню якобы ради переодевания на самом деле был не чем иным, как обменом мнениями и догадками. Хотя сестры Тишины и не любили пустых предположений, от основанных на доказанных фактах догадок никогда не отрекались.

– Ты все верно сделала, – тихо сказал Алн, светло улыбнувшись тихоне, и Эста неожиданно сообразила, что плотная вуаль вовсе не преграда для чуткого полуэльфа, и ее неслышный вздох он прекрасно расслышал.

Поэтому отвечать не стала, просто улыбнулась в ответ, не пытаясь разгадать, что именно он имел в виду.

В парадном зале королевского дворца их ждала целая толпа народа. Первыми взгляд притягивали стоявшие плотной кучкой вокруг патриарха сопровождавшие его жрецы в длинных белоснежных накидках с разноцветной вышивкой по подолу, затем важно озиравший присутствующих глава гильдии целителей в темно-зеленом балахоне. Он тоже был с коллегами, как и старший королевский дознаватель.

Навстречу герцогу со спутниками торопливо ринулся старый дворецкий, сияющий золотой вышивкой фиолетового камзола и посматривающий на ораву нежданных посетителей слегка настороженно и недоверчиво. Не принято было во дворце устраивать какие-либо собрания или торжества, не предупредив его заранее.

– Король у себя, – доверительно сообщил старик герцогу после обычной приветственной процедуры и не успел ничего добавить, как Тмирна спокойно и властно взяла его под руку.

– Проводи меня к нему, у нас важное сообщение.

И озадаченный слуга, не дождавшись ни от кого ни опровержения этого приказа, ни какого-либо объяснения, покорно увел монахиню в боковую дверь.

– Думаю, нам можно посидеть, – оглядев присутствующих, осторожно предложил глава целителей, но патриарх молча покачал головой, и все остались на своих местах.

– Его высочество принц Лоурден, – объявил вернувшийся дворецкий, – с сопровождающими его лицами.

Сопровождающими лицами принца оказались его друг и наставник барон Роенз и три девушки. Две из них были обычными фрейлинами, а в третьей Эста узнала Розу, выполняющую обязанности кокетки. И разумеется, она была самой живописной из девушек в своем нежно-сиреновом платье с многочисленными оборками, обшитыми атласными ленточками и золотым кружевом. Золотистые кудряшки и локоны, сияющим облачком обрамляющие ее оживленное личико, венчал сиреневый кружевной бант.

– Ах, сколько народу, – восхищенно пролепетала Роза, яркой бабочкой влетая в зал, – у его величества званый обед или прием? А почему нам ничего не сказали? Я не одета для

такого торжественного случая. Ой, смотрите, здесь жрецы, а вон тот, по-моему, патриарх! Ваше высочество, вы не сообразовали меня с ним познакомиться?

– Я пока сам не знаю, что произошло, – проходя к Олтерну, терпеливо объяснял ей принц, – но познакомлю вас, Роза, со всеми. Добрый день Олтерн, что случилось?

– Есть известие, – осторожно сказал герцог, проклиная про себя самонадеянную монахиню, ну кто так решает подобные дела? Нужно было приехать, договориться и лишь потом звать влиятельных господ в свидетели, – что ваш батюшка решил вручить вам официальную власть.

– Олтерн! – потрясенно уставился на советника принц. – Ты шутишь? Я сегодня утром заходил к нему, он даже слова не сказал.

– Герцог Адерский! – объявил дворецкий, и Эфройский напрягся.

Впрочем, не он один. Еще двое из присутствующих с мгновенно вспыхнувшей тревогой уставились на широко распахнутые створки двери, в которые входил Геверт в своем парадном голубом камзоле, изящно расшитом серебром. И если Эсте удалось скрыть под вуалью весь букет разом расцветших в душе чувств, в котором к радости и изумлению примешивалась досада и толика настороженности, то Змею пришлось собрать все самообладание. Но внимательный взгляд тихони, брошенный из-под вуали, отметил и виноватую растерянность, мелькнувшую в глазах графа, и его огорченно поджавшиеся губы.

А едва Эста представила, как сейчас Геверт со свойственной ему прямоотой спросит друга, что тот здесь делает, да еще и в мундире гвардейского королевского полка, мгновенно начала действовать. Легко и неслышно скользнула к кокетке, щебечущей очередную бессмыслицу, и тихо спросила, нет ли у нее капля от мигрени.

– Ах, конечно, есть, – беззаботно улыбнулась та, – давайте отойдем в сторонку, там светлее.

На то, что они в этот момент как раз и стояли под люстрой, никто из слышавших этот разговор и не подумал обращать внимание ветреницы, все давно убедились, что очевидные вещи ей недоступны.

– Вот, держите, – темный флакончик без этикетки перешел из руки в руку с легким пожатием, и Эста, вежливо поблагодарив, ушла на место, уронив на прощанье, что обычно она пьет настойку незабудок.

А через несколько секунд кокетка с легкомысленностью избалованного ребенка тащила принца в сторону Геверта, уговаривая познакомиться с новым гостем.

– Я Роза! Ой, а вы уже герцог? А такой молодой! А говорят, у вас есть зверь? Ой, я так хочу посмотреть! А его можно гладить? А он никого не съел?

Яркая, как южный цветок, девушка улыбалась Геверту открыто и искренне, отнюдь не жеманно, как придворные прелестницы, а от всей души, словно селянка-простушка. Лукаво изгибались полноватые губки, весело щурились, не опасаясь грядущих морщинок, глаза редкого, медового цвета, смеялись ямочки на щеках.

Кокетка болтала и смеялась, одновременно, словно невзначай, стараясь загородить собой от герцога Адерского остальных гостей. Впрочем, он и сам пока не старался их рассматривать, Герту нужен был Олтерн, а тот стоял в окружении столь важных особ, что затевать при них серьезный и приватный разговор было совершенно невозможно. А вот на девушку он смотрел с искренним удовольствием, его уставшей и издерганной душе как раз не хватало именно вот такой легкомысленной беззаботности.

– Его величество Георгиус дель Таридит Ардагский, – не называя всех титулов, коротко объявил дворецкий, и в зал вошел король.

Через несколько секунд, дождавшись, пока взгляды всех присутствующих устремятся на его величество, неторопливо и как-то устало идущего к своему креслу, в дверь проскользнула монахиня и встала рядом с Олтерном.

– Подпишет, – шепнула одними губами, и герцог облегченно кивнул, чувствуя, как отпускает напряжение и взамен наваливаются печаль и ядовитая горечь.

Святая Тишина, как все просто! Он столько лет нёс это тяжкое бремя, дожидаясь, пока бывший друг очнется от своей черной меланхолии или догадается отдать тяготившую его корону повзрослевшему сыну, а никому не известная женщина в простеньком платье и с маской на лице поговорила полчаса, и все решилось. Хотя насчет безвестной он определенно поторопился, по запискам незнакомок являются куда указано только начинающие ловеласы. Но вот он бы не пошел... и, как выяснилось, глупо бы сделал.

– Зачитай, Тедвор, – протянув дворецкому знакомый Змею лист, приказал король и подвинул ближе перо.

– Сегодня, в день девятый листопада, в году семьсот сорок восьмом от великого разлома, я, король Георгиус дель Таридит Ардагский, находясь в полном уме и здравии и не под действием чар или постороннего давления или влияния...

В зале стояла такая тишина, что от падающих как камни в колодец слов по спинам присутствующих невольно пробегал морозец.

– ...и, кроме того, завещаю сыну моему все свое имущество, где бы оно ни находилось, а единственным условием ставлю подписание двух приложенных указов.

Опечаленный дворецкий положил перед королем прочитанный документ, и тот невозмутимо вывел на нем все завитки своей росписи. А затем поставил оттиск снятой с пальца королевской печаткой и с грустной улыбкой протянул ее на раскрытой ладони растерянному и побледневшему Лоурдену.

– Я передаю в твои руки королевство не в лучшем виде, сын мой, и очень надеюсь, что тебе удастся сделать то, что не получилось у меня. Возьми эту печать и подпиши два первых указа.

Первый приказ об амнистии все выслушали еще внимательнее, чем отречение, и с затаенным дыханием, а второй заставил присутствующих озадаченно хмуриться и украдкой поглядывать на главного храмовника. Но он сделал совершенно невозмутимое лицо и не высказал никакого протеста против явно вторгавшегося в зону его влияния указа об обязательном вопросе вступающим в брачный союз. Отныне каждый жрец или господин, вершащий законы на своей территории, обязаны были трижды уточнить, по велению ли сердца вступают жених с невестой в совместную жизнь.

Глава 31

Известие о том, что и отец, и брат, и все остальные заговорщики и их пособники теперь прощены и имеют права вернуться домой, так ошеломило даже не мечтавшего о такой возможности Герта, что он на несколько минут забыл о том, зачем бросил свой замок и приехал к железному Олтерну. Юный герцог, растерянно кусая губы, стоял там, где на него напала удивительная фрейлина, и никак не мог сообразить, куда ему сейчас идти и что делать. Слишком резко и быстро закрутилось колесо судьбы, почти каждый день подбрасывая ему новые заботы и открывая новые тайны.

– Идем, – в тихом голосе, почти шепоте странной девушки в немыслимом платье и еще более немыслимой вуали, заматывающей голову как тюрбан и низко свисающей на лицо, герцогу почудилось что-то знакомое, и он послушно пошел за ней в одну из боковых арок, оказавшись в небольшой, уютной комнатке-нише.

– Что ты хотела?

– Герт, – Эста обернулась и крепко обняла брата, – как я рада... что они больше не должны жить чужой жизнью!

– Эста? – Герцог попытался приподнять вуаль, но оказалось, что девушка крепко ее держит.

– Там маска... она тебе не понравится.

– Ты взяла контракт? – догадался он.

– Так нужно было, Герт. Я потом все расскажу. Хорошо, что ты пришел, сейчас узнаю, где отец, и ты поедешь за ним. Змей даст тебе стражников.

– Откуда тут Змей? – непонимающе смотрел на сестру Геверт. – Лэни, подними ты эту тряпку, я хочу посмотреть тебе в глаза.

– Вот почему ты такой упрямый? – пожаловалась Геверту девушка. – Ну, хорошо. Только не пугайся, маска специальная, ошеломляющая.

И она неторопливо подняла вуаль.

– Демон, – поперхнулся герцог готовым сорваться с губ заверением, что его невозможно ничем ошеломир, – какая гадость. Но глаза – твои... и перестань смеяться.

– Просто я так рада... и не обижайся на Змея. Он тут очень помог, враги у Эфройского были более чем серьезные.

Говорить о том, что они никуда пока не делись, эти злоумышленники, и, наоборот, стали еще злее и опаснее оттого, что кто-то осмелился нарушить их планы, она не собиралась. Пусть едет за отцом и потом спокойно сидит в замке, откармливая старика бульонами.

– А я на него и не обижаюсь, – осторожно и любознательно потрогав пальцем щеку сестры, огорошил Эсту Геверт, – наоборот, рад, что он тут. Мне намного спокойнее, когда ты под надежной защитой. А как к этому отнесся Олтерн?

– Предложил Змею контракт и должность командира замковой стражи, – с облегчением сдала графа тихоня, – и он подписал. Я посоветовала.

Герт с минуту раздумывал над этими словами, потом осторожно спросил:

– Мне кажется... или все это как-то связано с сегодняшним заявлением короля?

– Не кажется... – так же осторожно ответила тихоня, – но об этом вслух не нужно. Посиди тут, я схожу узнаю, где отец. Олтерн помнит наизусть... за отцом и братьями графа уже послали людей.

– А может, мне подождать в зале? – вспомнил Геверт новую знакомую.

– Герт, мне некогда искать тебя среди поздравляющих, – не согласилась тихоня, уже

расслышавшая гул голосов и смекнувшая, что это открыли двери для всех придворных, заинтригованных странным собранием.

- Тебе не придется искать, я сам сюда приду. Только найду одного человека.

- А этот человек не ходит случайно с огромным бантом на локонах?

- Как ты угадала? Я просто попрощаюсь, ты увела меня так неожиданно.

- Геверт! Не нужно с ней прощаться, это Роза.

- Ну, да, так она и сказала... - Герцог запнулся и внимательно посмотрел в глаза сестры. - Что? Ты ее знаешь?

- Знаю, - виновато призналась Эста, - поэтому посиди тут.

- Нет, как раз теперь я не буду тут сидеть, - упорство Герт стало еще настойчивее, - теперь я хочу с ней поговорить. Она сразу показала мне необыкновенной... и теперь я понимаю почему. Я уже видел, как ты точно так же болтаешь обо всякой ерунде, а глаза смеются над собеседником. Не отговаривай меня.

- Герт, - устало пояснила тихоня, - поверь мне, тебе не нужно ни говорить с ней, ни продолжать это знакомство. Роза очень хорошая кокетка, но это только работа. В жизни она совсем другая, тихая и спокойная, и у нее не настолько простая судьба, чтобы ты добавлял ей забот. В общем, я запрещаю.

- Эста, - герцог привлек сестру к себе и внимательно заглянул ей в глаза, - я тебя очень люблю и благодарен за то, что ты сделала. И я очень уважаю твое мнение. Но сейчас ты не права и не имеешь никакого права мне запрещать. И вообще, ну с чего ты взяла, что я собираюсь добавить ей забот? Неужели я похож на коварного соблазнителя?

- Я не об этом. - Эста узнала приближающиеся шаги и торопливо обняла брата, прижав голову к его груди. - Просто я тоже тебя люблю и не хочу, чтобы ты обманулся... или обманул других. Это очень больно.

- Эста, пора уходить. - В нишу проскользнула матушка Тмирна.

По пятам за ней следовал Алн, странно и чужеродно смотревшийся среди роскоши парадного зала в своем простом плаще. А за ними стоял Змей, и по его застывшему лицу и плотно сжатым губам нетрудно было понять, что граф чем-то сильно недоволен.

- Куда уходить? - Герцог сразу теснее прижал к себе сестру, склонил голову и заглянул ей в глаза. - Эста?!

- Она пока не знает. Мы едем в поместье Олтерна, - внимательно наблюдая из-под румяной маски за герцогом, мягко сообщила ему монахиня. - Кареты уже ждут.

- Я с вами, - мигом сориентировался Геверт, с досадой признавая, что поговорить с кокеткой сегодня ему уже не удастся.

Однако герцог твердо намеревался вернуться сюда в скором будущем.

- Нет, ваша светлость, - еще ласковее покачала головой странная женщина, которая так свободно распоряжалась его сестрой, - вы идете на порталную башню. Герцог Эфройский уже подписал для вас приказ и выделил охрану. Ваш отец в одной из западных крепостей, и вам будет проще увести его порталом. Возьмите вот эту бумагу, здесь кодовое слово-ключ. Его нужно прочесть заключенному три раза, твердо и внятно. Но лучше сначала привезти его в замок, дать успокаивающее зелье и предложить сесть и закрыть глаза. Тогда ему будет легче. Поторопитесь... все уже готово.

Побледневший герцог проглотил вставший в горле тяжелый ком, нежно прикоснулся губами к волосам снова опустившей вуаль сестры и, забрав бумаги, решительно прошел к выходу. Но возле Змея остановился, взглянул ему в глаза и тихо попросил:

- Присмотри за ней.

- Не волнуйся, - так же тихо и слегка суховато ответил граф, и Геверт, серьезно кивнув,

торопливо направился в сторону ведущего к башне коридора.

А Дагорд, развернувшись, пошел впереди монашек к выходу, не желая пока их ни видеть, ни слышать. Особенно – Эсту. Хватило ему и того, что он успел рассмотреть. И того, что за эти мгновения почувствовал.

«Демон, – рычал он про себя, – ну вот за что мне это наказание? И хоть бы была она особенной красавицей, так нет! Правда, глаза хороши... когда рассмотришь. Но ведь я их почти не вижу! И лица не вижу, только изредка ужасную маску, которая, впрочем, почему-то не оттолкнула более чувствительного Герта».

В карету Змей садиться не захотел. Заявил, что и так засыпает на ходу, поэтому проедется по свежему воздуху. Воздух в действительности был свежим, пожалуй, даже чересчур. К полудню проворный северный ветерок натаскал тяжелых серых туч, накрыл небо над Датроном хмурым куполом, не предвещавшим ничего, кроме затяжной непогоды.

Олтерн, поджидавший их на крыльце, поколебался всего секунду, затем потребовал и себе коня, решив, что в случае дождя всегда сможет пересесть в карету.

Монахиня предлагала ему остаться в столице, лично проследить за подготовкой к торжественному ужину, который давал Лоурден в честь своего восхождения на трон, но герцог пояснил, что стража в его поместье имеет строгий приказ никого не пропускать в башню с заточенной там злоумышленницей. Даже короля или принца. Лишь он сам, после проверки тайных паролей, имел право подняться в ставшие темницей комнаты. Хотя пользовался этим правом крайне редко и только для того, чтобы спросить, нет ли у его драгоценной супруги желания наконец-то поведать ему некоторые, так и не выясненные дознавателями детали.

– Эста, – задумчиво поинтересовалась настоятельница, когда карета выбралась из переплетения столичных улиц и, набирая скорость, покатила по королевскому тракту на юг, – мне не показалось, что одному знатному мужчине нравится моя сестра?

– Нет, – откинув вуаль, кротко ответила девушка, умело скрывая усмешку.

Уточнять, о ком именно идет речь, она и не подумала, матушка специально готовила ей ловушку, но такие простые задачки тихоня давно научилась решать почти мгновенно.

– Вот как, – сделала вид, что озадачена ее ответом Тмирна, – и чем, по-твоему, закончится это влечение?

– Представления не имею, – с удовольствием выговорила Эста давно готовый ответ, – я никогда не строю предположений.

– А мне известно, что этот человек получил разрешение на свободный выбор. – Вот теперь намек матушки стал более прозрачен, и тихоня невольно перевела дух.

Стало быть, речь идет все же о Герте, и тогда она может ответить чуть откровеннее. Но по-прежнему не заглядывая в будущее.

– Да, получил.

– Надеюсь, он постарается не ошибиться с выбором, – внезапно закончила разговор монахиня, и Эста снова невольно мягко улыбнулась.

Такое уж сердце у их строгой и придирчивой настоятельницы, что начинает болеть за каждую глупышку или кокетку, едва та выходит из ворот монастыря. Наверное, оттого, что слишком много сил и душевного тепла вкладывает матушка, чтобы согреть и вылечить одинокие, искореженные и потерянные души пришедших к Тишине девочек и женщин.

– Я ему помогу, – теперь уже тихоня бросала загадку, ничуть не сомневаясь, что матушка так же легко найдет ответ.

– Надеюсь, – коротко усмехнулась та и подложила под щеку подушечку, показывая, что намерена подремать.

Эста тоже устроилась на сиденье поудобнее, до поместья добираться почти три часа, и можно обдумать все, что случилось за эти дни.

А также все, что не произошло, но вполне могло бы, хотя сестры Тишины и не любят пустых домыслов. И еще попытаться хоть немного представить себе предстоящее свидание с отцом. Несмотря на то что со дня знаменательной встречи с ним прошло почти двенадцать лет, тот день Эста помнит так отчетливо, словно это было несколько дней назад. Слишком часто вызывала в памяти и довольную полупьяную рожу в один миг ставшего чужим человека, и помертвелое лицо матери, и боль, которая резанула сердце безысходностью и невозможностью хоть что-то изменить. И все эти годы Эста тщательно скрывала свои истинные чувства к нему, видя, что они ранят и обижают мать.

А ее матушка так очевидно страдала от его хоть и невольного, но предательства, что не углядела, как при упоминании об отце каменеет лицо дочери. Заметила это настоятельница и несколько раз затевала с девушкой разговор на эту тему, рассказывая подобные случаи и призывая встать хоть на миг на его место. Однако юной сестре Тишины было трудно встать на место взрослого мужчины, и тайное сомнение в том, что можно забыть любимую жену и детей, не давало ей простить наказанного окончательно. Тогда Лэни просто отложила этот вопрос, занесла его в разряд тех, какие не хочется или неприятно обдумывать и вообще вспоминать. А вот теперь он вернулся, и хотя Лэни давно стала Эстой, повзрослела и давно поняла, что нельзя судить людей по собственным меркам, если не знаешь всех причин и обстоятельств их поступков, но представить себе, как первый раз взглянет в глаза отца, пока не могла.

- Твое сердце в клетке, - невесомо вздохнул вдруг Алн, и тихоня взглянула на него с искренним изумлением.

Ну да, как раз в этот момент она думала про то, что благодаря учителям и постоянным тренировкам отлично умеет владеть своим лицом и голосом и сумеет не выдать при первой встрече ни презрения, ни отчуждения. Но вот оставаться жить в родном замке, если придется все время ходить с такой невидимой маской на лице, вряд ли захочет.

- Так спокойнее, - попыталась она отшутиться, но полуэльф шутки не принял.

- Так легче, но можно просмотреть... главное.

- Алн, - не согласиться с ним Эста не могла, но обсуждать это не желала, - никто не знает, почему вы уходите из родных лесов, покидаете милую сердцу долину Эмаельгейл... это какая-то страшная тайна?

- Да, - не сразу ответил он, - все тайны сердца самые страшные. Особенно те, что хранят боль.

- Значит, вы уходите, когда случается что-либо тяжелое, чего вы не в силах перенести, - перевела его слова мгновенно «проснувшаяся» настоятельница. - Извини, мы не предполагали...

- Прости, - эхом отозвалась Эста, - я не хотела напоминать.

- Забыть невозможно, - качнул головой Алн, и белые волосы рассыпались по его груди, - если знаешь, что мог шагнуть по-другому.

- Ох, Святая Тишина, - горестно выдохнула Тмирна, - значит, и у вас бывают ошибки. А все говорят: мудрые, древние...

- Когда человек или эльф становится мудрым, - так же грустно произнес полукровка, - поздно совершать ошибки.

Он демонстративно надвинул на голову капюшон и отвернулся к окну, оставив монахинь в полной тишине искать в своих словах второй и третий смыслы, без которых, как всем известно, эльфы ничего не изрекают.

Хотя возможно, это заявляют те, кто не нашел и первого.

Глава 32

К тому времени, как небольшой отряд после тщательной проверки и соблюдения всех предписанных Олтерном правил въехал в ворота поместья, давно наступило время обеда, и Эста уже потихоньку сжевала несколько орешков и сушеных вишен, выданных им с Алном матушкой. Но тем не менее от горячего супа и порции жаркого определенно бы не отказалась, хотя и знала, что сначала Тмирна обязательно займется делом.

Не для того они столько тряслись в карете, чтобы сразу бежать к столу.

Башен у внушительного трехэтажного здания было не менее пяти, но Олтерн повел своих спутников к самой дальней, пристроенной к углу дома над крутым безлесным склоном высокого холма.

Змей рассмотрел это, шагая следом за Олтерном и монашками по узкой каменной лестнице, спиралью взбегающей наверх по внутренней стороне толстой стены. В круглой неприступной башне было несколько этажей, и преступница содержалась на третьем и четвертом.

А просторные помещения первого и второго, отделенные от лестницы чередой мощных колонн, занимали стражники. Внизу стоял длинный стол, и за ним человек шесть в форме заканчивали трапезу, выше было несколько лежанок и стульев для отдыха, перед входом стояли двое постовых.

Здесь проверка была еще кропотливее, но в конце концов начальник караула достал свой ключ, а Олтерн свой, и они одновременно отперли два замка.

– А как к ней входят каждый день, если ключ у вас? – едва оказавшись в первой комнате, любознательно поинтересовалась Тмирна.

– К ней никто не входит, – холодно отрезал Олтерн, – еду и чистую одежду сюда спускают через люк с пятого этажа, там еще один пост. А служанки ей не положено. Зато дают книги.

– Представляю, какая она образованная, – фыркнула, словно только для себя Эста, рассматривая слой пыли на полу, и громче добавила, – и грязная.

– Странно, – нахмурился герцог, – обычно Зоралда содержала свои помещения в чистоте.

– Я пойду первой, – непреклонно распорядилась настоятельница и ринулась вперед.

Змей устремился за ней и тут же с досадой обнаружил, что Эста сумела его обогнать. Ловить глупышку или хотя бы отодвигать с дороги граф поостерегся, памятуя об ее тайном арсенале, но отставать не пожелал и так и бежал по лестнице в спальню пленницы почти вплотную с легко летевшей по ступенькам монашкой.

– Святая Тишина, – обронила матушка, едва распахнув дверь, и в этот момент Дагорд умудрился протиснуться вперед.

И с первого взгляда понял, что именно так потрясло монахиню.

Существо, сидевшее за столом и с хрустом грызущее кость, никак нельзя было назвать женой герцога. Оно даже женщиной не могло быть, потому что вообще оказалось не человеком. Так сразу граф не смог определить, что за нечисть находится перед ним, потому что видел только серо-зеленую морду в обрамлении засаленных кружев чепца и когтистые лапы. Зато тотчас сообразил, что тварь эта опасная и ее лучше убить не медля, такие клыки и когти могут оказаться смертельно ядовитыми.

Змей решительно оттеснил монашек к двери и, достав длинный кинжал, крадучись, направился к столу, присматривая по пути, какой стул можно схватить и использовать вместо щита. Олтерн попытался было последовать за ним, но в него вцепилась настоятельница, успевшая перед этим что-то неслышно шепнуть ученице, немедленно двинувшейся вперед вслед за графом.

Однако, как вскоре выяснилось, у нечисти тоже был приготовлен свой собственный

план. Тварь стремительно соскочила со стула и швырнула в Дагорда сначала костью, которую он ловко отбил в сторону, а потом чем-то блестящим. Змей резко ударил по летевшему в него предмету ребром левой ладони, раздался еле слышный хруст, и, едва расслышав его, Эста успела метнуться к графу и ухватить его за пояс.

В следующий миг они исчезли, а жуткое существо, сорвавшее чепчик, бросилось к распахнутому окну и с ловкостью белки проскользнуло наружу между прутьями решетки, расположенными так тесно, что не пробрался бы и трехлетний ребенок.

Кто-то из охранников, топавших сзади и остановившихся в дверях, потрясенно охнул, отчаянно скрипнул зубами герцог, и только монахиня, деловито пробравшись вперед, внимательно осматривала следы зубов на кости и слой пыли на столешнице.

– Вы видели, как оно выскочило в окно? – строго спросила она побледневшего до синевы капитана гвардейцев, прощавшегося в этот момент с должностью, званием, а, возможно, и свободой.

– Видел, госпожа.

– Хорошо, вам придется подтвердить это письменно. – Она вернулась к онемевшему Олтерну, подхватила его под руку и повела прочь из комнаты, на ходу бросив гвардейцу: – Прикажите дознавателю все обыскать и составить акт. А потом приходите в кабинет его светлости.

– Вы так спокойны... матушка Тмирна, – пробормотал герцог, спускаясь рядом с ней по лестнице, – а судьба вашей воспитанницы вас не волнует?

– Меня даже судьба Змея волнует, – загадочно заявила она, – и герцога Адерского, но это не повод падать в обморок или начинать истерику. Хотя некоторые слабые духом мужчины зачастую хватаются в таких случаях за кубок с крепким вином.

– Некоторые женщины тоже, – едко ухмыльнулся Олтерн, начиная понемногу приходить в себя.

– В монастыре Святой Тишины настрого запрещены крепкие вина, – невозмутимо сообщила монахиня, – но сейчас меня интересуют два вопроса: дадут ли нам обед и желаете ли вы стать вдовцом?

– На оба вопроса ответ – «да», – твердо объявил герцог, – а как это вам удастся?

– Очень просто, сейчас мы напишем акт о смерти вашей жены от зубов проникшей через решетку нечисти. Все же видели, как она грызла кость?

– Но это была телячья кость, – попытался восстановить справедливость герцог.

– Ну да, – невозмутимо подтвердила Тмирна, – эта, разумеется, была телячья. Но вы же видели, какая там пыль?! С весны копилась, не менее. А ваша жена всегда убирала. Значит, хитрая бестия сожрала ее еще весной и даже косточки сгрызла. А может, в окно выбросила. А одежду носила, чтобы стража не заподозрила обман. Хотя, насколько я знаю, обычно такая нечисть живет стаями, и, возможно, тварей сначала было несколько.

– Но... – задумался Олтерн, отчетливо видевший в этом объяснении кучу нестыковок, и вдруг заметил, с каким насмешливым интересом поглядывают на него карие глаза настоятельницы, – ты что, проверяла меня?

В этот момент они добрались до комнаты, которую герцог в последние годы использовал как кабинет и столовую во время своих кратковременных приездов, и прошли в распахнутую слугой дверь. Здесь уже разгорались в камине дрова, и на столе стояли графины с напитками и пять бокалов, напомнивших его светлости об исчезнувших спутниках.

– Да, – проходя к столу и садясь на стул, легко призналась Тмирна, – интересно было обнаружить хранящуюся в душе железного Олтерна кучу моральных принципов. Вот только сейчас не тот случай, когда нужно про них вспоминать. Вам объявили войну и сделали первый шаг, потом второй, а теперь и третий. Пора начинать ломать планы заговорщиков.

- Тмирна, - в комнату с непривычной поспешностью вошел эльф, - куда они делись?
- Змей случайно сломал порталную капсулу, брошенную болотницей, - мягко сообщила монахиня.
- Известно, куда портал?
- Нет. Но, по-моему, он был одиночный.
- А пирамидка у нее есть?
- Сегодня Эста ее с собой не взяла, - ровно сказала матушка, и герцог снова встревожился, только теперь полностью осознав то, что сразу сообразила монахиня.

Дагорд с тихоней где-то в неизвестном, скорее всего диком месте, и у них нет ни еды, ни возможности отправить послание.

- Я ухожу, - развернулся к двери Алн, но монахиня живо вскочила и бросилась к нему.
- погоди, одну минутку! Может, сначала поешь?! И возьми денег и пенальчиков, а если не хватит, зайди в любом месте в гномий банк, я дам распоряжение.
- Возьми еще, - опомнился герцог, срывая с пояса свой кошель, однако Алн его отстранил.

Как и пенальчики. Взял только кошель монахини.

- Хватит. А письмо я пришлю.
 - Тмирна, возьми, - проследив взглядом за легко скользнувшим за дверь полукровкой, Олтерн всучил монахине тугой кошель и взялся за шнурок.
- Пока он отдавал указания насчет обеда и свободного прохода полуэльфа, настоятельница достала магическое перо и бумагу и принялась что-то строчить. Сначала отправила несколько пенальчиков, потом взялась за составление документа.
- Позже его подпишут Эста и Змей, - сказала так уверенно, словно они сидели в соседней комнате, - а пока хватит наших подписей, гвардейцев и дознавателя. Ты когда весной приезжал, разговаривал с ней?
 - Разговаривал, - хмуро вздохнул Олтерн, - правда, она произнесла всего несколько слов, что кормят хорошо и готовят то, что скажет. А видел близко, как тебя сейчас. Даже руку подал, когда она с кресла вставала. Когтей точно не заметил. И в комнатах было чисто, и одета, как обычно, во все свежее.
 - Значит, ушла позднее, - согласно кивнула монахиня и подписала документ, - вот теперь понимаешь, кому так хотелось получить за тебя наследство? Помнит, что это ее деньги. Подписывай.

- У нее оставалось достаточно золота в гномьем банке, записанного на чье-то имя, - мрачно признался герцог, - мне было противно его отнимать.

- А зря. Она на эти деньги в стране смуту посеяла. Хотя теперь поздно об этом, как Алн сказал.

В дверь постучали, и появились слуги с подносами, затем вошел вызванный герцогом капитан стражи. Он беспрекословно подписал документ и почти на цыпочках покинул комнату, еще не веря, что все обошлось и его не ждет кайло в каменоломне.

- Наконец-то обед, - искренне обрадовалась Тмирна и ловко спрятала бумагу и перья. - Надеюсь, суп тут готовят?

Готовили тут, как очень скоро выяснилось, все. К тому же много и вкусно, но монахиню это ничуть не удивило. Несмотря на допущенную когда-то ошибку, Эфройский умный господин и хороший хозяин и отлично знает: если хочешь, чтобы стражники служили старательно и дорожили местом, нужно платить больше, чем другие, и кормить лучше. Скупцы в конце концов обычно больше теряют, чем экономят на куске мяса.

- Здесь есть порталная башня? – доедая суп, поинтересовалась настоятельница, и Эфройский кивнул, не понимая, Впрочем, зачем ей башня, но монахиня пояснила сама: – Я сейчас ухожу, мне больше тут делать нечего, как и тебе. Но возвращаться в свой замок не советую, поживи с королем. Тем более там сегодня прием, только возьми отсюда с собой побольше стражников, здесь они уже не понадобятся.

Тмирна положила себе кусок гуся с черносливом и спокойно продолжила трапезу, украдкой поглядывая на Олтерна. Разумеется, она не могла не разгадать, какая надежда вспыхнула в душе его светлости, едва он обнаружил пропажу жены. Олтерн до сих пор, как и король, не желает смириться с мыслью о том, что юная королева тогда погибла. И в том, что кто-то сумел таким необычным способом доставить Зоралде портал, видит подтверждение своих надежд.

Впрочем, Тмирна и сама допускала такую возможность, хотя только Святая Тишина ведаёт, как она не хотела бы такого поворота судьбы. Слишком хорошо служительница Тишины знала, в какого монстра может за пятнадцать лет превратиться жаждущая мести девушка, которую оскорбил и предал возлюбленный. И вовсе не желала Эфройскому зла и боли, какие, скорее всего, ждут герцога в случае исполнения его мечты. Есть у Тмирны и еще одна причина не желать, чтобы ожили тени прошлого, но сестры Тишины предпочитают не предаваться праздным размышлениям.

- Тмирна, а почему бы тебе тоже не отправиться во дворец?! – обдумав ее советы и постановив, что все они разумны, осторожно поинтересовался сотрапезник, подозревавший, что монахиня знает много больше, чем говорит.

- Потому, что из монастыря я быстрее найду место, куда попали Эста и Змей, – не стала лукавить сестра Тишины, и Олтерн позавидовал такой уверенности, – а еще мне нужно отправить по домам несколько женщин... которые много лет ждут встречи с любимыми мужьями, отцами и братьями.

- Тмирна... – вспомнив про старую загадку, проницательно глянул на нее герцог, – а у тебя там случайно нет матери и сестры герцога Адерского?

- Случайно нет, – с едва заметной печалью ответила монахиня истинную правду.

Глава 33

– Демон! – с досадой выдохнул Змей, обнаружив вокруг себя полуоблетевшие деревья и кусты, над головой пасмурное небо, а рядом стоящую чуть ли не по колено в опавшей листве тихоню. Впрочем, и у самого графа ноги утопали в мягком, еще не поблекшем золоте и багрянце. – Зачем ты за меня схватилась?

– Чтобы ты мог выполнить просьбу Герта, – спокойно сообщила Эста, наклоняясь и поднимая подол.

– Какую просьбу?! – возмущенно уставился на девушку Дагорд и рассмотрел, что она делает.

Дышать сразу стало труднее, а в душе мгновенно стихла злость. И появилась безумная надежда... точнее, намек на нее, сразу угасший, когда оказалось, что под юбкой у девушки мужские штаны из плотного полотна. А юбку она вовсе не собиралась снимать, а только подвернула подол и, стянув его предусмотрительно продернутым в подшивке шнуром, прикрепила к поясу крючками.

– Ну, ты же дал Герту слово присмотреть за мной? А как бы ты его выполнил, если бы я была далеко?! – Девушка рассуждала очень серьезно, однако в ее голосе слышалась легкая насмешка.

– Эста!

– Я уже двенадцать лет как Эста, – так же ровно отозвалась она, вытаскивая из узких боковых карманов брюк пару тонких метательных ножей и уверенно кладя один из них на ладонь, – не шевелись.

Стремительный взмах руки, неприятный свист в локте от головы графа, а затем шуршание ветвей и мягкий шлепок.

– Что? – стремительно оглянулся Дагорд и обнаружил на листве серую кучку.

– Всего лишь лесная цесарка, но кушать очень хочется, – мирно сообщила Эста, проходя мимо и поднимая птицу за ногу, – идем вниз, там ручей.

– А у тебя нет портальной капсулы?

– Есть. Но она не светится.

– Демонская сила, – еще раз выругался Дагорд.

Если на капсуле не светится тонкая полоска, нанесенная магической краской, значит, поблизости, в пределах не менее трех пеших переходов, нет ни одной портальной башни. А в самой капсуле запаса магической энергии недостаточно, чтобы дотянуть до назначенного места.

Эста только молча кивнула, действительно, неудача. Но зато, если судить по количеству необлетевших листьев на деревьях и их яркости, портал утащил их на юг, и это намного приятнее, чем очутиться в северных скалах.

– И как долго мы будем готовить эту птицу? – собирая по дороге торчащие из-под листвы сыроватые сучья, скептически осведомился Дагорд через минуту. В том, что у запасливой монашки есть зажигательные палочки, он не сомневался ни минуты, как и в том, что готовить она умеет. Утро во дворце Росалины Змей запомнил очень хорошо. Но вот в то, что под юбками можно таскать даже самый маленький котелок, графу как-то не верилось.

– Быстро, – вздохнула она, – но все равно жилья поблизости нет.

– Как ты это определила?

– По бурелому и пенькам. В таком лесу должны быть пеньки и не валяться ни одного сучка, если рядом есть деревня.

Змей вынужден был признать, что это правда. Смешанный лес, по которому они пробирались, был редким, и если бы поблизости были деревеньки, их жители уже повытаскивали бы отсюда все сучья и упавшие деревья, да и срубили бы немало.

Вода нашлась в нескольких сотнях шагов, и Дагорд снова подивился про себя, как точно девушка вывела его к речушке. Если бы не свалился на ту поляну вместе с ней, мог бы подумать, что она местная жительница.

Выбрав местечко на вытоптанном зверьем берегу возле мелководья, граф принялся разводить костер, искоса приглядывая за устроившейся у воды девушкой.

– Тебе помочь?

– Надергай вот этих растений, когда костер разгорится, нижнюю часть стеблей можно испечь.

– Знаю, – кивнул граф, отправляясь на добычу рогоза, но едва влез в кусты, в сторону из-под ног порскнул крупный заяц.

– На ужин, – спокойно сообщила Эста, подходя ближе и вытаскивая из тушки свой нож, – умеешь свежевать?

– Я-то умею, а вот ты где научилась так кидать ножи? – Графу живо вспомнился тот первый вечер их знакомства, и стало как-то очень понятно, почему она тогда смотрела на него с жалостью.

Действительно пожалела, а могла бы воткнуть свою иголку или эти самые ножи.

– Научили, – насмешливо фыркнула монашка, снимая с птицы кожу целиком, вместе с перьями, – девушкам полезно уметь защищаться.

– Эста... – тяжело вздохнул Змей, все ясно, она тоже вспомнила ту его глупую и гнусную выходку, – прости, пожалуйста. Я же признал, что был неправ...

– Я простила, – честно ответила девушка, – а сейчас просто объясняю, зачем нас так учили. Мы должны суметь защитить не только себя, а еще и клиентов.

– Неужели нельзя было для девушек придумать более подходящее занятие? – сердито фыркнул граф. – Шили бы или вязали.

– Во всех монастырях девушки шьют и вяжут, – усмехнулась сестра Тишины, – и цена того труда медь, от силы серебро. А на мой контракт монастырь полгода будет жить безбедно. И никто не испортит глаз над свечкой, ведь там, на севере, зимы долгие, а дни с осени до весны короткие да темные.

Вот с этой точки зрения Змей вообще никогда не смотрел на труд вышивальщиц и кружевниц и теперь почувствовал легкую досаду. Как многого он, оказывается, не знал и не замечал, даже стыдно становится.

А Эста тем временем выкопала аккуратную ямку и сложила в нее снятую птичью шкурку таким образом, чтобы получилось подобие чаши. Затем, обильно застелила камень листьями конского щавеля, ополоснутыми в воде, и мелко порезала на этом импровизированном столике мясо, ловко отделенное от костей. Сложила в шкурку, добавила каких-то сушеных трав, щедро побрызгала жидкостью из плоского флакона, хранившегося в одном из кошелей. Сильно запахло уксусом, и граф, наконец, поверил, что обедать они будут довольно скоро. Через несколько минут девушка помешала мясо ложкой и посыпала солью и перцем, добытыми из того же кошеля.

Змею очень хотелось спросить, сколько всяких нужных вещей на каждый непредвиденный случай таскает глупышка на поясе, но он не решился, боясь нарваться на новое доказательство собственной недогадливости.

– Скоро будет готово, – закрыв листьями шкурку с маринующимся мясом, девушка подошла к Змею, – давай я распотрошу. А ты надергай рогоза, костер разгорелся. Только руки оберни, а то порежешь.

- У меня перчатки есть, - снимая с пояса кожаный объемистый кошель, в котором после получения должности носил бумаги и необходимые мелочи, ответил граф, мысленно хваля себя за то, что не поленился в замке Олтерна переодеться в гвардейскую форму.

В ней значительно удобнее путешествовать, да и проще получить помощь старосты деревни, до которой они когда-нибудь доберутся.

Когда Дагорд притащил кучу стеблей рогоза, Эста уже закончила разделять зайца и успела завернуть его в листья и завязать в узелок из неизвестно откуда взявшегося полотна. На прутиках жарились над углями кусочки птичьей и заячьей печени, перемежаясь с полосками жира и тонкими ломтиками мяса. Девушка расторопно перехватила стебли, обрезала и сложила ближе к угольям нижние белые и мясистые части и принялась раскладывать на листьях маринованное птичье мясо.

- Спасибо, - принимая лист, благодарно кивнул Змей, - а почему себе так мало?

- Не задавай вопросов, просто ешь, - отмахнулась она, но рассмотрела подозрительный взгляд графа и пояснила: - Я вообще меньше ем, неужели не заметил?

- Помню я ту картофелину, - нарочито хмуро процедил Дагорд и сунул в рот первый кусочек мяса.

Когда жуешь, не нужно следить за выражением лица, так и старающегося расплыться в саркастической ухмылке. Еще ночью, обходя комнаты и отправляя на проверку слуг, расставляя посты и проверяя на верность воинов, он думал, что шел в столицу вовсе не за этим. Всего лишь хотел обменять себя на глупышку, искренне веря, что Олтерн согласится оставить его и отпустить невзрачную и простоватую на первый взгляд девочку.

- Нужно что-то сделать с твоим мундиром, - задумчиво сообщила вдруг тихоня, подавая графу поджарившуюся печень, - иначе издали видно, что ты гвардейский офицер. Снимай, я срежу знаки и вышивку.

- Но, Эста, - попытался спорить граф, не желая отдавать мундир, - наоборот, в каждом селе...

- До каждого села еще нужно идти, - раздался из-под вуали невеселый смешок, - а как ты знаешь, после переворота некоторые бежавшие от суда мятежники до сих пор не пойманы. И гуляют в это время года они именно на юге.

- Но мы ведь не идем по дороге, - резонно заметил Змей, начиная подозревать, что снова что-то пропустил.

- Скоро пойдем, - подтвердила его подозрения Эста, - ты просто не спал ночь, Змей, потому и вредничаешь. Сам ведь прекрасно знаешь и принцип действия капсул при перегрузе, и любимые методы разбойников. Это только в романах изнеженного сибарита Тефли бородатые, нечесанные и немывые бандиты степенно выходят из кустов и вежливо вопрошают путников: «Жизнь или кошелек?» А потом главарь безумно влюбляется в обнаруженную в карете одинокую сиротку-графиню и оказывается единственным наследником богатого герцога.

Дагорд невольно усмехнулся, все точно. И про капсулы, в которых заложено сложное заклинание безопасности, благодаря которому нарушивший правила переноса путник не оказывается не в болоте, не в ущелье, а непременно возле села или, на самый крайний случай, возле дороги. А про бандитов и того вернее, никогда не станут они заранее пугать мирно едущий обоз или отряд. Ни брошенными поперек дороги деревьями, ни бородатыми силачами или разбойничьим посвистом.

Просто вдруг обрушится на ничего не подозревающих путников шквал стрел, болтов и дротиков, выбивая охрану и кучеров, а затем вылетит из леса толпа вооруженных всадников, завершая черное дело. Потому-то который уж год так неустанно воюет с ними железный Олтерн, не жалея на порталы никаких денег и перебрасывая в район нападений большие отряды солдат, а с ними ищеек и дознавателей. И уже повиловил и повесил главарей самых больших и дерзких банд, однако бродят еще где-то мелкие и осторожные шайки.

И, разумеется, едва завидев его мундир, никто из этих осмотрительных и хитрых бандитов не успокоится, пока издали не нашьпигует ненавистного гвардейца стрелами. Вряд ли после этого тихоня сумеет отбиться от них двумя ножами и иголкой.

Едва представив себе эту картину, Змей яростно стиснул зубы и принялся решительно расстегивать пряжки и пуговицы. Попутно начиная догадываться, что неспроста Эста заговорила про бандитов. Явно что-то углядела такое, на что он не обратил внимания.

– Ты что-то заметила? – вместе с камзолом девушке достался и вопрос, и она на миг задумалась, делая вид, что занята поиском ножа.

Пора уже сказать графу про свои задумки или лучше ему пока ничего не знать? До тех пор, пока ей самой не станут предельно ясны все детали той картины, что медленно, но неуклонно возникает перед мысленным взором. Картины горячей любви и обжигающей ненависти, не совсем, кстати, незаслуженной, хотя и слишком яростной.

– Так, по мелочи. – Девушка встала с охапки травы, сняла плащ и накрыла спину спутника, защищенную от осеннего ветерка лишь тонкой тканью праздничной рубашки.

– Эста! Зачем это? – возмутился Змей, не желая себе признаваться, как согрела душу такая простая забота и как приятно вдыхать запах ее плаща. – Забери.

– Не спорь, – устраиваясь рядом, мирно попросила она, – у меня кофта теплая, на подкладке, и блуза тоже. Кто же знал, что так получится. Прихватили бы хоть чашу со стола.

– И кувшин, и пару кружек, – усмехнулся Змей, сдаваясь, и, словно защищая от ветерка, осторожно приобнял девушку рукой, укрытой плащом. – Так что ты увидела?

– След, – сожалея, что даже таким хитрым маневром не удалось отвлечь спутника от расследования, вздохнула Эста, – подковы. Ехали через ручей, и поскольку сел рядом нет, значит, есть бандитское логово.

– Я пойду посмотрю, – собрался встать Дагорд, но тихоня придержала его за руку.

– Сиди, отдыхай, сейчас никого близко нет. Ведь ты уже понял, что я слышу намного лучше, чем обычные люди?! Вот и учись доверять моему слуху.

Змей послушно вернулся на место и задумался. Да, разумеется, это он заметил, но точно не знал, с чем связано такое необычное умение. Мало ли всяких зелий, амулетов, врожденных умений, доставшихся от нечистокровных предков, и просто талантов бывает у людей?! В их кругу спрашивать, чем кто пользуется, как-то не принято. Разве только у хороших друзей или в бою, чтобы знать, на что можно рассчитывать. Но раз она сама призналась, возможно, расскажет и еще что-нибудь?

– Откуда у тебя этот дар?

– Это не дар, а результат тренировок, – спокойно объяснила монашка: как ни крути, а придется говорить Змею правду.

Хотя бы ту, которая не нанесет никакого вреда монастырю, если станет известна чужим. Потому что когда-то ей придется вернуться домой и столкнуться со Змеем в другой обстановке, и лучше не давать ему повода для вражды или ненависти. Зачем создавать Геверту лишние трудности, брату еще истерики отца придется терпеть.

– И как можно тренировать слух?

– Под монастырем есть пещера... там очень тихо. И если там пожить несколько дней, то слух, чутье и зрение сами начинают обостряться, – мягко пояснила Эста, но он уже понял.

И представил и прочувствовал.

– И сколько тебе было лет... когда ты там сидела?

– Чем раньше начинать, тем лучше. Но сначала сидишь всего десять минут, – успокоила

девушка, искоса взглянула на лицо графа и обнаружила, что его скулы закаменели, а брови сошлись на переносице. – Змей! Там не страшно... почти. Все же ходят. Но не у всех получается.

Последнее уточнение сорвалось с губ само, Эста просто хотела пояснить, что в пещерах не бывает кучи народа, но Дагорд понял по-своему. Успел убедиться, какая она упорная и настойчивая. Небось, тряслась от страха и холода, а все сидела в этой чертовой пещере, вырабатывая особые умения.

– Демонская сила, – почти прорычал, крепче прижимая девушку к своему боку, – а на вид она такая добренькая! Ее бы саму в те пещеры!

– А кто тебе сказал, что она там не была? – возмущенно заступилась за мать-настоятельницу тихоня. – Она сама все это прошла. И я очень рада, что всему этому научилась... иначе не смогла бы помочь Герту.

Напоминание о друге окатило Змея холодной водой, и рука сама отпустила так доверчиво прижимавшуюся к боку глупышку. Демон, ну как он не усмотрел?! И некому морду набить, сам во всем виноват. Не нужно было в тот вечер пугать ее глупым розыгрышем...

– Готово, – тихонько произнесла через несколько минут монашка, задумчиво рассматривая спутника сквозь вуаль, и протянула ему мундир, на котором не осталось ни одной приметной детали. Даже пряжки исчезли, и вместо них появились продетые сквозь ткань простые шнурки, какими завязывают плащи и колеты разносчики из бедных лавок.

– Спасибо, – хмуро проронил граф и поднялся. – Куда идем?

– Туда, – указала она на противоположный берег, – но сначала я переоденусь и разуюсь.

– Достаточно, если разуюсь я, – спорить с таким категоричным заявлением не имело смысла, и потому Эста только пожала плечами и принялась менять свой облик.

Глава 34

Пока монашка занималась собой, Змей аккуратно снял ее плащ, натянул камзол, ставший более похожим на куртку наемника, причем неудачливого, и принялся наводить порядок на месте их привала. Сложил в платок про запас несъеденные печеные стебли и выбросил в речушку все огрызки, крупные угли и непрогоревшие сучья. Затем выкопал кинжалом ямку и сгреб туда золу, снова засыпав песком, а сверху – сухим мусором. Окинув убранную стоянку придирчивым взглядом, мысленно похвалил спутницу за то, что не оставила на камушке, где занималась разделкой птицы, ни следов крови, ни испачканных листьев.

И осторожно скосил глаза в ту сторону, где, отвернувшись от него, Эста пудрила и подкрашивала свое личико. Слава духам, уже лишенное той мерзкой маски, что была так похожа на морду свежошкуренного монстра. Чуть раньше Змей тайком проследил, как девушка, сняв свою верхнюю, темную кофту, решительно вывернула ее наизнанку и натянула снова. На взгляд графа, в таком виде кофта выглядела намного привлекательнее, чем прежде, хотя и стала непохожей на то, что носят знатные девушки. Теперь она была из плотного синего шелка, в веселеньких ромашках и лютиках, с пришитой на груди кокетливой оборочкой, отделанной атласом.

Непонятный тюрбан из серой вуали девушка тоже вывернула и, на миг явив любопытному взгляду графа заколотую на затылке косицу соломенного цвета, водрузила на нее чепец из того же шелка, что и кофта, и с такими же оборками. А вот теперь сидела и что-то делала с лицом, но пройдошливый Змей успел увидеть достаточно, чтобы понять: истинного облика спутницы ему сегодня узреть не удастся.

Но когда рядом с камнем, на котором он сидел, глядя на реку, внезапно появилась укороченная юбка, и голос Эсты кротко сообщил, что она готова, выяснилось, что граф плохо представлял себе, чего еще можно от нее ожидать.

Он застыл в совершенном потрясении, едва поднял взгляд и разглядел лукаво смотрящее на него личико почти незнакомой девушки. До этого момента Змей был почти уверен, что монашке не меньше двадцати трех, да и проскользнувшие в признаниях глупышки цифры позволили сделать приблизительные подсчеты.

Но вот этой девчонке, весело посматривающей на сидящего графа с высоты своего среднего роста, он никогда не дал бы больше восемнадцати. Подрумяненные щечки и подетски чуть вздернутый носик украшала россыпь золотистых веснушек, рыжеватые бровки и ресницы смотрелись совершенно несерьезно, а розовые губки, сложенные «бантиком», завершали картину. И вот тут оказалось, что спокойно реагировать на такую миленькую и женственную тихоню Дагорд не готов совершенно.

– Эста... – хриловато пробормотал Змей, опомнившись и попытавшись взять себя в руки, – ты уверена, что тебе следует ходить по дорогам в таком виде?

– Вот походил бы в той маске, потом и задавал глупые вопросы, – совершенно нелогично ответила глупышка, и он почему-то вмиг почувствовал себя палачом. – А здесь людей нет, и нам вообще может никто по дороге не встретиться. Так ты меня перенесешь? Давай твои сапоги.

– Перенесу, – сквозь зубы процедил граф, мысленно стискивая в кулаке свое воображение, и, отдав ей сапоги и узелок, бережно подхватил девушку на руки.

Воды на перекате оказалось по колено, и была она по-осеннему холодной, но Змей вряд ли это заметил. Его грело ощущение доверчивости, с какой сидела в его руках веснушчатая девушка, крепко прижимавшая к себе его сапоги, и желание больше не отпускать ее и не думать ни о друге, ни о каких-то обещаниях. В конце концов, она сама спокойно ушла от герцога, а вот за ним прыгнула в портал, стиснув так крепко, что он даже захлебнулся изумлением. Хорошо хоть, рассмотреть его в тот момент было уже некому.

– Змей! Зме-ей! Отпусти меня.

– Тут еще песок сырой, промочишь ботинки, – нехотя откликнулся он, хотя песок и вправду был сыроват.

Но через несколько шагов незаметная тропка вывела на бугорок, и пришлось-таки выпускать монашку из объятий.

Забрав у нее сапоги, Змей, специально не оборачиваясь, пошел вперед, ища, где бы сесть, чтоб обуться, и хорошо, что не оглянулся. Задумчивый и серьезный взгляд спутницы определенно насторожил бы его не на шутку.

Ствол низко склоненного к воде дерева граф выбрал среди прочих специально, слишком удобен показался для его цели, но едва подошел – сразу забыл и про свои любовные переживания, и про босые ноги, и про раздумья, в какую сторону идти, если они доберутся до дороги. На стволе остались вытертые следы от веревок или поводьев, а среди вытопанной и объединенной травы лежало несколько подсохших доказательств глупышкиной правоты. Видимо, неизвестным всадникам это место тоже понравилось, и Змей мог точно сказать чем.

Несколько росших неподалеку кустов загораживали это местечко с той стороны, где, по мнению монашки, находилась дорога, а ступеньки, выбитые в крутоватом спуске к воде, позволяли поить животных прямо здесь.

– Святая Тишина, – озабоченно произнесла как обычно неслышно подошедшая спутница, рассматривая находку Дагорда, – нужно уходить.

Рассказывать Змею, что она предполагала нечто подобное еще до переправы, Эста не собиралась. Как и посвящать мужчину в свои планы. Несмотря на то что личного опыта в любовных отношениях у девушки не было, ничего тайного в них для нее тоже не оставалось. Настоятельница очень старалась сделать все ради подготовки не только тел, но и сердец и душ уходящих в большой мир девушек к любому повороту судьбы. Даже самому обидному и нежелательному.

– Вот торт, – ставила она на стол перед ученицами украшенное орешками и засахаренными дольками фруктов сооружение, – он испечен по совершенно новому рецепту. И хотя сверху очень привлекателен и вызывает аппетит, вкус его очень необычен, я ручаюсь. И так же твердо знаю, что понравится он далеко не всем. Никто из вас заранее не знает, что почувствует, съев кусочек. Удовольствие, разочарование, обиду или возмущение... а быть может, даже получит отравление. Что поделать, вкусы у людей очень разные. Поэтому сейчас перед вами простой выбор: отрезать себе кусочек или нет. Потом вы можете сказать – какая гадость, выбросить его или выплюнуть, а можете доесть остальное... это личный выбор каждой из вас. Вот так же и любовь. Встретив мужчину, который сжигает вас страстными взглядами, нежно касается рук и шепчет ласковые слова, нужно помнить только об одном. Настолько ли он мил вам заранее, чтобы решиться попробовать, и готовы ли вы плюнуть на все и не вспоминать, если окажется, что это совершенно не ваш торт?!

Эста уже уверилась, что Змей испытывает к ней влечение, и решила про себя, что он как раз тот торт, который стоит пробовать. Хотя и не могла не отдавать себе отчет, что позже он наверняка окажется ядовитым. И, стало быть, не стоило им слишком увлекаться, чтобы не выворачивало потом болью душу и не обливалось кровью сердце. Но сначала девушка желала осуществить ту задумку, ради которой придавала себе внешность кокетки, причем самой страшной из всех кокеток, наивно-невинной. И очень не хотела предупреждать о своих намерениях Змея, точно зная, что ему этот план не понравится. Совершенно. И потому сестре Тишины поневоле пришлось немного поводить его за нос проверенными приемами кокетки.

– Здесь намного лучше погода, чем в столице, – вздохнула для начала новоявленная кокетка, – листья только еще начали облетать. У тебя нет такого ощущения, словно вернулся на полмесяца в прошлое? Я даже рада, что привелось тут прогуляться, приятно посмотреть на кусты и деревья. Змей? А ты очень хочешь спать? Я вот думаю, может, нам повезет и догонит какая крестьянская телега с сеном? Ты мог бы выспаться, пока доедем до села. А там отправим письмо... хотя я уверена, матушка за меня сильно не волнуется. Она же знает, что я с тобой. А если в первом селе не будет почтовой башни, можно купить простую коляску и лошадку. Знаешь, я хотела тебе сказать, ты не обидишься? Лучше твои кольца и цепочку к амулетом спрятать подальше. Сельские торговцы очень хитрые, если заметят золото, потребуют с нас три цены.

– У меня хватит денег, – снисходительно хмыкнул позабавленный этой болтовней Дагорд,

радуясь, что прихватил из замка Герта все наличные, – не волнуйся.

– Ты не понимаешь, – почти всерьез притопнула ножкой Эста, – много денег показывать тоже нельзя. У меня тоже есть деньги, но я не собираюсь доставать ни одной серебряшки, только медяки.

Тропка, становившаяся все шире, вильнув, вывела их на укатанную грунтовую дорожку, и граф немедленно свернул налево.

– Ты не туда идешь, – догнал его окрик монашки, и, оглянувшись, Змей с изумлением обнаружил, что она не оглядываясь топает в противоположном направлении, на юг.

– Эста!

– Нам лучше идти туда, – не останавливаясь, сообщила упрямая монашка, и раздосадованному графу ничего не осталось, как отправиться ее догонять.

– Подожди! – поймав девушку за руку, строго приказал он и едва не забыл, о чем хотел сказать, когда на него в заинтересованном ожидании уставились ярко-голубые лукавые глаза. Змею пришлось собрать всю силу воли для продолжения разговора. – Почему ты решила идти в эту сторону?

– Идем. – Она выдернула руку и... положила ее на согнутый локоть спутника. – Я скажу по дороге. Ну, во-первых, мне туда интереснее идти, на юге я еще не была. Еще – с севера идет туча, и встречаться с ней мне не хочется. Ну и последнее, посмотри, тут дорога под уклон, а ты устал.

– Но впереди холм, – строптиво проворчал граф, покорно идя рядом с ней.

– А я загадала, что до холма нас догонит телега или обоз и подвезет, – беспечно засмеялась девушка и чуть плотнее прижалась к его плечу.

И Дагорд не стал больше спорить, в конце концов, если действительно не имеет значения, куда идти, так зачем ссориться? Тем более что чувствовал он себя почти счастливым, даже, кажется, усталость начала понемногу отступать.

Пройдя несколько сотен шагов, Змей вспомнил предостережение Эсты насчет золота и решительно снял все, кроме висевшего на шее фамильного амулета. Не слишком сильного, да и давненько не сдавал его граф в магическую лавку зарядить. Однако расстаться даже на короткий срок с единственной связывающей его с родичами вещицей, которую не снимал с того момента, как матушка при расставании надела на шею, Дагорд не желал.

– У тебя, как я понял, полно потайных кармашков? – протягивая девушке кольца, шутливо спросил Змей, но его голос невольно дрогнул.

Если тихоня возьмет на сохранение, значит, уверена, что они еще не один день будут рядом, а если откажет...

Но она не отказала. Кивнула очень серьезно и молниеносно спрятала кольца, не обмолвившись про амулет даже словом. И это снова понравилось графу, как, впрочем, теперь нравилось в ней почти все.

– Эста, – решил спросить он спутницу через некоторое время, – а у тебя нет никаких родственников?

– Есть, – серьезно кивнула монашка, расслышав вдалеке топот копыт, – но еще вчера они были преступниками. Почти все. А сегодня получили амнистию... и я очень рада.

– А дом... куда вернуться, у них есть? – с замершим сердцем поинтересовался он.

– Да, – так же серьезно подтвердила она и решила, что пора сказать ему неприятную правду, – но нас догоняют всадники.

– Где? – стремительно обернулся Дагорд и сразу же с досадой сообразил, что бежать или прятаться бесполезно.

Все равно неизвестные уже заметили бредущую по пустынной дороге парочку, и если захотят догнать, то труда это им никакого не составит. Наоборот, раззадорит и разбудит азарт преследования.

– Ну почему ты раньше не сказала?

– Так я же с тобой разговаривала, – кротко смотрели голубые глаза, в то время как руки глупышки отстегивали от пояса подол и возвращали юбке прежний вид, – и все равно тут спрятаться негде. Но если это не обычные спутники, постарайся не спорить и не сопротивляться. И оружие сразу отдай.

– И не подумаю.

– Змей, – она нежно погладила спутника по руке, – я прошу тебя. Ты же воин, знаешь, что это может быть просто дозор. А основной отряд где-то недалеко. Нам от них будет трудно оторваться, а селяне вряд ли встанут на защиту. Возьми вот это, только не порежись, он очень острый.

Не останавливаясь и продолжая так же неторопливо шагать, девушка вытащила из плотного манжета кофты то, что до этого момента Змей считал простой невзрачной пуговицей. А на деле оказалось рукояткой очень маленького, слегка изогнутого ножичка.

– Дай рукав! – Девушка воткнула лезвие в шов манжета и повернула пуговку рукоятки. – Там крючок, просто так вытащить или потерять невозможно. Если свяжут руки, можно достать. Но постарайся их не злить, тогда связывать не будут.

– Да лучше я их перебую, и мы уедем на лошадях. А потом где-нибудь укроемся, – следя краем глаза за нагонявшими их всадниками, непримиримо рычал Дагорд, – ты не представляешь, что они с тобой сделают, как только свяжут меня.

– Змей! Меня учили двенадцать лет, – очень строго отчеканила девушка, – однако я не умею драться кулаками и махать мечом. Но этих троих убью мгновенно, если они только попытаются со мной что-то сделать. Только хочу сначала убедиться, что они действительно негодяи, а не осужденные, такие же, как мой отец и брат, только сбежавшие из-под присмотра.

– Демонская сила, – выдохнул он огорченно, но спорить больше не стал.

Хотя тоже по-своему приготовился к тому, что придется вытерпеть унижение, побои и даже плен. Вытащил из кошель маленький фиал и глотнул из него неразбавленного зелья, придающего бодрость и силу. А потом сунул его обратно в кошель и вручил тот спутнице.

– Спрячь.

И снова она беспрекословно выполнила его просьбу, сунула кошель куда-то под юбку, сделав вид, что потрясает ее от пыли.

– И что вы делаете посреди дороги? – Один из всадников, вырвавшись вперед, нагнал парочку, в то время как двое других предусмотрительно остановились поодаль, держа на изготовку луки.

Снова она была права, пришлось признаться Змею, вытаскивать кинжал в такой ситуации не имеет никакого смысла. Ведь ясно, что к ним послали самого бесполезного из незнакомцев.

Глава 35

– Ой, дядечка! – Глазки кокетки засияли радостью. – А у вас водички нет? Так пить охота! А мы идем, идем...

– Куда? – подозрительно осведомился мужчина средних лет, не торопясь отстегивать от седла флягу.

– А мы сами не знаем! – счастливо объявила Эста. – Это мой жених, и он меня украл из дома! Нас подвез обоз, а потом деньги кончились, вот и идем. Как будет село, наймемся на работу, мой зайчик все умеет! И дрова рубить, и огород копать! А я могу в прислуги или поварихи, я хорошо готовлю!

Кашель, скорее похожий на рычание разъяренного медведя, раздался за плечом девушки, и она, обернувшись к спутнику, залепетала с непосредственностью избалованного ребенка:

– Ой, зайчик, ты что, ревнуешь? Прекрати, это глупо. Посмотри, какие достойные люди нам попались! Наверное, они знают, далеко ли до села, а то я ногу натерла. А может у них есть вода?! У меня прямо во рту все пересохло.

– Держи, – не выдержал всадник и помахал спутникам, – а до села мы вас довезем. Непременно. Только вот кинжальчик у «зайчика» на время заберем.

– Я – Даг! – яростно рыкнул Змей. – И у меня благородное происхождение. Могу дать честное слово, что не стану доставать кинжал из ножен.

– Давай, – кивнул один из подъехавших, – но не слово, а пояс с кинжалом и всем остальным.

– Порядочные люди, а ведете себя, как разбойники! – сверкнул на него презрительным взглядом Змей, потом пробормотал еще несколько невразумительных ругательств и растегнул пояс.

– Порядочные люди на этой дороге с обозами и отрядом охраны ездят, – ловко подхватив его пояс и положив себе на колени, назидательно сообщил старший, – а не бродят пешком и без вещей. Садись позади вон него и не вздумай шалить, я следом поеду. Фалер, возьми девчонку на седло.

– Ой, я вам так благодарна, так благодарна. – Вернув флягу, девушка схватилась за поданную руку и птичкой взлетела на лошадь, умудрившись усестись позади всадника.

– Иди сюда, – разочарованно нахмурился он и придумал повод: – Упадешь еще оттуда.

– Ой, как хорошо-то, отдохнут мои ножки, – словно не слышала Эста, а когда настойчивый спутник попытался перетянуть ее вперед, громко сообщила: – Да вы не переживайте, дяденька! Я уже к вашему ремню пояском привязалась, теперь нипочем не упаду. А давайте поскачем быстрее всех? Я страсть как люблю быстро скакать. Бывало, отец заседлает коней, и мы скачем наперегонки! С братьями! У меня двенадцать братьев, представляете? И все старшие. Ужас. Меня зайчик прямо из лавки украл, я за орешками пошла. Только мы их давно съели, те орешки. А в селе харчевня есть? Мы в харчевне ели, зайчик дров нарубил, а я посуду перемыла. Жалко, что это было позавчера. Хорошая была похлебка с кислой капустой и мяса много. Но пришлось оставить и уходить через черный ход, в обозе прятаться. Братья мои, представляете, упрямые какие? Нипочем не хотят меня за зайчика замуж отдавать. Нет, он мне пока не предлагал, но знаете, как мы любим друг друга? Просто жуть.

– А ты точно хорошо готовишь? Не врешь? – невпопад спросил старший, ехавший в нескольких шагах позади.

– Как на духу! – вытаращив глазищи, закивала ему Эста. – Я вообще никогда не лгу! Незачем мне! Братья так пальчики облизывали, когда я варила, так и говорили всегда, пусть Лиска готовит! Это я – Лиска. Нет, мое полное имя Эсталис, но батя говорит, еще не доросла.

– Ладно, поверим, – угрожающе сообщил старший и скомандовал: – У старой груши сверни направо.

– Отвезем к горам? – оглянулся на него Фалер. – А может, сначала к себе?

– Перебьешься. Туда обещали.

Эста поймала встревоженный взгляд Змея и строго нахмурилась, запрещая что-либо предпринимать. Ей было очень интересно, что это за горы, и очень не хотелось терять редкую возможность втереться в доверие.

Старая груша, от которой маленький отряд свернул вправо, в сторону синееющих на горизонте гор, появилась у дороги через полчаса, и за это время Змей успел хорошенько продумать ситуацию и решить, что пока торопиться не стоит. А потому поступил так же, как Эста, снял моток веревки, висевший у седла, и спокойно примотал себя к хозяину лошади.

– Ты! – возмущенно дернулся тот. – Ну-ка отпусти!

– Не ори, – устало попросил Дагорд, – тебе же лучше делаю, не потеряешь меня. А то я так устал, что просто засыпаю.

– Странные они какие-то, – пробурчал Фалер, – никого не боятся, вещей нет...

– А кого нам бояться? – звонко возмутилась Эста. – Вы же люди хорошие, сразу видно. Вот и подвезти взялись, и водичкой напоили. А к вечеру, может, и ужином угостите. А если готовить некому, то я и приготовлю. У нас вон мясо есть в узелке, но котла нет.

Змей даже поперхнулся от неожиданной и определенно незаслуженной похвалы их спутников, но сдержался и ничего не сказал.

Проснулся он на закате от того, что лошадь встала, и, торопливо оглядевшись, понял, что приехали они к охотничьей избушке, явно приспособленной для тайного бандитского логова. Покосившаяся дверь была забита толстыми жердями, но легко открылась, едва главарь вытащил потайную заглушку.

Пленников в дом не позвали, хотя с лошадой ссадили и разрешили по очереди прогуляться в кусты. Змею невольно стало смешно, когда он представил, на что способна отпущенная в кусты монашка, но Эста вернулась со скромным румянцем на щеках и сразу попыталась завести разговор про ужин. Однако на нее прикрикнули и велели посидеть тихо.

Она и села, рядом со Змеем, и он обнял ее за плечи на совершенно законных правах, чувствуя, как повышается настроение от этого простого действия. Тем более Эста и не думала протестовать, прижалась теснее, положила голову ему на плечо.

– Ты очень кушать хочешь? – шепнул он вовсе не потому, что хотел это знать, и так помнил, что несколько кусочков наспех замаринованного мяса не лучший обед.

Просто хотелось ближе наклониться к ее личику, вдохнуть слабый аромат трав, который исходил от ее волос, заглянуть в голубые глаза, оказавшиеся почему-то очень серьезными и настороженными.

– Ага, – вздохнула она и, пользуясь тем, что двое их спутников расседывали поодаль лошадей и таскали в дом снятый с седел груз, очень тихо шепнула, делая вид, что целует «жениха» в щеку, – тут пирамидка.

– Может, уйдем? – так же тихо шепнул Змей, даже не надеясь, что тихоня согласится.

Понял уже по ее поведению, что девушка встала на след, как ищейка, и просчитал со свойственной ему рассудительностью, что уходить с этого следа она не пожелает. Такая уж настойчивая и упрямая, и, хотя это немного огорчает и еще сильнее тревожит, никаких прав, чтобы запретить девушке так рисковать, у него пока нет. Змей невольно задумался, а хочет ли он получить такие права, и впервые в жизни не смог сразу же сказать себе свое обычное «нет».

- Зайчик... - Голубые глаза глянули так виновато, что у Дага сердце перевернулось в груди, - прости, что втянула.

- Не говори глупостей, - он обхватил глупышку уже двумя руками и крепко прижал к себе, - я не мальчик, понимаю, что делаю.

- Эй, вы, бродяги, перестаньте обниматься, - язвительно окрикнул с крыльца Фалер, - идите в дом.

Змей поднялся первым, потянул к себе Эсту и, крепко обняв за талию, повел к неказистому и грязному крылечку.

- Ой, - вдруг скривилась тихоня, когда они проходили мимо немудреного и пока холодного очага, - кажется, колючка.

И, вывернувшись из объятий Змея, склонилась и полезла под юбки. Бандит уставился на приоткрывшиеся взгляду ботиночки с нескрываемым интересом, а Дагорд насторожился. Как-то привык за последние дни, что от любого движения глупышки можно ждать подвоха.

Однако Эста и в самом деле, выпрямившись, победно показала крошечную соломинку и снова повисла на локте графа, небрежно отбросив находку в сторону.

- Вас берут слугами в хорошее место, - без предисловий объявил старший, сидевший возле стола, на котором стояла большая пирамидка. - Вот капсула на двоих, ходили когда-нибудь?

- Мне пришлось, - твердо кивнул Дагорд, сообразив, что юная сельская девушка нигде не могла видеть таких вещей, - а пояс-то отдай.

- Ой! Большое вам спасибо за помощь, люди добрые! - радостно затараторила Эста. - А ведь я, как вас увидела, так сразу поняла, что нам повезло.

- Это зайчику твоему повезло, - вздохнул вдруг главарь и подвинул к графу лежащий на столе пояс, - держи ее крепче.

Граф торопливо застегнул пояс, мимоходом отметив про себя, что висевшие на нем вещицы пристегнуты не так, как делал он, но спрашивать ни о чем не стал. Как и выхватывать кинжал. Бандитов и правда пока как-то не за что было убивать, хотя судить, несомненно, следовало.

- Иди сюда, - привлек он к себе тихоню, и та с готовностью обхватила его руками за талию.

А в следующий момент капсула хрустнула под крепкими пальцами Змея, и заброшенная хижина осталась где-то далеко.

Под ногами был пол круглой и просторной верхней площадки порталной башни, окруженной массивным бортиком из замшелого от времени камня, за которым, загораживая горизонт, поднимались со всех сторон седые скалы. А над головой плыли редкие и очень близкие облака.

- Ой, красотища-то какая! - восторженно ахнула Эста, и Змей, прижавшись щекой к оборкам чепчика, благодарно усмехнулся.

Слова монашки могли означать только одно, она что-то услышала. Вот и старается побыстрее его предупредить, что они тут не одни.

- Ты права, милая, - нежно сказал Дагорд, впервые в жизни не вложив в эти слова насмешки. - Тут действительно так красиво, что дух захватывает от величия гор. Но ветерок прохладный, ты не простыла бы.

Отмечая про себя, как все же легко с ней в такой, очень непростой и тревожной ситуации.

- Спускайтесь вниз, - сказал неподалеку мужской голос, - в кухне тепло и готов ужин.

- Ой, извините... - так естественно засмушалась Эста, что Змей невольно разжал руки. - Мы вас не заметили. А как вас звать? Я Эсталис, или просто Лиска, а он - Даг. Нас хорошие люди подвезли и сказали, что нашли нам работу, правда, повезло?

- А я Кирт, можно дядюшка Кирт, - степенно ответил мужчина, пропуская парочку к узкой дверце в перилах, распахнутой, казалось, прямо в пропасть.

Змей насторожился, отодвинул глупышку и шагнул туда первым, мало ли какие шутки в ходу у этих любителей тайн и сюрпризов.

Однако за дверцей обнаружилась неширокая лестница, ведущая вниз вокруг конусообразной стены. Как вскоре оказалось, к массивной двери, закрывающей прорезанный этажом ниже вход в башню. За дверью был чистенький коридор, освещенный закатными лучами, проникающими через широкое и высокое арочное окно в противоположной стене. С каждой стороны коридора виднелись двери, а под окном - начало лестницы на нижний этаж. Там все повторилось, коридор, напротив окно, а по бокам комнаты, очень небольшие, судя по длине коридора.

Провожатый молча шел сзади, и вопросительно оглянувшийся на него Дагорд повел Эсту еще ниже. На этом этаже дверей с каждой стороны уже было по две, и на лицо Змея, мысленно подсчитывавшего количество народа, которое может проживать в этих комнатах, легла тень.

- Как вкусно пахнет, - тихо шепнула глупышка, когда они вступили на очередной ведущий вниз пролет лестницы, и крепче прижалась к руке спутника, - ты чувствуешь, Даг?

- Угу, - невнятно хмыкнул он, пытаясь понять, что именно она хотела ему этим сказать. И начиная остро жалеть, что не догадался, пока они еще были наедине, договориться об условных словах и сигналах.

- Кухня направо, - сказал дядюшка Кирт, подтверждая догадку глупышки, что слух у него вовсе не старческий, - а умывальня за углом, вниз по лесенке. Она у нас одна, поэтому, когда входите, поворачивайте картинку на двери.

- Иди умываться, я потом, - подтолкнул граф Эсту, замирая на месте и осматривая убранство просторной комнаты, служившей, как принято в этих местах, сразу нескольким целям. Прихожей, судя по шкафу и крючьям для одежды, вбитым рядом с узкой, но крепкой даже на первый взгляд дверью, столовой - по поставленному торцом к окну длинному столу, окруженному стульями с высокими спинками, и комнатой для отдыха и вечерних посиделок. Об этом говорили расположенный налево от лестницы очаг с вытертым ковром перед ним и стоящие на этом ковре кривоногие кресла и диванчик.

- Посиди пока на кухне, - предложил Кирт, - там теплее. Плаща-то у тебя нет.

- Убегали мы, - хмуро сообщил Змей, ничуть не сомневаясь, что главарь встреченного ими дозора, прежде чем выдать капсулу, подробно доложил сюда все, что наболтала глупышка, - вот и не взял.

- А почему убегали? - мирно спросил дядюшка. - Вроде ты мужчина здоровый и видный?

- Зато бедный, - припомнив свои собственные проблемы, мрачно фыркнул Дагорд и неторопливо направился к зарешеченному окну, намереваясь посмотреть, что за ним.

- Я умылась, - вылетела из-за угла Эста, - иди, Даг, там даже водичка теплая есть.

И Змей тут же свернул в сторону умывальни, решив, что посмотреть на улицу он всегда успеет, а вот оставлять монашку одну лучше как можно реже. И по возможности ненадолго. Никогда нельзя заранее знать, что она еще может наплести, попадешь потом впросак. Да и неизвестно, кто ждет их в кухне.

Поэтому в небольшую комнатку, носящую это название, он вошел уже через пару минут и сразу успокоился. В этом маленьком уютном помещении было тихо, чисто и

немноголюдно. Кроме сидевшего у очага и подкладывающего туда дрова дядюшки Кирта была еще худощавая женщина в длинном переднике поверх темной юбки и с закатанными рукавами ситцевой блузы в мелкий цветочек. Она разливала по глубоким, крестьянским деревянным мискам густую, пахнущую мясом и приправами похлебку, а Эста ловко нарезала на обрезке толстой доски лук. Еще на придвинутом к окну столе стояла корзиночка с ломтями серого хлеба и тарелка с крупно порезанным вареным мясом.

- Садитесь, ешьте, - оглянулась на вошедшего кухарка, - я Олита.

- А я Даг, - откликнулся Змей, проходя к стоящему в уголке стулу, когда рядом глупышка, смешно садиться так, чтобы ее защитить, - а где хозяйева?

- Мы тут за хозяев, - мирно ответил дядюшка Кирт, - а они приезжают, когда вздумают развлечься или поохотиться. А вас наняли нам в помощь, специально подыскивали семейную пару без детей. Вы же не собираетесь детей заводить?

- Пока нет, - вздохнула Эста, - куда нам, бездомным. Вот подзаработаем, начнем домик поднимать, тогда и подумаем.

И, устроившись рядом со Змеем, заботливо подвинула ему самую большую миску с супом.

Глава 36

Похлебка и в самом деле оказалась очень вкусной, а хлеб еще мягким, и Эсте было очень интересно, на кого тихая кухарка Олита готовила столько супа, что хватило им всем и еще осталось?! И для чего она печет такие большие ковриги хлеба? Если хозяева, как они говорят, приезжают сюда поохотиться, и далеко не каждый месяц. Ведь пока не установились холода, значительно проще каждый день замесить немного теста на хлебец и сварить небольшой котелок варева.

Следовательно, или есть кто-то, кого эти преданные слуги подкармливают, или холодный подвал, вход в который Эста еще не обнаружила. И значит, нужно на всякий случай предупредить Змея не выходить на улицу без оружия, да и вообще не ходить одному. А еще как-то подать ему знак, чтобы не вздумал требовать себе отдельную спальню. Хотя Эста уже скромно призналась кухарке, что будет жить с ним в одной комнате, объяснить заранее графу, что так безопаснее, она пока не успела. Не говорить же об этом при слугах, являющихся, кстати, супружеской парой.

– В чем мыть посуду? – едва поев, поднялась из-за стола девушка, но Олита решительно перехватила у нее из рук грязные миски.

– Сегодня отдыхайте, вы с дороги. А утром приходите сюда с рассветом. Нужно будет дров нарубить и кашу сварить. Идите, выбирайте любую комнату на третьем этаже. Мы живем на четвертом.

– Спокойной ночи, – глянув на гаснущий за окном закат, пожелала Эста. Но, уже шагнув к двери, остановилась, словно только что вспомнила, и, смущаясь, спросила: – А ночью в коридорах темно? Если в умывальню нужно будет?

– На лестницах горят фонари, а в спальне две лампы, одну можно брать с собой, – понимающе кивнула кухарка.

Дагорд вежливо пожелал хозяевам мирного отдыха и размеренно пошагал следом за монашкой, стараясь ничем не выдать вскипевших в крови надежд. Что больше он не будет благородным дураком, Змей знал точно, не раз потом проклял себя за ту ночь. Но не мог пока понять, для чего Эсте понадобилось селиться с ним в одной комнате: просто ради безопасности или она намерена дать ему еще один шанс? И как в таком случае понимать их объятия с Гертом и слова друга, чтобы Змей ее берег? Как ответную заботу благодарного за помощь герцога, или как что-то большее? А если она... будет сегодня не против его ласк, то не станет ли это изменой Геверту? И если станет, то чьей?

Хотя вот с этим ясно, он не давал Герту никаких обещаний за ней не ухаживать. Таким образом, изменницей можно считать только ее. Однако Эста вовсе не легкомысленная глупышка, какой так здорово умеет притворяться, и прекрасно знает, чего хочет. В таком случае, если она выберет его, Дага, значит, он нравится ей больше Герта?! И, разумеется, это будет очень приятно, если признаться честно. Намного приятнее глупого обожания фрейлин Лоурдена, которые не могут пояснить свой выбор мужчины ничем, кроме слов «ах, он такой смелый!». Причем имеют в виду явно не отвагу надежного телохранителя.

Эста решительно распахнула дверь по правую сторону коридора, и Змей испытал почти разочарование от обыденности этого жеста. Демон, ну вот с чего он себе напридумывал всяких глупостей, как подросток?! Определенно, девушка и не подозревает о его надеждах и выбрала общую комнату просто из соображений безопасности.

А монашка уже шагнула внутрь, обошла комнату по периметру, изучая мебель, вид из окна и ширину очага, потом спокойно прошла мимо вставшего у двери Змея и направилась во вторую спальню. Змей язвительно заухмылялся, поняв, что снова не предугадал смысла ее поведения. Глупышка всего-навсего подходит к выбору спальни со свойственной ей предусмотрительностью. Желание проверить, совпадут ли их выводы, подтолкнуло Дагорда пройти по комнате по ее следам, оценивая жилье с точки зрения безопасности. Выглянул в окно, убедившись, что под ним нет ни карниза, ни балкона, зато есть довольно частая решетка, подергал массивную задвижку, перекрывающую печную трубу и осмотрел засов на двери. А потом отправился изучать комнату напротив. И через несколько минут остановился рядом со стоящей посреди комнаты Эстой.

– Я думаю, зайчик, лучше занять ту комнату, – выразительно указав глазами в сторону лестницы, пролепетала монашка, – там солнышко будет после обеда, а я собираюсь вечерами шить себе рубашку. Как ты думаешь, нам дадут немного денег наперед?

– Не знаю, – пожал плечами Змей, прислушиваясь, но вскоре раздосадованно понял, что ничего не слышит, – мне тоже та больше понравилась, там как-то свободнее. Идем? Ты же устала.

– Идем, – согласилась Эста и снова первой пошла вперед.

Однако, когда она вышла в коридор, на лестнице, ведущей вниз, никого уже не было.

Дверь комнаты Змей запер за собой на засов, не забыв тщательно рассмотреть и подергать гвозди и заклепки, а когда обернулся посмотреть, чем занята «невеста», снова испытал разочарование. И вместе с тем – умиление, хотя никогда бы ранее не поверил, что может одновременно испытать к кому-то эти чувства. Девушка уже успела повесить на спинку стула свой жакет-перевертыш, снять чепец и вынуть из волос шпильки. И теперь сидела за столом, чуть склонившись над клочком бумаги, и что-то стремительно писала.

– Зайчик, – Эста подняла глаза от письма и, небрежно откинув в сторону прядь шелковистых волос, ласково улыбнулась, – ты ложись. Я сейчас, только волосы переплету и прибегу.

– Снова кто-то подслушивает? – в молчаливом вопросе поднял брови Дагорд, но она лишь качнула головой и снова сосредоточила все внимание на своем занятии.

Змей совсем уже собрался сделать так, как она приказала, и вдруг в его душе что-то взбунтовалось. Как-то глупо и неправильно было так поступить, словно он действительно бродячий наемник, сманивший из надежного дома наивную девочку.

– Эста, – шагнул граф к тихоне вплотную и присел возле ее стула, снизу заглядывая девушке в глаза, – я буду спать на диванчике.

– Да?! – отстраненно отозвалась она, торопливо дописывая письмо, засунула его в пенальчик, закрутила, отправила и только после этого задумчиво уставилась в глаза Змея. – А почему?

– Потому что знаю... просто спать рядом с тобой я не смогу. – Признание далось ему не так-то легко, но Дагорд упрямо продолжал: – Но дорожного романа тоже не хочу. Но если ты согласна... заключить помолвку и взять мое кольцо, то, с изумрудом, фамильное...

– Змей... – Вот такого Эста от него никак не ожидала.

Через полгода или год, а может, позже или раньше, когда Арвельд закупит племенных животных, наймет пастухов и начнет возрождать на возвращенных пастбищах прежние тучные стада и незыблемое богатство, герцогиню Адерскую трудно будет удивить или порадовать таким предложением. Но сейчас, пока она никому не известная сестра Тишины, не имеющая ни герцога-брата, ни покоев в старинном замке, это просто роскошное предложение, и девушка чувствовала себя польщенной и искренне тронутой. А еще грело душу осознание исключительности такого поступка, пожалуй, даже матушка не поверила бы, что Змей способен на такое. И где-то в самом потаенном, накрепко запертом и защищенном от любого подглядывания уголке души ликующе расцветало что-то очень горячее и смелое, но невероятно опасное. Хотя думать про эту опасность не хотелось совершенно.

– Что? – Смотреть на ее растерянное личико и разгоравшийся на щеках пожар было невыносимо приятно, но Змей желал до конца выяснить этот вопрос. – Если ты что-то пообещала Геверту...

– Нет, не обещала. Да и не могла обещать, у нас не такие отношения... – сразу отрицательно замотала она головой и рассмотрела, с каким огромным облегчением выдохнул Змей, – я позже объясню. А твое кольцо... если ты хорошо подумал, я возьму.

В конце концов, его же можно будет потом вернуть назад? Если она заметит, что чувства

графа далеки от тех, какие нужны ей. Она же не взаправду глупышка какая-нибудь... и вообще, торты нужно пробовать, это она после уроков матушки усвоила очень хорошо.

- Эста! - Сильные руки вмиг обняли девушку, а в следующий момент уже несли по направлению к постели. - Глупышка моя... ну, конечно же, я подумал.

- Ты его узнал? - отгребая почти прогоревшие угли к дальней стенке очага и закрывая заслонку, тихо спросила Олита и обернулась.

- Конечно, - помолчав, проворчал Кирт, неспешно строгавший мешалку, - да он имени и не скрывает. Но вот почему он в таком виде и с этой девочкой... ума не приложу.

- Будем докладывать или подождем? - Кухарка присела к столу и положила на столешницу натруженные руки. - Могли бы ведь и не узнать?

- А что они ему сделают? - стрельнул в нее хмурым взглядом муж.

- Кто знает, что им в голову взбредет. А девочка останется... без своего зайчика.

- Добрая ты... а вдруг прознают?

- Откуда? Мы не молоды, память все хуже... да и столько лет прошло, мудрено узнать.

Они еще немного помолчали, потом сторож отложил в сторону свою работу, поднялся и отряхнул от стружек штанины.

- Ладно, поглядим. Гаси лампу, пора спать.

Змей проснулся ровно в тот момент, какой заказал, засыпая, и, еще не открывая глаз, расплылся в довольной улыбке. Настроение было таким хорошим, как не бывало уже давно, он даже припомнить не мог, насколько.

Протянув руку туда, где должен был находиться источник его благодушия, Дагорд почему-то никого не нащупал и резко сел, распахивая глаза. Рядом с его глупышкой расслабляться не стоило, она во всем ведет себя не так, как другие девушки ее возраста, и нельзя сказать, чтобы Змею это не нравилось. Но уверенности не добавляло.

- Мог поспать еще четверть часа, я бы разбудила, - так мирно и очень по-домашнему сообщил от столика голос Эсты, что у графа мгновенно отлегло от сердца.

- Я хотел поговорить с тобою перед работой, - торопливо натягивая одежду, отозвался Даг и направился к ней. Эста уже была полностью одета, только чепец с оборками еще лежал рядом с зеркальцем, перед которым монашка возрождала вчерашний облик.

По-хозяйски приподняв рукой лицо девушки, Змей придирчиво рассмотрел свеженарисованные веснушки и огорченно поинтересовался:

- Как я понимаю, поцеловать невесту мне уже нельзя?!

- Ты об этом хотел поговорить? - лукаво прищурилась Эста, чувствуя, как невольный румянец заливал скулы.

Они все рассказали и все объяснили ей, ее многоопытные и многомудрые наставницы, вот только про одну очень важную вещь почему-то не обмолвилась ни одна. Даже не так, не важную, а самую главную. Как жить, о чем говорить и просто дышать, если торт оказался сказочным чудом.

Ну конечно, можно сравнивать произошедшее между ними этой ночью хоть с тортом, хоть с вином, и в чем-то это будет верно. Но на самом деле все намного сложнее и тоньше. Никогда раньше Эсте даже в голову не приходило, что всего за ночь почти чужой мужчина может стать ей настолько близким и своим, что даже мимолетная мысль о том, что можно вернуть ему кольцо, будет вызывать яростное негодование. И что всего за несколько часов немыслимое сплетение сокровенных тайн и прикосновений, слов и

обещаний, крепче стальных цепей намертво привяжет ее мечты и надежды к этому человеку. Но больше всего ее пугало осмысление, что где-то в глубине души это ей нравилось и казалось очень правильным.

А утром очнувшийся разум и воспоминания о наставлениях учительниц просто засыпали ее предостережениями о том, что Змею нельзя ни показывать этого, ни рассказывать.

«Мужчины, они ведь в большинстве своем в душе завоеватели, – объясняла одна из сестер, – и чем более сильным полководцем себя чувствуют, тем больше крепостей желают положить к своим ногам. Вот только никогда не оглядываются назад и потому не видят, сколько ненависти и злобы прорастает на тех руинах. А когда эта ненависть настигает кого-то из них ядовитой стрелой или брошенной под ноги петлей, еще и удивляются: за что?»

– И об этом, – подхватив девушку на руки, Змей сел на стул и осторожно заглянул ей в глаза, – но главное другое. Я не хочу, малышка, чтобы ты рисковала. Они ведь получили твое письмо? Значит, скоро найдут эту башню. Давай сделаем так, я пойду рубить дрова и скажу, что ты заболела. Ты сумеешь изобразить эту болезнь, но не думаю, что притворяться нужно будет долго.

– Даг... – Тихоня хотела что-то сказать, но он нежно положил палец ей на губы.

– Прошу тебя, не спорь хоть один раз. Не нужно. Ты не понимаешь, я так счастлив сегодня... и готов бороться за это с кем угодно.

– Змей, – еле слышно шепнула Эста, обвивая его шею руками и чувствуя, как осыпаются с нее мудрые советы настоятельницы, словно под грозовым ветром с веток перезрелые сливы, – ты не понял. Я им написала не приходить сразу, подождать несколько дней. И дать нам время самим разобраться. Потому мы идем вместе, и не сиди босиком, пол тут холодный.

– Демон, – расстроено рыкнул он и крепче прижал ее к себе, – вот как чувствовал. Ну, почему ты у меня такая рисковая, глупышка?

– Тебе не нравится?

– Мне все в тебе нравится, – честно сознался он, – но сейчас мы не об этом. Ты же вечером сама поняла, что они что-то темнят? А ночью мне приснился сон, и я все вспомнил. Они служили у Олтерна, в том самом поместье, эта кухарка и ее муж. Но вскоре после свадьбы герцога уволились, якобы наследство получили.

– Вот как, – задумалась Эста, нежно поглаживая жениха по щеке, – в таком случае нам нужно показать себя очень старательными работниками. Идем.

Однако никуда идти им не пришлось. В коридоре раздались шаги и голоса, и девушка, рыбкой выскользнув из рук Змея, торопливо натянула на голову свой чепчик. А едва раздался стук, незаметно для насторожившегося графа подсунула что-то под ремень висевших на спинке стула ножен и ринулась отпирать дверь.

Монашка успела распахнуть створку и даже состроить перед стоявшими за дверью людьми самое приветливое выражение лица, когда за ее спиной раздался знакомый и долгожданный треск.

– Ушел, змей! – отталкивая в сторону девушку, бросился в спальню плечистый мужчина, уже понимая, что это бесполезно.

– Как ушел? – оглянувшись, испуганно вскрикнула глупышка. – Что вы натворили! Зайчик! Куда ты?! Верни-и-ись...